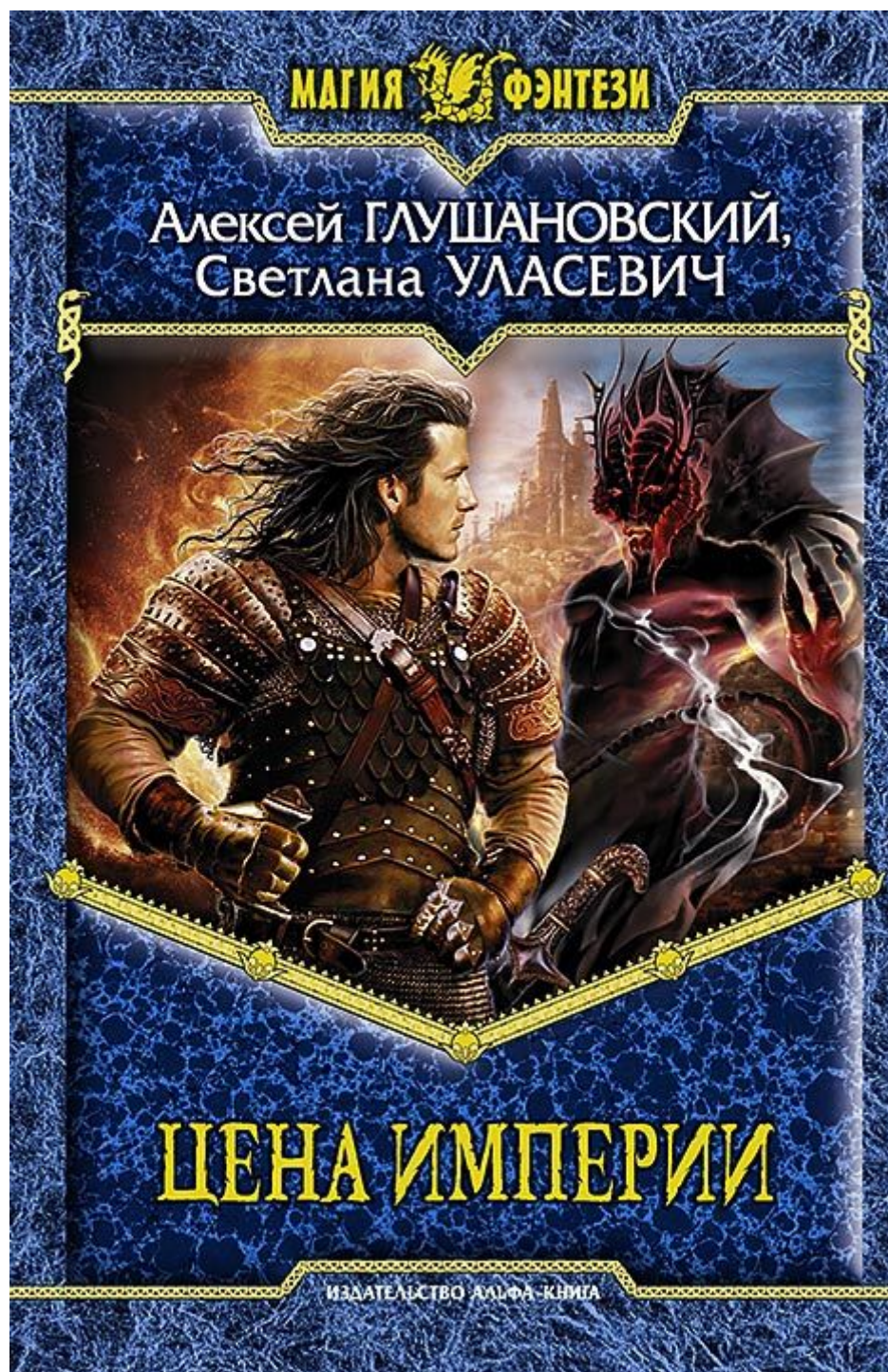

Алексей Глушановский Светлана Уласевич
Цена империи

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3524365
«Цена Империи»: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1195-5

Аннотация

Древнее как мир столкновение добра и зла. Вечная борьба противоположностей. И снова мир на пороге войны, и снова жизнь балансирует на грани меча. И непонятно, кто в этот раз победит и какой ценой достанется правителю империя. Тяжелым бременем

власть ложится на плечи, и человеческая жизнь теряет и одновременно приобретает свою цену...

Разные по стилю и жанру произведения объединены темой столкновения людей с другими формами жизни. Кто выйдет на этот раз победителем? И способны ли они сосуществовать в мире?

Алексей Глушановский, Светлана Уласевич Цена империи (сборник)

Алексей Глушановский, Светлана Уласевич

Цена империи

— Слава! Слава победителю! Слава Стальной Хватке!

Ремул пылал. Орда ланов пришла по весне, и не ожидавшая нападения столица некогда могущественной Ромейской империи рухнула под копыта коней закованных в сталь воинов Сельмана. И теперь, объятый бушующим пламенем, величественный город терял последние признаки былой красоты.

Сквозь многочисленные проломы в стенах в него непрерывно вливались войска молодого полководца, сына Сельмана Кровавого. Уцелевшие жители еще сопротивлялись, но это была уже агония. Особенно отчаянная битва шла около сердца Ремула — священной рощи, рядом с которой стоял небольшой, но удивительно прекрасный белоснежный храм с золотой отделкой. Издали он походил на сказочное облако, спустившееся на мгновение с неба, чтобы отдохнуть, укрывшись зеленым одеялом леса.

Поглядывая с высокого холма на развернувшееся зрелище, Аларих Стальная Хватка презрительно ухмылялся. Воистину странные люди эти ромеи! К чему такая отчаянная оборона какого-то здания, пусть даже и довольно красивого? Чего защищать-то? Он еще мог бы понять, если б с подобной фанатичной храбростью враги спасали дворец своего правителя или городскую казну. Но нет. Эти стратегические объекты были взяты еще два часа назад, и там при штурме столь яростного сопротивления не наблюдалось. Но вот этот храм...

— Передай Сыну Бури и Приносящему Гибель, чтобы они вели свои сотни к храмовому кварталу, — приказал он адъютанту. — А не то Безумный Лучник провозится там до вечера! — Подчиненный понятиливо кивнул и опрометью бросился исполнять приказ.

— Стой! — окликнул его Аларих, которому в голову пришла еще одна идея. — После того как выполнишь, передай Лучнику, что я приказываю захватить живьем как можно больше из этих... храмовников, с которыми он сейчас сражается. Как минимум одного, но живого и без серьезных повреждений.

Молодой вождь ланов, заинтересовавшись столь решительным сопротивлением одного из участков городской обороны, решил разузнать о причинах данного явления подробнее. Аларих не видел никакого смысла в столь отчаянном стремлении отстоять какой-то храм и расположенную за ним рощу. Более того, на месте командира обороны он в первую очередь убрал бы воинов от зеленого массива. В конце концов, боги на то и боги, чтобы защищать себя самостоятельно! Что это за бог, который не способен уберечь свой храм от людского нападения? И зачем такой бог вообще кому-то нужен? Какая от него польза?

Своих богов ланы не охраняли никогда. Более того, их святилища специально размещались в самых уязвимых местах крепостей и лагерей, там, где в случае осады вероятность прорыва врагов наиболее вероятна. И свирепые боги племени превосходно несли свою службу, помимо прочих обязанностей, исправно уничтожая любых не званых жрецами гостей, осмеливавшихся появиться в пределах святилищ.

Стычки, нападения и прочие неприятности с полукочевым племенем происходили не

так уж редко, а потому «естественный отбор» среди божеств был весьма и весьма велик. Зачем поклоняться тому, кто даже не может защитить свое святилище? Подобных глупцов среди ланов не было.

Впрочем, тридцать лет назад, когда к власти в племени пришел отец Хватки — Сельман Кровавый, на священном поединке голыми руками вырвавший из груди прежнего вождя сердце и съевший его целиком прямо в кругу боя, все изменилось. Через пару дней после своей знаменательной победы новый вождь объявил подготовку к великому Походу. Он собрал бы войска и на следующий день, но, увы, некоторое время потребовалось на то, чтобы задобрить изрядно возмущенный подобной трапезой желудок. (С тех пор Сельман Кровавый весьма и весьма настороженно относился к старинным традициям, в любой ситуации предпочитая хорошо прожаренный бараний бок сердцу даже самого могучего, сильного и отважного противника.) И вот, еще тридцать лет назад племя ланов — не самое большое, не самое могучее и далеко не самое главное из множества обитавших на западе Великой Степи народов — начало свое восхождение к власти.

Очень быстро покорились занятые междоусобицами соседи. У покоренных противников Сельман взял самое лучшее и, безмерно довольный собой, направил уже грозное и значительно разросшееся войско на дальних соседей Великой Степи... Кого-то будущий император взял хитростью, кого-то напором и численным превосходством, кого-то опередил в стратегии. Для Сельмана все средства были хороши. И вскоре образовалось гигантское государство — Великая Степь.

Сейчас никто не мог и мечтать о том, чтобы взять в осаду какой-нибудь из городов Степи, могучей, захватившей полмира империи, войска которой ныне повергли в прах своего главного соперника — великое и древнее Ромейское государство, чья столица в данный момент пылала под ногами Стальной Хватки.

Стальная Хватка усилием воли прервал свои размышления на тему новейшей истории. Осторожно огляделся по сторонам, желая убедиться, что никто не заметил минуты постыдной и недостойной настоящего воина отвлеченности, после чего облокотился на подлокотник изящной беседки, с которой бывший император бывшей Ромейской империи любил наслаждаться видами столицы, и взгляделся в развернувшуюся перед ним завлекательную панораму.

Пожары охватили некогда прекрасный город на западе. Там располагались трущобы, и воины Хватки не тратили сил и времени на грабеж да захват пленных, попросту выжигая унылое место. Рабы из трущобников получались плохие: наглые, ленивые и вороватые, так что даже у самого добродушного работоторговца за них нельзя было получить более одного серебряного. Девки были некрасивыми, тощими и частенько больными, а ценного имущества и вовсе не имелось. Так что трущобы вместе со всеми жителями были целиком преданы огню, а изредка выбегавших из бушующего пламени обезумевших людей воины ланов, не тратя лишнего времени, расстреливали из луков и арбалетов.

Конечно, можно было бы взять их в рабство, но... телеги обоза и так уже трещали от тяжести взятой драгоценной добычи, а у работоторговцев заканчивались кандалы и веревки для связывания пленников, да и с едой могли возникнуть проблемы. К чему тратить ценные ресурсы на дешевую добычу, когда можно взять в плен ремесленников и грамотеев, плата за которых куда как больше будет.

Благо, бои за ремесленные и купеческие кварталы уже практически закончены, и их можно грабить невозбранно. Главное с поджогами не переусердствовать! Да и квартал знати вместе с императорским дворцом уже пал. Сопrotивляется только храм. Но это ненадолго. Максимум — до подхода тяжелых латников из сотен Сына Бури и Приносящего Гибель. Город был практически взят. И единственным человеком из всей армии вторжения, который не радовался этому, был только сам ее предводитель — Стальная Хватка.

Недавно молодой вождь узнал неприятную тайну, и нынешняя победа лишь доказала ее истину.

Он обречен на успех. Не то чтобы это возмущало юного полководца, который уже

успел зарекомендовать себя как отличный боец и прекрасный стратег. Нет. Молодого мужчину злило то, что его отец, великий воин и завоеватель, захотел покорить весь мир и, чтобы наверняка воплотить мечту, продал свою душу демону в обмен на удачу в битве. Но если б только это! Нет! Великий завоеватель, покоривший сотни народов, чья империя протянулась от Северного моря до Южного, от Восточной реки до Горного кряжа, заложил в придачу к своей душе и души всех своих потомков, включая и самого Хватку. Для чего ему, собственно, душа, юный вождь пока не задумывался, но, как любой собственник, терпеть не мог, когда распоряжаются его добром. Да и зачем?

Его отец, Сельман Кровавый, одолел почти полмира! До завоевания всего мира осталось совсем немного, всего лишь вторая половинка. И Хватка прекрасно справлялся с поставленной задачей. Лучший воин, великолепный стратег, он был отнюдь не прочь продолжить дело отца. Аларих уже присоединил к их империи достаточно большой кусок земель. Железная воля и стальной кулак степных воителей позволяли держать огромную страну в подчинении и страхе. Враги ненавидели их и боялись. Зачем было перестраховываться и связываться с демоном?! Он что, ему не доверяет?

А еще эта хандра! Молодой вождь обвел тоскливым взглядом раскинувшийся под ним пылающий город. В последнее время, завоеывая, покоряя и низвергая, он ощущал, что ярость и упоение боем, радость победы над сильным и умелым противником куда-то уходят, исчезая, как вода, пролитая на сухой песок раскаленной пустыни, оставляя лишь скуку, равнодушие и сосущую пустоту где-то глубоко внутри. Ласки прекрасных пленниц уже не приносили наслаждения, блестящие победы не доставляли радости, а восторг и обожание воинов вызывали только глухое раздражение.

Чего-то хотелось молодому вождю, что-то тосковало и рвалось изнутри, но что? Он и сам не знал. И этого *что* не могли дать ни шаманы его народа, ни жрецы иных богов, ни бои, ни вино, ни женщины. Хватка в ярости стиснул зубы. Чего-то не хватало, не хватало, не хватало!!! Ррах бы их всех побрал!!!

Хватка от души врезал закованным в боевую перчатку кулаком по перилам беседки. Раздался громкий хруст, и изящное, изукрашенное тонкой резьбой каменное кружево ограды раскололось на несколько частей, осыпавшись к ногам воина.

— Чего буянишь? — раздался рядом вкрадчивый хрипловатый голос с шипящими интонациями.

Аларих обернулся и увидел странное создание. Тело его словно было соткано из струящейся тьмы, а лицо напоминало маску Ллуарта, кровавого бога войны и смерти. Щели-глаза, ноздри и рот светились алым огнем. Тварь, демонстрируя чудеса гибкости и грации, постоянно двигалась, словно танцующий пар над чашкой горячей воды. «Слуга Ллуарта. Демон, которому отец продал свою душу!» — стало ясно Хватке.

— Кто ты?

— Ты уже знаешь, — оскалилось существо, и из его пасти вырвался красноватый дымок.

— Зачем пришел?

— Вот только не надо стоять из себя недогадливого мальчика! — фыркнул демон, становясь полупрозрачным и пытаясь обвить талию молодого человека. Юный вождь отступил. — Ну же, великий воитель... — Слова демона явственно отдавали насмешкой.

Разгневанный вождь вновь сжал тяжелый кулак. Демон он там или нет, а насмешек над собой Хватка терпеть не собирался. Интересно, череп этого создания намного ли крепче бычьего? Голову быка он проламывал с одного удара.

— Какой горячий юноша. — Слуга войны одобрительно рассмеялся, скользящим движением пропуская удар мимо себя, и вновь приблизился вплотную. — Твоя душа будет истинным украшением коллекции моего повелителя. И я пришел, чтобы забрать принадлежащее ему!

— А забиралки вымыл? — огрызнулся Хватка, вновь избегая контакта с демоном, который так и лип к его ногам. — Бычья ядра тебе в глотку, а не моя душа, понял?

— Ты узнал о договоре твоего отца с моим повелителем и атаковал великую империю. Ты победил всего с одним туменом воинов против бесчисленных легионов врага. Мы честно выполняем свою сторону договора — твоя победа тому свидетельство, и мы пришли за своей платой. Отдай!

— Это была проверка, — не растерялся молодой вождь. — Мало ли о чем отец говорил. Доверяй, но проверяй. Вдруг никакого договора и вовсе не существовало, а он просто глупо пошутил? И вообще, никаких «бесчисленных легионов» и близко не было! Против нас выступили Третий, Четвертый и Пятый легионы Центра, Первый и Восьмой Восточные и Шестой Западный. Мне ли не знать количества разгромленных врагов!

— Всего-то трехкратное преимущество у имперцев, — насмешливо протянул демон.

— Каждый мой воин стоит пяти заживших имперских свиней! — запальчиво выдохнул Хватка. — Преимущество было на моей стороне!

— Ну-ну, — все с той же нескрываемой насмешкой заметил слуга Ллуарта. — Нет, я не спорю, у тебя и впрямь имелось немалое преимущество, благодаря которому ты победил... На твоей стороне был мой повелитель! Отдавай душу! Теперь ты знаешь, что договор существует!

— Да, существует, — кивнул Хватка. — Но он заключен без моего ведома и согласия!

— Хочешь признать его недействительным? — В голосе демона прорезались стальные ноты.

— Не я заключал, не мне и расторгать, — осторожно ответил молодой воитель. — Но моя душа в оплату не участвует.

— А зачем тебе она? — прильнул к нему демон и капризно протянул: — От нее одни проблемы! Вон как ты мучаешься. Ночами не спишь, страдаешь. Все тебе чего-то хочется, к чему-то тянет... А не будет души — и жить станет куда проще. Ты уж поверь, у нас в этом немалый опыт.

Вождь отошел от струящейся фигурки из мрака. Фамильярное поведение слуги Ллуарта раздражало. По голосу демон воспринимался как существо мужской природы, но вот движения и повадки больше напоминали женские. Это злило. Не так он представлял себе могущественного демона, одного из первых слуг Повелителя Войны. Совсем не так.

До сих пор Стальная Хватка был уверен, что у Властелина Боя и слуги должны быть воинами. А уж два воина, несомненно, нашли бы общий язык и смогли договориться! Хотя бы и о хорошей драке. Но в чем-либо соглашаться со струящимся недоразумением с бабскими повадками? Он презрительно сплюнул в сторону демона. Договариваться с подобной пакостью, и уж тем более отдавать ему свою душу не хотелось категорически, и Хватка решил упрямо стоять на своем.

— Не твое дело, зачем мне душа! Повторяю, эта война — максимум проверка выполнения вами условий договора. И вообще, мой отец совершил изрядную глупость; я и так сокрушил бы любого, кто встал на моем пути! Без всяких там!

Он еще раз метко плюнул в сторону демона. Увы. Этот плевок, точно так же как и предыдущий, своей цели не достиг. Слуга Ллуарта легко увернулся каким-то странно текучим, почти незаметным движением, вызывающим отвращение своей наигранной томностью и изяществом. Похоже, его забавляли неприкрытая злость и отвращение, написанные на лице молодого вождя. Впрочем, последние слова Стальной Хватки изрядно задели демона.

— Ахххх такххх?! — взметнулся он вверх, почти отрывая свое дымное тело от земли. Теперь его алые глаза-щели как раз оказались на уровне взгляда молодого вождя. — Ну, хорошишшо, Х-х-хват-кааа! На этот разззз мы вынуж-шшшшшдены ссогласитьсяссся. — В голосе слуги войны отчетливо прорезались шипящие нотки. — Но помни, следующ-щ-щий бой — и ты наш! Навеки нассшшшш!!

— А вот хрен тебе во все грызло! — резко откликнулся воин. Сейчас, когда речь перешла от тонких и непонятных материй к вполне привычному и знакомому языку угроз и дымная тварь, разозлившись, наконец-то прекратила свои странные поползновения, он

почувствовал себя куда уверенней. — Я и сам воин не из последних. И побеждать врагов могу без всякого вмешательства твоего господина. Может, на мое войско завтра отряд каких-нибудь придурков нарвется? Так что, мне из-за этого душу вам отдавать? Не-э-эт, пока я сам не призову вашей помощи, все победы мои, и только мои. И к душе своими грязными лапами не лезьте!

— Невозззможноооо. — Речь демона стала еще более невнятной, а глаза запылали особенно яростно. — Неприемлемо! Контракт уже заключен! Если ты не хочеш-ш-шь, чтобы мы вмешшшивались, — ты не учасссствуешшшь и не руководишшшь боем! Поссставь кого-нибудь из своих офицеров, и пусть он командует. Любой отданный тобой в бою приказ — это твоя подпись под заключенным контрактом! Так говорит Ллуарт, и не тебе спорить с темным богом, с-с-смертный!

С этими словами слуга Повелителя Войны, немисливо изогнувшись, нырнул прямо в отбрасываемую Стальной Хваткой глубокую тень и исчез из виду.

Аларих вновь раздраженно сплюнул и пнул поддерживающую крышу беседки мраморную колонну. Ррах бы побрал это бабское недоразумение с его новостями!!!

— Злишься, господин? — раздался за спиной веселый голос.

Хватка обернулся. Хотя, в принципе, он и так знал, кто это. Его лучший друг и по совместительству правая рука Тилла Танцующий Лис редко когда называл Алариха «господином», но каждый раз, когда он так обращался к юному полководцу, сын вождя странным образом успокаивался. Загадку подобного явления не мог объяснить никто, даже сам Ал.

— Так чего ты такой хмурый, друг? — хлопнул его по плечу Тил. — Мы разгромили город, захватили добычу, сейчас добьем храмовников, и будет пир! А у тебя такая мина, будто муху проглотил. Ну же, улыбнись, пойдем выпьем, развеешься, с рабыней отдохнешь. Поверь, нет лучшего средства от хандры.

Аларих взглянул на Тиллу. О да! Его друг знал вкус жизни! Он не был пьяницей или гулякой. Нет. Но каким-то странным, непостижимым чувством Тил знал ценность мгновения и мог ощущать полноту жизни и наслаждаться этим. И люди тянулись к нему. Весельчак Тилла знал тысячи историй, умел поднять настроение и поддержать затосковавшего товарища.

Женщины обожали симпатягу Лиса за нежность и ласку, дети на праздниках липли и просили рассказать сказку. И только Ал знал, что за внешне добродушным и беззаботным видом прячется очень неоднозначный и непростой человек. Не зря же Тил стал его другом и правой рукой. Лис казался ему похожим на море, что омывало южные границы Великой Степи. С виду тихая и спокойная гладь, дарующая наслаждение взгляду, но нет дна под гладкой и манящей лазурной поверхностью, и опасные создания скользят в бесконечной водной толще.

Такой же и Тил. Одновременно изменчивый и постоянный, простой и сложный, бескорыстный и коварный, нежный и жестокий, весельчак и философ. Он умел сочетать в себе противоречия и самое главное — знал, когда какой из многочисленных граней своей личности следует пользоваться. Нет, не зря, далеко не зря его прозвали Танцующим Лисом.

Хватка взглянул на друга и со вздохом согласился:

— Хорошо, я попробую повеселиться.

Прогноз Тиллы оказался верен. Впрочем, Аларих не мог припомнить случая, когда его друг ошибался бы в таких вещах. Отчаянно обороняющие храм ромеи не продержались и до заката, а к утру перепуганные жители Ремула уже полностью склонились перед мощью Великой Степи. Для установления полной власти над павшим городом хватило и дня. Пожары были потушены, и смиренные рабы, еще три дня назад бывшие гордыми гражданами великой Столицы Мира, как заносчиво именовали они свой город, приступили к разбору завалов. А вечером была гулянка. Традиционный Пир победы, праздник и священнодействие, восхваляющее принесших победу богов. Поддавшись мимолетному

желанию, Хватка приказал устроить его в той самой роще, подступы к которой вчера так отчаянно защищали остатки местного гарнизона. Сейчас тела павших уже были убраны, и под величественной сенью вековых деревьев, на том самом месте, где совсем недавно гремели звуки смертельной схватки, развернулось шикарное празднество.

Правда, Алариху вовсе не хотелось приносить восхваления пытающемуся захватить его душу Ллуарту, однако не лишать же людей заслуженного отдыха из-за своих разногласий с богом войны?

Так что праздник был. Драгоценное ремульское вино текло рекой. Шипело на кострах мясо, а прекрасные рабыни, еще недавно бывшие цветом аристократии павшего города, разносили воинам еду и напитки. Рыцари Великой Степи праздновали победу!

— Ты опять мрачен. — Танцующий Лис выскользнул из-за дерева абсолютно бесшумно и внимательно взгляделся в глаза своего друга и повелителя. — Что происходит? Последнее время ты постоянно в плохом настроении, и я не понимаю причин этого. Мы одержали великую победу, которая навеки войдет в историю. Империя Ремул лежит у ног твоих воинов, а ты печален и недоволен. Что с тобой, друг? Какая тоска сжигает твое сердце?

Вздыхнув, Аларих просто пожал плечами. Тилла, замечательный товарищ и преданный друг, при всех своих достоинствах вряд ли мог бы понять причины тянущей тоски, поселившейся где-то глубоко в душе Стальной Хватки. Что говорить, он и сам-то не очень понимал, что происходит. Бои, победы, рабыни, вино... Алариху хотелось чего-то большего. Но чего? Что может быть больше? Он и сам этого не знал. Скажи он об этом своем желании Тилле — и тот рассмеется в лицо да поинтересуется, уж не хочет ли Хватка направить свои войска на завоевание Олирма — вечной обители богов. Ведь Ремул уже завоеван, и среди людских государств Ойкумены не осталось ничего хотя бы равного по величию павшей столице тысячелетней империи. А тут еще этот дурацкий договор отца...

Не то чтобы Аларих чересчур волновался. Вот еще, будет он из-за какого-то бога нервничать... Богов много, а Великая Степь и ее наследник — одни. И если Ллуарт начнет слишком наглеть, настаивая на своих условиях, то в пантеоне Великой Степи могут произойти некоторые изменения, только и всего. В конце концов, служители Водура давно намекают, что были бы счастливы благословлять на бой воинов Хватки от имени своего покровителя. И обещают немалые выплаты, в случае если Аларих соизволит дать им такое право. До сих пор молодой вождь не видел особого смысла в смене бога-покровителя, однако если Ллуарт не соизволит приструнить своего охотящегося за душой Алариха слугу, то замена ему найдется быстро и безболезненно. Вот еще, придумают тоже... Требования выдвигать. «Не тебе спорить с темным богом, смертный», — вспомнились Стальной Хватке заключительные слова уходящего демона. Обнаглел Ллуарт, явно обнаглел. Думает, раз заключил с отцом контракт, так ему все можно? Так глядишь, если не одернуть, еще и ежедневных молитв начнет требовать, жертвоприношений постоянных, участия в службах...

Боги — они такие. Уступишь в малом, немедленно начинают хотеть все больше и больше. Любой из них всегда стремится стать самым первым и главным, набрать как можно больше поклонников, возглавить пантеон, а затем и вовсе задавить всех остальных божеств, став единственным покровителем всего и вся. И если допустить подобное — ни к чему хорошему это не приведет. Были в истории подобные примеры, были.

Дорвавшись до абсолютной власти, пусть даже над одним-единственным захудалым племенем, какое-нибудь божество вскоре становилось ленивым, переставало обращать внимание на просьбы и мольбы своих последователей и даже жрецов, начинало требовать все больше и больше времени на поклонение и все больше и больше жертв в свои храмы. И в скором времени допустившее подобную ситуацию племя гибло, отдав все возможные ресурсы на прокорм ненасытному божеству. Не зря же говорят — божественная наглость. Так что, если вовремя не одергивать всяких возомнивших о себе божков, много проблем получить можно. Впрочем, подобная ситуация Великой Степи не грозит, как бы там Ллуарт ни выкаблучивался.

Таким образом, угрозы демона молодого вождя волновали мало. Но все же как-то

неспокойно было на его душе. Неправильно. Неуютно. Впрочем, портить своему другу праздник из-за подобного Аларих не собирался.

— Все нормально, Тил, — откликнулся он. — Все хорошо... И, слегка смутившись под пристальным взглядом друга, нехотя добавил: — Скучно мне чего-то...

— Вот те раз! Ему скучно!!! — расхохотался Лис. — Все пируют, рабынь гоняют, победу празднуют, а вождь скучать изволит! Еще немного, и снова стихи писать начнет!

Стальная Хватка смущенно улыбнулся. Глупое юношеское увлечение служило причиной непрерывных насмешек Тиллы, с которым Аларих как-то поделился своей тайной. Впрочем, черту Танцующий Лис не переходил, позволяя себе подшучивать над позорным для настоящего воина увлечением друга исключительно наедине, и надежно хранил доверенную ему тайну. Более того. Несмотря на все свои насмешки, он даже втихую, тщательно скрываясь, принимал участие в их распространении. Таким образом, в голос орущие у ближайшего костра «Песнь о лихом коне» воины и не догадывались, что автором ее был не некий безымянный акын, один из многочисленных друзей и знакомых Тиллы, а их собственный предводитель!

Так что, несмотря на все насмешки Танцующего Лиса, молодой вождь чувствовал к нему глубокую благодарность, в глубине души ощущая странную радость каждый раз, как слышал свои песни из уст совершенно посторонних людей.

Сочинительство стихов считалось у ланов постыдным занятием. Хотя орать песни и слушать их от бродячих бардов жители Степи не гнушались. Свою страсть к поэзии Аларих обнаружил внезапно.

Однажды они захватили всемирно известного барда. Тогда, желая посмеяться над бездельником-менестрелем, ланы приказали ему спеть пару песен для души. И великий Октавий спел. Да так, что даже самые черствые воины сидели с угрюмыми лицами, всячески стараясь подавить слезы. Не зря, ой не зря прославился певец. Что-то он задел в сердцах безжалостных ланов, что-то поселил в их душах... Алариху тогда едва минуло восемнадцать. И первый раз услышанные стихи, да еще в таком великолепном исполнении, произвели на юношу неизгладимое впечатление. Что-то странное поселилось в душе, что-то теплое и одновременно требовательное. Захотелось спеть так же, как и Октавий. Барда ланы помиловали и отпустили на все четыре стороны. А вот Аларих на следующий день уединился в высокой степной траве и весь день пытался сочинить мало-мальски приличный стишок.

Сначала получалось не очень. В голову лезла похабщина. Рифмы не складывались, а размер стиха постоянно нарушался. Еще не зная никаких правил, никаких законов стихосложения, Аларих тем не менее каким-то звериным чутьем ощущал неправильность своих творений и боролся с ней так, как привык бороться со всеми своими врагами, — яростно, вкладывая душу в каждое слово, в каждый образ, рождающийся из-под его пера. И постепенно у него начало получаться.

А вместе со стихами менялся и сам Аларих. Воин не понял, в какой момент перо и бумага стали прекрасной отдушиной. Все чаще и чаще он стал задумываться о смысле жизни и о том, что оставит после себя. Империю? Прекрасно! Но хотелось еще чего-нибудь. Чего-нибудь большего. Хотя что может быть больше империи? Более крупная империя? Или, может быть, что-то другое?

Ответа на этот вопрос Стальная Хватка не знал. И потому предпринимал усилия сразу в обоих направлениях. Всемерно расширяя свои завоевания, по ночам он, скрывшись в своем шатре, «марал бумагу», как характеризовал эти его действия Танцующий Лис.

Аларих даже и не подозревал, каким страшным ядом заразил его заезжий бард-ромей. Творчество внутри с каждым днем все сильнее и сильнее требовало свободы. Оно, как капризный бог, злилось и наказывало воина, если тот не находил и минутки для сочинительства стихов. Оно не приходило неделями, изводя Стальную Хватку, и тогда ланы в ужасе шарахались от своего раздраженного предводителя. Кто знает, может, данная хандра была обусловлена именно отсутствием вдохновения. Или желанием бросить войну и уделять

своему хобби больше времени. Но об этом Ал не признается никому, даже верному Тилле.

— Да ладно тебе... — Хватка вздохнул и повел плечами, будто сбрасывая невидимую тяжесть. — Не говори глупости, сам же знаешь, я давно прекратил заниматься этой ерундой! Лучше подай вина.

— Ну-ну, — усмехнулся Тилла. — Давно прекратил, говоришь? А кто вчера кучу времени проторчал на обзорной площадке, пялясь на закат и лыбясь, как полный придурок? И только не говори мне, что это ты наблюдал за боем Безумного Лучника. Не поверю. Небось опять чего сочинил?

Последний вопрос прозвучал с легким намеком, и Хватка понял, что, несмотря на все свои издевки, Лис был бы отнюдь не против послушать его стихи. Но настроения не было, и он лишь качнул головой, отказываясь от завуалированного предложения.

— Ну и ладно, — ничуть не расстроился Тилла и подмигнул другу и командиру. — Кстати, вот и средство от твоей хандры. — Он взглядом указал на молоденькую ромею. — Очень рекомендую. А то от твоей натужной ухмылки сейчас все вино скиснет! — И, в опровержение собственных слов, протянул Алариху полный кубок.

Взяв чашу, Стальная Хватка перевел взгляд на рекомендованную приятелем рабыню.

Молодая девушка, судя по точеной фигуре и обрывкам некогда богатых одежд, довольно высокого происхождения, прижимая к груди огромный кувшин с вином, осторожно лавировала между смеющимися воинами и нервно вздрагивала каждый раз, когда те протягивали к ней руки или кубки. Кто-то из них попытался шлепнуть ее по ягодицам, но она с визгом отскочила, расплескав вино и только еще больше обратив на себя внимание.

«Вчерашняя добыча», — машинально отметил для себя Аларих. Ранее захваченные красавицы были уже поспокойнее. Кто-то смирился, а кто-то понял, что крик и сопротивление только раззадоривают храбрых степных воителей. Эта же девчонка о подобном пока еще не знала. Точнее уже знает. После взвизга, привлеченные сопротивлением, к ней потянулись сразу несколько празднующих.

— Ну что? Спасешь из беды красотку? — хмыкнул Тилла.

Аларих вновь обернулся в сторону разносчицы. Довольно симпатичная мордашка, неплохая фигура... Пьяные солдаты не знают меры. Будет жаль, если ее искалечат... Он махнул рукой, подзывая к себе рабыню. Воины, заметив жест командира, отпустили добычу, толкнув ее в сторону вождя.

— Ну вот и прекрасно, — улыбнулся Тилла, наблюдая, как девушка медленно бредет к ним. — Завтра пойдем на экскурсию. Вчера во время штурма Аркаль Безумный Лучник, исполняя твой приказ, сумел захватить живьем одну из служительниц этого храма. — Лис махнул рукой по направлению беломраморного кружева в центре рощи. — Поскольку ты был занят, я пока взял ее себе. А то уж слишком зол был Лучник. Храмовая стража оказалась упорной, и этот бой его сотне обошелся слишком дорого!

— Только одна жрица? — изумился Хватка. — Я же приказывал взять больше пленных!

— Ну, не совсем одна. Еще удалось скрутить какого-то жреца. Вроде из высших. Но это все. — Тилла пожал плечами. — Ребята, охраняющие храм, не очень-то хотели сдаваться. Сражались до последнего. Когда поняли, что им против нас не устоять, удушили жриц, «дабы грязные лапы варваров не осквернили служительниц милосердной Верлерадии», — потешно нахмурившись, словно изображая кого-то, произнес Тилла.

— Их задушили свои же охранники? — изумленно переспросил Аларих. — Но ты сказал, что кого-то все же взяли в плен. Как это удалось? Кто они?

Тилла пожал плечами:

— Ее зовут Карея, и, судя по всему, она решила, что «грязные варвары» не самая плохая альтернатива шелковому шнурку на горле. Так что предпочла схорониться в какой-то потайной комнатухе, где и была обнаружена воинами Безумца во время обыска храма. Ей повезло. Я пришел в нужный момент. Лучник как раз решил, что одного живого жреца будет вполне достаточно для исполнения твоего приказа, и собирался с ней как следует

поразвлечься. Девушка-то, надо сказать, прехорошенькая.

Аларих поморщился. Уважая Аркаля как военачальника и отличного воина, он тем не менее никак не мог принять крайней жестокости Безумца, выходящей за грани приемлемого даже у отнюдь не отличающихся добродушием воинов Степи. Собственно, именно из-за этих-то повадок, а также из-за невероятной меткости стрельбы Аркаль и получил прозвище Безумный Лучник.

— Ну и как она тебе? — поинтересовался Аларих.

Учитывая неистребимую страсть Тиллы ко всем хорошеньким девушкам, какие только оказывались в пределах досягаемости Танцующего Лиса, и прозвучавшее из его уст определение «прехорошенькая» в отношении пленной жрицы, Аларих был абсолютно уверен в том, что сейчас получит полное и развернутое описание всех достоинств и недостатков красотики, а также особенностей ее поведения в постели. И поэтому был совершенно поражен прозвучавшим ответом.

— Пока не знаю. — Тилла пожал плечами. — На вид красивая. И голос приятный. А как сказки рассказывает... — Он даже прищелкнул языком, изображая удовольствие. — Что же до остального, то пока не выяснил.

— Не выяснил? — Аларих с изумлением посмотрел на приятеля. — Ты слушал сказки? Наедине с хорошенькой рабыней? Друг, что случилось? Ты не заболел? Быть может, знахаря к тебе направить? Попьешь настой, здоровье и вернется!

— Следи за речью! — коротко оборвал его Тил, кивнув на подошедшую к ним разносчицу вина, которая могла слышать стишок вождя.

Аларих благодарно кивнул. Изредка с ним случалось подобное: под влиянием сильных чувств он иногда совершенно непроизвольно сбивался на стихотворную речь. К счастью, до сих пор эту позорную слабость ему удавалось довольно успешно скрывать, причем во многом благодаря усилиям друга, вовремя пресекавшего подобные эксцессы.

— Но все же? — Аларих допил вино в своем кубке и бросил его рабыне, приказывая наполнить, после чего вновь повернулся к другу. — Что случилось?

— Ну ты же знаешь, — видя, что ему никак не отвертеться от рассказа, поморщился Тил. — Я не люблю насиловать. Предпочитаю, чтобы все происходило добровольно, к взаимному удовольствию. Эта жрица была такой перепуганной. Серьезно обидеть Аркаля ее не успел, но насмотрелась она всякого. Сам знаешь его привычки. В общем, по-хорошему ну никак не получалось. Вот я и решил немного подождать. Так и приручаю ее потихоньку. Вчера предложил ей выбор: либо она развлекает меня всю ночь как хочет, а я ее не трогаю, либо я нахожу себе развлечение сам, но тогда уж пусть она не жалуется.

— И что?

— Всю ночь сказки рассказывала, — усмехнулся Тилла. — Но среди них мне очень понравилась легенда о роще. Кстати, тебя не удивляет, что эти заросли занимают слишком много места? — указал Лис подбородком на раскинувшуюся перед ними зелень. — Согласись, зачем держать в укрепленном городе, столице, такой кусок дикой территории?

— По-моему, ромеи никогда не отличались наличием логики, — пожал плечами Хватка. — А что?

Лис засмеялся и похлопал друга по плечу.

— Это Целительская роща, — указал он в глубину леса. — Люди приходят сюда, чтобы вылечить душу и избавиться от хандры. Говорят, здесь живет — именно здесь, а не на Олирме, великая богиня-целительница Верлерадия, покровительствующая этому городу. Потому-то они так и защищали храм. Это их святыня, сердце всего города!

— Я же говорил, что ромеи глупы! — заметил Хватка. — Поклоняться богине, которая нуждается в защите людей... пфе... — Он презрительно сплюнул, выражая свое отношение к подобному курьезу.

— Согласен, — кивнул Лис. — Я так и сказал Карее. Но она утверждает, что сила их богини в другом. Она действительно почти ничего не может против людей — дескать, ее милосердие настолько велико, что она просто физически не способна причинить вред

ничему живому. Но зато способна создавать надежнейшую защиту от других богов и демонов. К тому же она лечит раны, снимает проклятия и исцеляет души.

— Защита от богов и демонов? — заинтересовался Аларих. — Ну-ка, ну-ка, поподробнее...

— Так и знал, что тебя это заинтересует, — ухмыльнулся Тил.

Хватка вздохнул. Ну разумеется. Пронырливый Лис явно уже каким-то, только ему одному известным способом разведal о претензиях Ллуарта на его душу и даже успел раздобыть информацию о средствах решения данной проблемы. В этом весь Тилла. Способности друга к поиску и добыче сведений иногда казались Алариху чем-то сверхъестественным. Часто, очень часто бывало, что молодой вождь еще только начинал задумываться над внезапно появившейся перед ним проблемой, как рядом возникал рыжий хитрец, весело ухмылялся и буквально на блюдечке подносил идеальное решение в сопровождении целой кучи обычных для него шуточек и подколов.

— Говоришь, обитает в этой роще и никогда ее не покидает?

Мысли Алариха приняли вполне конкретное направление. Тилла поощрительно кивнул.

— Было бы неплохо ее поймать, — развил свою идею Аларих. — Собственное божество, находящееся под полным контролем... — Он мечтательно улыбнулся. — Это было бы весьма приятно! — Звук падающего тела на мгновение отвлек молодого вождя. Он презрительно покосился на рухнувшую в обморок рабыню, поднял с земли выпавший из ее рук кувшин с остатками вина и, не отвлекаясь больше на подобную мелочь, вновь повернулся к другу. — Ну, что скажешь? Твоя сказочница может чем-нибудь помочь в этом деле?

— Вряд ли... Я уже интересовался, — вздохнул Тилла. — Реакция была аналогичной. — Он кивнул на лежащую на земле разносчицу. — Карея служит и поклоняется этому созданию и, хотя и считает себя отступницей из-за того, что позволила себе попасть в наши руки живой, тем не менее и помыслить не может о том, чтобы как-то навредить своей богине.

— Гм, но, думаю, ты ведь сможешь ее разговорить? Расспросишь, как выглядит, где предпочитает появляться... Впрочем, если она тебе так нравится и будет молчать, можешь особо не настаивать. — Заметив, как опечаленно нахмурился Тилла, вождь изменил свой приказ. Похоже, молоденькая жрица сумела довольно серьезно заинтересовать влюбчивого Лиса, и мысль о том, чтобы выбить из нее необходимые сведения, здорово его огорчала.

— Ты ведь вроде сказал, что кроме нее был захвачен еще один жрец? Так что все необходимое можно будет узнать и у него, — развил свою мысль Хватка. — А если будет молчать... У Безумца говорят все. Надеюсь, уж тут-то ты не будешь против? Кстати, а где он?

— Должен быть тут. — Тилла облегченно улыбнулся. — Безумец как раз собирался вручить тебе его на этом празднике.

— Ну что ж, отлично! — Аларих улыбнулся. Известие об имеющейся возможности хорошенько натянуть нос Ллуарту неожиданно сильно обрадовало молодого воина. — Тогда пойдем праздновать!

— Ага! — поддержал друга Тилла и хлопнул по плечу. — А я тебе о чем говорил! Давно пора!

— А твоя сказочница не убежит? — на мгновение озаботился вождь, задумчиво выливая остатки вина из кувшина на лицо все еще лежащей в обмороке рабыни.

— Нет! — улыбнулся Лис. — Я оставил ее с вещами и предоставил выбор: либо она имеет дело со мной, либо с теми солдатами, которые ее поймают. И угадай, кого она предпочла?

— Прохвост! — засмеялся Аларих и, обняв за талию очнувшуюся разносчицу, направился к воинам.

Праздник был в самом разгаре. Огни разожженных костров, казалось, взмывали до небес, какие-то глухие барабаны выбивали дикую дробь, под которую веселились и отплясывали варвары в своем странном, но чем-то завораживающем танце.

Наблюдая за этим жестоким, но завораживающим действием, Луциллий поражался, откуда только у варваров столько сил. Как они могут яростно сражаться на пределе человеческих возможностей весь день, без минуты передышки, ночь проводить в грабежах и насилиях, днем «заниматься наведением порядка», то есть тем же грабежом, но несколько более упорядоченным, а с наступлением вечера закатывать празднество?

Жрец Милосердной осторожно размял ноющие кисти рук. Развязали их ему лишь совсем недавно, после того, как его пленитель — невысокий, коренастый и буквально переполненный злобой варвар, которого называли Безумный Лучник, подарил его своему повелителю.

Луциллий кротко стерпел это унижение, не первое и, как он догадывался, далеко не последнее. Увы. Достоинство погибнуть, защищая храм, ему не удалось. Слишком много сил и времени он посвящал великолепной библиотеке храма Верлерадии, помощи больным и страждущим в прихрамовой больнице и слишком мало — боевым искусствам. И потому, когда степные варвары, сломив отчаянную защиту охраны, все же ворвались в алтарный придел, Луциллий не смог оказать достойного сопротивления и погибнуть с честью, подобно его собратьям. Увы. Удар по голове древком копья обрушился на него раньше, чем он успел выпить выданный специально для этого всеблагим настоятелем фиал с настойкой корня копьецвета¹.

Он перевел взгляд на того, кто отныне мог распоряжаться его судьбой и жизнью. Повелитель разграбившей великий город орды Аларих Стальная Хватка. Узкое нервное лицо, сияющие каким-то бешеным блеском голубые глаза, злая ухмылка на тонких губах. Рост значительно выше среднего, так что отнюдь не малорослый жрец едва достаёт макушкой до закованного в сталь плеча воина. Черные, давно не мытые волосы спадают до поясницы, руки в кольчужных перчатках лежат на рукояти легкой сабли из драгоценного булата. Взгляд прикован к арене, где происходит странное варварское действо.

Аларих внимательно следил за традиционным танцем-боем. Вот из круга воинов в центр вышел один и, прокрутив в руке короткие слабоизогнутые мечи, их концами указал на Лиса, призывая того стать партнером по танцу. Удар барабанов. Тилла широко ухмыльнулся и, обнажив саблю, лениво направился в сторону юного задиры. Барабанщики ускорили барабанную дробь, но воины стояли друг напротив друга неподвижно, а музыканты продолжали убыстрять ритм. Казалось, музыка сама побуждала, вызывала, приказывала мужчинам кинуться друг на друга и начать рубиться, но воины выжидали. Дробь уже слилась почти в единый монотонный звук, но бойцы все еще не двигались.

Морщась от чуждой, режущей слух агрессивной музыки, Луциллий ощущал, как его сердце начинает биться все чаще и чаще, подчиняясь яростному ритму. А барабан все звал и звал куда-то, обещая восторг и упоение.

Вдруг ритм барабанов сбился, и в следующее мгновение дети Степи схлестнулись друг с другом, как встречаются две песчаные бури в пустыне Мертвых. Зазвенели клинки, замелькала сталь, отражая блики костров, снова взвилась музыка барабанов, постепенно

¹ **Копьецвет** — реликтовый кустарник, изредка встречающийся в наиболее глухих местах лесов центральной части Эрлейской равнины. Настойка корня этого кустарника является мощным боевым наркотиком. На краткое время многократно повышает боевые возможности человеческого тела, давая силу, скорость, нечувствительность к боли на срок от двадцати минут до одного часа. После окончания действия следует продолжительная стадия упадка сил, депрессия, галлюцинации. Продолжительность депрессивной стадии от нескольких дней до месяца и более. При передозировке во время активной стадии эффективность возрастает, давая возможность даже неопытному и нетренированному человеку справиться с сильным и умелым бойцом. Однако в этом случае вместо депрессивной стадии по окончании действия наступает быстрая смерть принявшего наркотик человека, обычно в результате инсульта. — *Здесь и далее примеч. авт.*

ускоряя ритм. Воины принялись поддерживать дерущихся криками и отхлопывать в такт.

У жреца милосердия сердце сжалось при виде самозабвенно рубящихся ланов. Они действовали так яростно и отважно, выкладываясь в полную силу, словно были врагами, а не союзниками. Как может их вождь позволять солдатам так рубиться? Ведь одно неверное движение — и смерть! Сколько юношей умерло в этой забаве! Как можно быть такими беспечными?! Забава! Это варварство для них всего лишь забава! Неудивительно, что захватчики не боятся смерти, они и так каждый день играют с нею!

Молодой воин наседал на своего партнера, тот в основном уклонялся, что еще больше раззадоривало нападающего. Ланны стали свистеть и отпускать шуточки. Вожак захватчиков нахмурился и что-то коротко выкрикнул рыжеволосому насмешнику. Словно в ответ на пожелание главаря, тот молниеносно крутнулся, проводя серию подсечек. Молодой задира с трудом смог избежать первой, однако споткнулся о вторую и упал на землю. Сабля Тиллы, описав красивую дугу, затормозила в каком-то миллиметре от его горла. Жрец поежился: все-таки переоценил собственные силы молодой лан.

Проигравший бой юноша похлопал рукой по земле, и ему позволили встать. Уважительно поклонившись Тилле, юный боец вернулся в круг воинов. Снова зазвучали барабаны, и уже Тилла начал свой танец в центре круга, но вызывать кого-либо на бой не спешил. Он демонстрировал все свое мастерство и гибкость, словно предупреждая и утешая будущих противников, и только наблюдавший за всем Аларих знал, что это представление далеко не предел возможностей его друга. Показывая многое, Тилла, как всегда, скрывал куда больше.

Но вот наконец Тилла взмахнул саблей, и Аларих к своему великому изумлению заметил, что ее конец указывает на него. Воины мгновенно замерли. Далеко не каждый рискнет связываться с лучшим воином Степи. Впрочем, Тилла всегда был его партнером по спаррингу и знал, что для Алариха бой — прекрасное лекарство от скуки. «Ну, раз ты настаиваешь, друг, то разомнемся», — улыбнулся вождь, выходя в круг.

Привычно зазвучали барабаны, отстукивая дикий ритм, и рабы с замиранием сердца наблюдали за двумя мужчинами в центре круга. Они многое слышали о силе и отваге главаря ланов, а кому-то довелось видеть его в бою. Жрец в недоумении покачал головой, не в силах понять, как дикари позволяют вождю рисковать головой?! А если с ним что-нибудь случится?! Кто поведет их дальше?

Впрочем, ромеям было не понять логики жителей Степи. В суровых условиях выживает сильнейший, и если ты не способен победить в шуточном бою, то как дать тебе под контроль армию? Гордые ланы не могли доверить свою жизнь кому-то, кто слабее их. Миром правит лучший.

Вдруг ритм барабанов сбился — и началось. Аларих с Тиллой были выдающимися бойцами, многие движения сражавшихся были почти незаметны, скорость, с которой оба противника носились по кругу, поражала даже самих ланов. Для несведущих ромеев танец двух лучших детей Степи казался смазанной картинкой.

Хватка и Лис наслаждались боем. Есть что-то завораживающее в том, чтобы следить и считывать движения и намерения партнера. Ведь битва — это не тупое махание кулаками или мечами. Нет. Это поединок умов, взаимодействие двух тел, когда твоё движение является продолжением движения противника, но лишь в выбранном для тебя направлении. Что такое отразить атаку? Это проследить за движением партнера, понять его намерения, придумать свою стратегию и правильно использовать инерцию и силу противника, чтобы обратить действие врага в свою пользу. Защититься и нанести одновременно вред другому. Аларих любил бой. Он позволял почувствовать жизнь, ее вкус и прелесть. Бой давал возможность познать силу и ум соперника. Бой с Тиллой помогал отвлечься от хмурых мыслей. А еще бой с другом напоминал о детстве. Об их мечтах и желаниях.

Но вот Тилла совершил какой-то незнакомый маневр, и Аларих, парировав верхний рубящий удар, вынужден был отскочить от косого продольного движения длинного кинжала, внезапно появившегося во второй руке Лиса. Сзади оказалась канава, и, потеряв равновесие,

сын вождя споткнулся. Окружающие ахнули, но Алариху было не до этого. Сгруппировавшись в падении, он откатился как можно дальше, почти к краю круга, и вскочил на ноги. Тилла проказливо ухмыльнулся и подмигнул другу. Ага. Вот, значит, что за новый прием обещал показать друг. Ну что ж.

Перехватив саблю, Аларих вновь кинулся в бой. Тилла снова воспользовался новым приемом, явно желая удостовериться, насколько друг усвоил полученное знание. И Аларих был к этому готов. Сын вождя быстро учился. Отбив верхний удар так, чтобы сабля соскользнула по касательной, он плавным движением поднырнул под руку с кинжалом и оказался за спиной противника, слегка пощекотав концом своего оружия шею друга. Бой окончен. Тилла ухмыльнулся и бросил оружие.

Аларих выпустил друга из захвата и поклонился ему, благодаря за новое знание. Тилла припал перед юным вождем на одно колено и дотронулся до земли, выражая свое почтение и верность. Затем Танцующий Лис подобрал оружие и занял свое место среди круга воинов. Вновь зазвучали барабаны, и в центре круга затанцевал сам вождь. Но следующий поединок был уже не таким интересным, как предыдущий. Аларих легко справился с последующим противником, и так как оставаться в кругу не хотел, то передал Тилле свое лидерство в круге.

Приглянувшаяся ему разнощица вина ждала его возле импровизированного трона. Продолжать пьянствовать не хотелось. Наблюдать за танцем боя тоже не было желания; впрочем, скрыться в палатке с девушкой также рановато. Вечер еще только начинался. Да и Алариху почему-то захотелось побыть одному. Шепнув воину, чтобы девушку проводили в его шатер, Аларих пошел гулять.

Ночь дышала свежестью и прохладой, из рощи тянуло сыростью. Молодой вождь сам не понимал, почему ноги принесли его именно сюда. Сначала хотелось тишины и покоя, потом просто гулял, любясь захваченным городом. Конечно, до осады и разрушения столица была еще прекрасней, но тогда вряд ли бы кто позволил ему вот так прогуливаться по священной роще. Здесь, вдали от стойбища, было тихо и спокойно. Шум праздника сливался в какой-то потусторонний гул и совершенно не мешал царящему спокойствию. В ночном небе сверкали блики костров, но здесь царила темнота. Казалось, роща поглощала свет и шум праздника, не позволяя ему осквернять это тихое место.

Юного вождя так и тянуло войти внутрь. Аларих задумался. С одной стороны, Тилла обещал составить ему компанию в этом исследовании, но с другой стороны, сейчас он, вероятно, очень занят. Танцующий Лис любил праздники и женщин и вряд ли бы обрадовался предложению заменить все это лесной прогулкой.

Не то чтобы молодой лан боялся входить в рощу в одиночестве. Нет. Но он обещал Лису, что они удовлетворят свое любопытство вдвоем. Хотя что помешает Хватке прийти сюда с Тиллой снова? Ничего. Вряд ли за каких-то несколько часов он успеет разгадать все тайны рощи. Верно? Хватит и на долю друга. И с этими мыслями Аларих сделал решительный шаг в заросли.

В лесу было на удивление спокойно. По мере продвижения внутрь все посторонние звуки казались постепенно затухающим гулом. Странно, но юного вождя не покидало ощущение, будто за ним кто-то следит. Пару раз лан резко оборачивался, но никого ни за спиной, ни сбоку не было.

Впереди между деревьев замаячил просвет, и Аларих вышел на небольшую полянку, в центре которой стояла изящная беседка из белого мрамора, а перед ней раскинулось небольшое озерцо, в котором отражалась полная луна. Стальная Хватка вошел в беседку и присел на каменную скамеечку. Только теперь он заметил какие-то странные белые цветы, от которых исходил терпкий и немного пряный аромат. «Ночная лилия», — вспомнилось ему название данного цветка, вычитанное из книг. Цветет ночью в полнолуние. По поверьям, приносит счастье и любовь. «Только этого мне еще не хватало!» — фыркнул про себя Аларих, но, поддавшись настроению, сел неподалеку, обдумывая очередное пришедшее в голову стихотворение.

Запах цветов, а может быть, и выпитое вино дурманили голову, и постепенно Хватку

стало клонить в сон. Вдруг он почувствовал, как кто-то попытался вытащить у него из ножен кинжал. Аларих сильно удивился: до сих пор, в каком бы состоянии он ни был, еще никому не удавалось незаметно подкрасться к нему сзади. Досадуя на себя, он немедленно обернулся, перехватывая в борцовский залом протянутую к его оружию шаловливую ручку.

Как ни странно, схваченный с поличным воришка даже не попытался сопротивляться. Да и рука его казалась слишком уж тонкой... и рост маловат... Очнувшийся от своих мыслей воин удивленно осмотрел нечаянную добычу.

Это была девушка, даже скорее девочка, едва-едва вступившая в пору юности. Острые плечи, только начавшая проявляться грудь, узкие, еще детские бедра. Лицо в ночной темноте было видно плохо, в свете звезд лишь ярко блестели большие, темные и веселые глаза, в глубине которых таилась легкая хитринка и совершенно не было вполне естественного в подобной ситуации испуга.

На мгновение Аларих опешил, не зная, что предпринять с так неожиданно попавшей к нему в руки добычей. Будь она постарше... Но тут девчонка, не дожидаясь его решения, как-то хитро изогнувшись, словно в ее теле и вовсе не было костей, второй, свободной от захвата рукой влепила ему довольно сильный, почти безболезненный, но невероятно обидный щелбан прямо в кончик носа.

От неожиданности выпустив юную нахалку, Аларих совершенно рефлекторно прикрыл пострадавший орган рукой. Попытайся она ударить его ножом или просто рукой, вырваться или еще как-либо сразаться, он, несомненно, смог бы отреагировать надлежащим образом. Вколоченные на сотнях и тысячах тренировок рефлексы не позволили бы ему пропустить опасный удар. Но этот щелчок по носу был столь же безопасен, сколь и обиден, и боевые рефлексы просто не сработали!

Девчонка же, воспользовавшись его растерянностью, немедленно бросилась наутек, не забыв перед тем показать опешившему юноше язык.

Взревев, оскорбленный воин немедленно бросился в погоню. Сейчас сомнений в том, что следует сделать с девчонкой, у него не было никаких. Догнать, задрать юбку и надрать задницу до синяков! А потом отпустить. Аларих умел уважать чужую отвагу, и потому впечатлившей его своей неумеренной наглостью юной воришке ничего, кроме хорошей порки в случае поимки, теперь не угрожало.

«Но вот порка ей достанется знатная, — на бегу размышлял Аларих, поглядывая на мелькающее впереди белое пятно. — Ох, как я ее выпорю! Если смогу догнать», — подумалось ему несколькими минутами позже.

Аларих был очень хорошим бегуном. В воинстве ланов вообще не было бойцов, которые не могли бы быстро и долго бегать. Одним из испытаний на право назвать себя воином племени как раз и было догнать и повалить на землю испуганного молодого жеребца. И испытание это Аларих в свое время прошел с честью. Но эта девка, похоже, имела основания для своей наглости. Она бежала быстрее, чем жеребец!

«А еще она и в темноте видит, как кошка! А посему, похоже, трепка отменяется», — грустно размышлял Стальная Хватка, пытаясь соорудить из подобранной кривоватой палки некоторое подобие костыля.

Бег в темноте по лесу, как оказалось, отнюдь не то же самое, что бег ясным днем по ровной как стол степи. В лесу имеется множество невидимых в ночной темноте бугров, ямок и, что самое неприятное, упавших деревьев. И падают они, к сожалению, иногда по два. И если во время стремительного бега нога попадает между двумя такими упавшими деревьями, то это чревато неприятностями. Большими неприятностями! — скрипя зубами, думал Аларих, отбрасывая окровавленный клочок ткани, оторванный от рубахи, и печально разглядывая выглядывающий из разорванной кожи острый белесый обломок кости.

Открытый перелом костей голени. Опытный воин, он мог блокировать накатывающиеся на разум волны нестерпимой боли, но это ненадолго улучшало его положение. Шансы с подобной травмой выбраться из леса самостоятельно он трезво

оценивал как минимальные, и только непоколебимое упрямство не позволяло ему сдаться и, расслабившись, отдаться накатывающим на него волнам сонливости, вызванной шоком и кровопотерей. Усыпанная прелыми листьями земля казалась такой мягкой и желанной, в ушах раздавался все более слабеющий и затихающий стук собственного сердца, и мысль о том, что надо передохнуть, чуть полежать и поспать, а потом продолжить кажущийся бесконечным путь назад, в лагерь, казалась такой привлекательной...

Но Стальная Хватка упорно продолжал ползти, прекрасно понимая, что стоит ему остановиться, как сон может стать вечным. Сознание затуманилось. Перед ним стояла цель — добраться до своих. И он полз, ведомый внутренним чувством, не обращая внимания на царапающие его ветки кустов и впивающиеся в руки занозы. Труднопреодолимые в его нынешнем состоянии препятствия вроде стволов деревьев и крупных камней он огибал, поэтому очередную преграду, несмотря на ее несколько необычный вид, он попробовал миновать по уже выработавшемуся алгоритму. Странные звуки, доносящиеся сверху, он не счел важными для выживания, а потому проигнорировал.

Кап... Кап... Странно, но это бывает. Затуманенный страданием мозг воина, не обращавший внимания практически на все, что не имело отношения к продолжению движения, отметил падение на руку двух капель воды. Впрочем, может, потому, что это были не обычные капли?

Боль на мгновение отступила, и Аларих почувствовал прилив сил. Вернулась способность мыслить здраво, а вместе с тем и осознание того, чем может являться этот прилив. Подобное нередко бывало у тяжелораненых бойцов: короткий всплеск сил и энергии, когда умирающий организм сжигал последние ресурсы в отчаянной попытке сохранить жизнь, и следующая за этим быстрая смерть. Агония — вот как называли подобное состояние ромейские медики, чье умение признавали даже ланы, отправляя пленных врачей прямоком в собственный обоз и заставляя их когда силой, а когда уговорами и посулами лечить раненых и учить тех из ланов, кто решался посвятить себя не науке боя, а прямо противоположному искусству.

Хватка вздрогнул. Умереть вот так, в какой-то задрипанной роще, не в жарком бою, от меча более сильного противника, а от полученного по глупости перелома — что может быть хуже?

— Ну вообще-то много чего, — раздался звонкий голос прямо у него над головой. — Но успокойся, ты не умираешь, и прилив сил, который ты ощутил, вовсе не агония. Я тут чуть не разревелась, как полная дура, а он обзывается! За «задрипанную рощу» ты мне еще ответишь! Это, между прочим, священный лес. И помирать тут строго воспрещается!!! Даже таким варварам, как ты! Вот!

С немалым усилием подняв взгляд, Аларих только сейчас осознал, что преградившим ему путь препятствием является не очередное дерево, а две босые, измазанные травяным соком стройные ноги, принадлежащие той самой малолетней воришке, что пыталась украсть его кинжал.

— Ничего не поделаешь. — Он взглянул на широкую кровавую полосу, отмечавшую преодоленный им путь, и криво усмехнулся. — И рад бы соблюсти ваши правила, да боюсь, не получится.

— Вот еще!

Девчонка сердито притопнула ногой, и с ее щеки сорвалась слезинка, упавшая на руку Алариха. Странно, но в этот же миг он вновь ощутил себя значительно лучше.

— Сказано нельзя — значит, нельзя, — все тем же сердитым тоном, совершенно не соответствующим сморщенному в страдальчески-сожалеющей гримаске лицу, продолжила она.

— Тебя бы генералом в мою армию, — хмыкнул Аларих и потерял сознание.

Очнулся он от ощущения чьей-то прохладной ладони на своей щеке. Открыв глаза, Аларих заметил, что девчонка успела усесться на землю и переложить его голову себе на колени.

— Ну что же ты! — укоризненно прошептала она, перебирая свободной рукой его волосы. — Я тут тебя лечу-лечу, а ты сознание теряешь!

Потерять сознание не на поле боя да еще перед слабой женщиной! Все нутро Алариха просто взбунтовалось даже от одной такой мысли. Позор-то какой!

— Я не терял сознания! — соврал он, пытаясь замять сей позорный факт собственной биографии.

— Ну да, конечно! — хмыкнула девчонка. — А что же это такое было?

— Это был тактический отдых!

— Ага-ага, — фыркнула она. — Будем считать, что я тебе поверила.

Аларих скрипнул зубами, но упорствовать не решился. Главное, что она его позора дальше не разнесет. Сказала же, что якобы поверила.

— Вот это правильные мысли! — обрадовалась девочка. — Если ты уже задумался о будущем, значит, скоро пойдешь на поправку. А то помирать тут он собрался. Мою рощу кровью поганить!

— Поганая кровь? — яростно возмутился Аларих, резко привставая. В ноге немедленно запульсировала боль, напоминая о нежелательности подобных действий. — Я сын вождя, лучший в племени!

— Ну надо же, как мне повезло! — иронично склонила голову девочка, и от этого простого движения возникло странное ощущение, как будто она на самом деле намного старше Хватки. — Ты пока лучше не дергайся, я только-только кость сращивать начала, а будешь елозить — так и калекой остаться можешь! — серьезно добавила она, оценивающе взглянув на поврежденную ногу воина.

— Калекой? — Как ни старался Аларих сдержаться, но в голосе его при этом слове невольно прозвучали нотки испуга.

— Если будешь дергаться. — Насмешливый тон целительницы не оставлял сомнений в том, что она заметила испуг Алариха.

Вздыхнув, Хватка замер, не отвечая на насмешку и стараясь не шевелиться. Становиться хромцом из-за глупой гордости ему не хотелось.

— Чего замолчал-то? — заметила его напряжение девушка. — Тебе шевелиться нельзя, а говорить можно и даже нужно! А то уснешь еще, а это сейчас как раз нежелательно! Да и мне не так скучно тебя лечить будет.

— О чем говорить-то? — нехотя протянул воин. — Ишь ты, кровь у меня для нее поганая... — не сдержал он свою обиду.

— Да не конкретно у тебя, — вздохнула та, — а вообще. Эта роща — центр моей силы, мое сердце, моя обитель. И любая кровь, что проливается здесь, ослабляет мое могущество и причиняет мне боль. Была бы я богиней исцеления, а, к примеру, войны, то подобное меня только обрадовало бы. А так... ничего не поделать, противоположная энергетика. Вот и приходится исцелять всяких невоспитанных варваров.

— Я не варвар! Я — лан! Аларих Стальная Хватка, сын покорителя мира Сельмана Кровавого, вождь, командующий туменами отважнейших воинов Степи, завоевавших великую империю ромеев, и сын великого вождя, покорившего полмира! — возмущенно отозвался воин.

— Очень приятно, — вновь совершенно по-взрослому усмехнулась девочка. — Верлерадия Милосердная, богиня.

Просто богиня! Аларих отчаянно засопел носом. Памятуя о предупреждении девушки, резких движений он больше не делал, хотя и очень хотелось. Уж слишком ее представление походило на какую-то изысканную насмешку. Подобное никак нельзя было оставлять без ответа!

Да и ее внешний вид находился в совершеннейшем несоответствии с присвоенным ею званием. Какая же это богиня — босиком, с исцарапанными ногами, в обтрепанной и перемазанной травяным соком тунике? Богини должны быть прекрасными и нарядными. Да и ее женские стати...

Вот у них в степи богини так богини. Ему припомнился идол Великой Матери, который на день весеннего равноденствия выносили жрецы. Вот это богиня так богиня! Облаченная в одеяния из саремшанского шелка, украшенная множеством драгоценных камней и с такими женскими достоинствами, что просто ух!!!! На одну грудь положит, а другой и пришибет насмерть! Да и бедра побольше его размаха рук будут! А тут что? Он смерил свою спасительницу скептическим взглядом. Ни груди, ни попы, и только кости торчат. Пигалица какая-то, а не богиня.

— Сам такой! — обиженно надулась девочка. — Я не пигалица, я Хранительница Рощи в самом расцвете сил!

По крайней мере одним божественным атрибутом Хранительница Рощи, похоже, все-таки обладала. Во всяком случае, Аларих был полностью уверен, что не высказывал вслух свои рассуждения. Впрочем, умение читать мысли еще ничего не значило, помимо богов было еще немало различных созданий, способных на подобное. А даже если и богиня, это все равно не повод нос задирать!

— Взрослая Хранительница Рощи, а носится по лесу как оголтелая и кинжалы ворует, — полушутливо заметил Аларих.

— Ну, бывает! — возмутилась девочка, тряхнув головой. — Между прочим, ты сам виноват! Явился в мою рощу, будто так и надо, и даже ритуального подарка не поднес! А на твоём кинжале камушки приметные, я себе давно такие на серьги хотела!

И только тут до Алариха дошло.

— Стоп! — прошептал он. — Ты сказала, что Хранительница Рощи?

— Ну да.

— И тебя зовут Верлерадия?

— Ты что, глухой? У тебя вроде нога сломана, а мозги не задеты были. Верлерадия Милосердная! А если в моем милосердии усомнишься, то я и по уху съездить могу! Для лучшего восприятия! — Она сердито потрясла перед носом лежащего на ее коленях воина маленьким, но довольно крепким кулачком.

— Так ты и есть то самое божество, которому посвящен белый храм? Которому служат... — Он на миг замялся, сообразив, что не помнит, как звали выживших служителей, но быстро выкрутился: — Захваченные нами жрец и жрица?

— Ты имеешь в виду Карею Випсанию Лепид и Луциллия Гнея Октавиана?

— Точно! Именно их. Карей и Луциллий. — Сейчас, после того как их имена уже прозвучали, Аларих вспомнил, как звали пленников. — А ты откуда знаешь, о ком я говорил? — с любопытством и легкой подозрительностью поинтересовался он у богини.

— Помимо того, что во время исцеления я легко читаю твои мысли и чувства? — ехидно переспросила та и внезапно грустно вздохнула. — Просто эти двое — единственные из всех моих служителей, чьи души еще не покинули тела и не перешли в мою обитель.

Эти слова прозвучали так печально, что даже закаленному просьбами и мольбами многих пленников молодому вождю вдруг почему-то стало очень жаль эту странную девчонку, называющую себя богиней и Хранительницей Рощи, и захотелось хоть как-то ее утешить. К счастью, проблема, вызвавшая ее печаль, не стояла и выеденного яйца и могла быть разрешена сразу же, как только он вернется в свой лагерь. О чем Стальная Хватка ей немедленно и сообщил.

— Ты это... не грусти. Ну подумаешь — задержались... Я ж не знал, что это так для тебя важно. Хочешь, я сам их зарежу? Или как там по правилам надо? Задушить, да? Лис, конечно, расстроится немного, ему эта твоя Карей вроде понравилась, ну да перебьется, раз такое дело... Так что не расстраивайся. Как только я доберусь до нашего лагеря, честное слово, первым делом их души тебе переправлю! — И тут же, вспомнив настойчивую охоту Ллуарта за его собственной душой, с любопытством поинтересовался: — А ты тоже, что ли, души коллекционируешь? Зачем они вам нужны? Какой от них прок?

От подобного предложения Верлерадия ощутимо вздрогнула.

— Знаешь, — после некоторого раздумья произнесла она, — лан ты или не лан, а все

равно варвар. И для варвара поясняю. Я расстраиваюсь не оттого, что Карей и Луциллий выжили, а потому, что выжили только они! Я же целительница! Богиня милосердия! Неужели ты действительно думаешь, что я хотела, чтобы те идиоты задушили моих жриц?! Неужели ты считаешь, я бы не простила моим девочкам обиды, которую могли нанести им твои придурки?!

— Мои воины не придурки! — вскипел Аларих. — Они могучие дети Степи...

— Да хоть болота! — отмахнулась Хранительница. — Для меня главное жизнь и душа. Они самое ценное, что только может быть у человека! Ни кони, ни золото, ни слава, ни боги. Только жизнь и душа. А мои жрецы отличились! Знаешь, если бы не количество погибших при штурме, то я бы даже порадовалась тому, что ты захватил империю! Сколько раз я пыталась втолковать им эту истину. А в результате что? «Задушим жриц, дабы грязные лапы варваров не осквернили служительниц милосердной Верлерадии», — процитировала Верлерадия грубым голосом. — Нет, ну ты представляешь, какая глупость!

— Так взяла бы да разъяснила им это, — попытался пожать плечами Аларих. Попытка была немедленно пресечена.

— Я же сказала не дергайся, мешаешь! А насчет разъяснений — так я пыталась. И не раз. Вот только... Когда интересы бога и его служителей входят в противоречие, причем бог по самой своей природе не имеет возможности никого карать всерьез, да и вообще не может даже покинуть посвященную ему рощу, как ты думаешь, по каким правилам будут проводиться ритуалы? По тем, которые угодны божеству, или по тем, которые приносят политическую выгоду высшему жречеству?

После того как я около двухсот лет назад пыталась запретить приносить мне в жертву неугодных Великой Жрице людей, Синод Добрейших попросту объявил мою рощу «слишком святой для того, чтобы нога людей, не прошедших великое посвящение, оскорбляла эту землю» и полностью перекрыл сюда доступ простым людям и служителям низших рангов. Так что гордись. За целых двести лет ты являешься первым человеком, который вступил в мою рощу, не пройдя посвящения в высшие иерархии храма.

— Горжусь, горжусь, — недовольно пробурчал Аларих.

Неподвижное лежание на довольно-таки костлявых коленях юной целительницы успело изрядно надоесть привыкшему к постоянной активности воину. Хорошо хоть болтовня с этой малолетней недобогиней, не могущей приструнить своих собственных служителей, хоть как-то скрашивала вынужденное безделье и неподвижность.

Он осторожно повернул голову и внимательно всмотрелся в девушку. И вот это растрепанное чудо в перьях они с Лисом собирались отловить и использовать? Даже если бы она и не спасла ему жизнь, что сразу поставило крест на подобных планах, ибо вождь ланов был отнюдь не чужд благодарности и просто не мог так обойтись со своей спасительницей, то все равно подобная идея была просто бессмысленна. Какое там могущество, если она с собственными жрецами разобраться не смогла!

— Ты не совсем прав, — откликнулась на его мысли девушка. — Кое-что я все же могу. Например, я вполне способна защитить поклоняющихся мне от любой агрессии со стороны любых других богов и демонов. Опять-таки лечение ран и болезней, помощь при родах... Но, по большому счету, твои мысли верны. В качестве пленницы и личного бога я для тебя полностью бесполезна. Тем более что я не в состоянии покинуть пределы этой рощи. Если с лесом что-нибудь случится или я выйду в человеческий мир, то просто исчезну. Увы... Происхождение от дриад накладывает свои ограничения. Да и по профилю я целительница, а не мясник в латах. Тебе от меня никакого проку.

— А чего это ты так решила? — немедленно возразил Аларих. Он впервые встречался с божеством, которое не рекламировало само себя. — Подумаешь, драться не способна... С этим делом мы и сами справимся. А вот исцеление раненых — вещь полезная. Да и защита от других богов тоже пригодиться может. — Ему припомнились покушения Ллуарта, и он решительно добавил: — Еще как может! Так что не беспокойся, захочешь служить мне — дело найдется. Плох тот вождь, который не найдет места и задачи для любого бога,

захотевшего ему помогать. А кстати, правда, почему ты мне помогла? Я ведь захватил империю людей, которые тебе поклонялись, влез в твою рошу и саму тебя хотел отловить и отшлепать, когда ты у меня кинжал спереть пыталась. Ведь ты вполне могла меня просто оставить умирать тут, на полянке. Ну подумаешь, кровью бы напачкал. Ну не верится мне, что моя кровь могла настолько тебе повредить, что ты, несмотря на все это, решила меня спасти.

— Правильно не веришь, — спокойно кивнула девушка. — Пролитие в священной роши крови для меня очень неприятно, болезненно и просто противно, но при необходимости я вполне бы могла это стерпеть. Дело в другом. Во-первых, я богиня милосердия. И отказать нуждающемуся в помощи просто противно самой моей природе. А во-вторых, и в-главных, я очень надеялась на возможность договориться с тобой.

— Договориться? О чем? — искренне недоумевая, спросил Аларих.

— Пока не время говорить об этом, — покачала головой богиня. — Вот вылечу тебя, тогда и вернемся к этому вопросу. А пока давай сменим тему.

— Сменим, так сменим, — пожал плечами нелюбопытный лан и тут же сморщился от боли.

— Я же говорила тебе не шевелиться! — сердито воскликнула Верлерадия, чуть ли не зашипев от злости. — Все потоки мне сбил!

— Кстати, насчет изменения темы, — перебил ее Аларих. — Долго мне еще так лежать? Я всегда думал, что божественное исцеление, это р-раз — и ты уже абсолютно здоров, будь хоть на кусочки перед этим разрублен. А тут лежу-лежу уже сколько времени, и все никак...

— Если не устраивает, как я лечу, можешь сам лечиться. Только тогда не жалуйся, ежели помрешь через пару дней или полгода проваляешься в постели, а потом на всю жизнь хромым останешься, — сердито заявила богиня, но потом сменила гнев на милость. — Если бы ты не дернулся, минут через десять я бы закончила и твоя нога была бы как новенькая. А так... Ты своим пожатием мне все потоки сил перепутал, так что сейчас их заново разбирать придется. А насчет божественного исцеления... Есть такое. Вот только так, чтобы «р-раз — и здоров», боги могут исцелять лишь своих верующих. Будь ты посвящен мне — давно бы на ногах стоял. А так мне приходится лечить тебя не божественной силой, а при помощи самой обычной целительской магии. Если бы я не была богиней исцеления, по «долгу службы» знающей все про методы лечения, то и вовсе бы ничем не могла помочь не посвященному мне человеку.

— Целительской магии? — переспросил Аларих, желая уточнить незнакомое словосочетание.

— Неважно, — отмахнулась богиня. — В этом мире подобное использование силы еще неизвестно. Я, конечно, пыталась обучать своих жрецов, но этим балбесам интересней было заниматься интригами, а не магией исцеления. Вот и доинтриговали до твоего прихода. В общем, лежи и не дергайся, так как кроме меня никто в этом мире твою ногу вылечить не может и не сможет еще очень долго.

— Понятно, — вздохнул Аларих.

На самом деле понятно было не так уж и много, поскольку, несмотря на его довольно неплохое знание ромейского языка, многие из использованных Верлерадией слов были ему неизвестны, однако он решил не устраивать долгих расспросов. Ну, в самом деле, какое ему дело до того, что такое есть «целительская магия», главное, что его при помощи этой штуки, чем бы она ни была, лечат, и лечат достаточно успешно. Мимоходом подивившись глупости жрецов Верлерадии, отказавшихся от такой полезной штуки ради каких-то глупых интриг, он вновь сменил тему:

— Кстати, по поводу твоих служителей. Они, конечно, полные придурки, но, может быть, все же были не так уж и неправы? Я о твоих погибших жрицах говорю. Все же мои воины особой сдержанностью не отличаются, особенно сотня Безумца, который и захватил твой храм. Кто знает, может, так этим девчонкам и лучше вышло? Хоть не мучились...

— Да ничего бы не случилось! — вскрикнула богиня. — Твой Лис подрос бы вовремя и отбил бы жриц у вашего Безумного Лучника. Выжили бы девочки. Некоторые из них даже счастье свое нашли бы. Они ж, глупышки, даже замуж не вышли, все честь свою берегли. А для чего, если я богиня-целительница? Я, между прочим, наоборот, всемерно поддерживаю все, что помогает здоровью и размножению! Знаешь, это не боги, а люди придумывают правила поклонения.

— Врешь! — фыркнул Аларих. — Может быть, из-за твоей доброты жрецы и начали своевольничать, но вот наши степные боги всех в кулаке держат! Чуть ли не полный свод законов выдали и за исполнением внимательно присматривают!

— Да бред это все! — возмутилась Верлерадия. — Люди придумывают правила и трактуют волю богов так, как им самим это наиболее удобно. На что угодно могу поспорить, что эти своды придумали ваши жрецы, а не боги. Мне, к примеру, абсолютно все равно, как поставят свечку в храме. С поклоном или без. Нет разницы. И место тоже не главное. В храме, на болоте, дома — смысл один. А еще лучше плюнуть на свечки и поклоны да взять и накормить голодного ребенка, приютить сироту. Вот это для меня куда лучше всяческих песнопений и обрядов! Поверь, если бы мои жрицы вышли замуж и нарожали детей, это было бы для меня куда ценнее и приятнее любых подношений. Чтобы они просто были счастливыми.

— И в чем же тебе была тогда выгода?

— Как в чем? Хотя, пожалуй, мне будет сложно тебе объяснить. Но попробую. Мы, боги, грубо говоря, несем в себе идею, суть. Вот, например, я богиня целительства и милосердия. Если эти два дела распространяются по земле и процветают, то я получаю силы. Собственно, именно потому я столь и слаба и заперта в этой роще, что слишком мало на земле добра и милосердия. Люди почему-то предпочитают воевать и убивать, а не жалеть и исцелять.

Аларих хмыкнул.

— Так это же гораздо интересней, — просветил он богиню.

— Так и прочие, — проигнорировав его заявление, продолжила Хранительница Роши. — Богу склок нужны склоки. Богу войны — битвы.

— Понятно, — прервал ее вождь, для которого последнее время упоминание о боге войны было несколько неприятно. — А зачем вам тогда души? — решил он разузнать о первопричине вставшей перед ним проблемы.

— Как зачем? — сморгнула Верлерадия. — В душе заключается вся человеческая суть!

— И что, если, допустим, я лишусь души, то немедленно умру? — заинтересованно спросил Аларих, радуясь про себя тому, что так разумно и предусмотрительно послал слугу Ллуарта с его деловым предложением.

— Ну почему же умрешь? Жить будешь, — озадаченно пробормотала богиня, — но не так, как прежде. — Похоже, сейчас, когда разговор зашел о душе, она почему-то утратила возможность читать его мысли.

— А как — не так? Что душа вообще такое? — решил окончательно прояснить не дающий ему покоя вопрос Аларих.

— Как?! Ты не знаешь, что такое душа?! — По всей видимости, сама мысль о том, что кто-то может не знать подобных вещей, так шокировала юную богиню, что она даже на мгновение замерла. — Ты же человек! — наконец очнулась от своего столбняка Верлерадия.

— И что с того? — не понял ее заявления Аларих. — Мы ланы, мы воины Степи. Мой отец продал свою душу Ллуарту, и это совершенно не мешает ему править Степью и побеждать всех своих врагов. Так для чего нам душа?

— Но без души ты же ничего не будешь чувствовать! Ни страха, ни горя, ни жалости, ни любви!

— И разве это плохо? — теперь уже озадачился Стальная Хватка.

Как-то он не особо будет переживать из-за потери столь позорного для воина чувства, как страх. Горе? Тем более такое чувствовать не хочется. Зачем оно людям? Для чего?

Жалость и вовсе только помеха для отважного воина. В бою жалости не место. А любовь? Какой от нее прок? И зачем она воину? Разве без любви он не сможет развлекаться с рабынями? Сможет. Еще как сможет. Его отец тому самое прямое доказательство. Да и вообще, жил он как-то без любви двадцать пять лет, проживет и дальше.

Проведя такой простой расчет, Аларих решил, что при нужде вполне можно будет, хорошенько поторговавшись, все же согласиться на предложение слуги Ллуарта. Однако уже следующая фраза богини немедленно уничтожила возникшие в его голове торговые планы.

— Я назвала только четыре чувства, но их гораздо больше, — скорбно заметила Верлерадия. — А как же радость? Без радости ты тоже проживешь? Для чего тебе будут победы, если ты не будешь чувствовать от них радости? Для чего золото и рабыни, если ты разучишься наслаждаться жизнью?

Аларих задумался. С радостью Хранительница попала в самую точку. Радость ему нужна. Жить без радости ему не хотелось. А что еще она забыла упомянуть, а потом он хватится? Нет уж, бычья ядра Ллуарту в глотку, а не его душу! Такая вещь нужна и ему самому, однозначно решил молодой вождь и продолжил свои расспросы:

— А что вы делаете с душами? Вам-то они для чего нужны?

— Собираем в своих чертогах, — улыбнулась Верлерадия. — А вообще, все зависит от того, какая именно душа. Если, к примеру, душа была продана и куплена, то она просто растворяется в посмертных чертогах того бога, который приобрел ее, увеличивая его могущество. Отпечатка личности-то такая душа не несет, личность остается в теле продавшего душу и после его смерти исчезает окончательно и полностью. А души простых верующих несут в себе личность того человека, которому они принадлежали при жизни. И после смерти идут в чертоги того бога, которому он служил. Там души проходят сортировку — по преданности богу, по совершенным ими грехам, по заслугам и прочему и либо прямиком в обитель, либо от грехов чиститься... Ну да ты знаешь, наверно; не может быть, чтобы ваши жрецы вам этого не рассказывали.

Ну а в обители у каждого бога все по-своему, в зависимости от его направленности. Я, например, дарю своим последователям покой и мир, счастье общения, дружбы и помощи. В чертогах у Веноссы, богини любви, царит любовь во всех ее проявлениях. Мы с ней хорошо взаимодействуем и даже подумывали об объединении чертогов, так что про ее дела я знаю неплохо. В чертогах других богов я не бывала, но думаю, там тот же принцип.

Смысл всего этого в том, если, например, ты являешься моим верующим и твоя душа, попав в мои чертоги, будет счастлива и после смерти, я тоже буду получать энергию. И продолжаться это будет ровно до тех пор, пока твоя душа остается довольной своим положением в моих чертогах.

— Пока довольна? А если нет? — уцепился за ее оговорку Аларих.

Про себя же он твердо решил, что такую глупость, как продажа души без самой крайней нужды, он ни за что не сделает. Даже если забыть про чувства, возможность сохранить собственную личность и после смерти слишком ценна, чтобы отказываться от нее из-за всяких там глупостей вроде завоевания всего мира. Вообще какой смысл покорять мир, ежели это не принесет тебе никакой радости и удовольствия? И для чего этот мир тогда ему, Алариху Стальной Хватке, нужен? Что с ним делать? Так что предложение Ллуарта однозначно мошенническое. Обманул хитрый бог его отца, и как обманул! Но ничего, хорошо хоть он, Хватка, сумел разобраться, что тут к чему, и не поддался на ложь и угрозы слуги кровавого божества.

Меж тем, пока он предавался этим размышлениям, богиня продолжала свой рассказ:

— Если душа недовольна местом своего пребывания? Тут есть варианты. Некоторые боги, чья сила основана на боли и муках, способны задерживать души в своих обителях, причиняя им сильные мучения и увеличивая от того свое могущество. Им обычно отдаются души тех людей, которые по моральным качествам не подходят для обителей других богов. В остальных же случаях соскучившиеся по жизни души просто покидают чертоги светлых богов, чтобы вновь родиться здесь или в иных мирах.

— И вы их так и отпускаете? — не поверил вождь. — Ты ж говоришь, что, находясь в этих ваших чертогах, они приносят вам силу?

— Светлые боги просто не могут задерживать человеческие души против их воли, — пояснила богиня. — Да и смысла в этом особого нет. Ведь родившиеся заново в этом мире или в другом все равно будут продолжать мне поклоняться, под этим или другим именем, ведь чувства у всех людей все равно одинаковы.

— Хитро! — уважительно заметил вождь. — Хотя так, хоть так, ты все равно с прибылью.

— Не то слово! — фыркнула Верлерадия и засмеялась: — У тебя сейчас такое озадаченное лицо. Ты считал своего Ллуарта примитивным? Ошибся. Он ничем не отличается от меня. Разве что ему нужна кровь и война, а мне мир и покой.

— А что с моей душой станет, если она к нему попадет?

— Откуда мне знать? — пожала плечами Верлерадия. — Если продашь душу, скорее всего, она пойдет на укрепление его чертогов. Есть, правда, шанс, что после твоей смерти он сочтет более выгодным сохранить твою личность, так как душа с личностью способна давать больше энергии. Но в любом случае приятного будет мало. Ллуарт — один из тех, кто способен задерживать у себя души против их воли, так что не думаю, что пребывание в его обители может кому-нибудь понравиться. Садист он и есть садист, — недовольно пробурчала девочка. Было заметно, что Ллуарта она явно недолюбливает.

— А кто такой садист? — заинтересовался Аларих новым неизвестным ему ругательством.

— Садизм — это желание причинить боль. Как у вашего Безумного — как его там. Представь, что твоя душа попадет к нему.

На воображение Стальная Хватка никогда не жаловался, тем более что ему не раз доводилось видеть «развлечения» Безумного Лучника с доставшимися ему рабами и пленниками. Подобная перспектива его никак не вдохновляла.

— Моя душа к Аркалю? — на всякий случай переспросил он и после утверждающего кивка Верлерадии решительно заявил: — Завтра же прирежу гада. Хотя нет. Лучше прикажу Лису его отравить, чтоб не смущать остальных сотников, — подумав, переменял свое решение Аларих.

— Его-то ты убьешь, — со вздохом вновь принялась за разъяснения богиня. — А вот Ллуарта ни зарезать, ни отравить ты, к сожалению, не сможешь.

— А что же тогда? — спросил Аларих. Учитывая полученные им знания, расставаться с собственной душой ему категорически расхотелось.

— Ну, насколько я вижу висящий на тебе договор, пока ты не воюешь, душа у тебя. Проживи свой век в мире, не призывая Ллуарта на помощь, и он не сможет ее захватить.

— А потом мне свою душу к тебе пристроить?

— Ну что ты ею так разбрасываешься? — фыркнула Верлерадия. — Не спеши от нее избавляться, подумай сначала, вдруг я тебя тоже не устрою. Да и вообще... Ты слишком любишь бои, славу и победы. Боюсь, в моей обители тебе будет не слишком-то уютно.

Аларих задумался. Жить в мире, останавливать так удачно начавшиеся завоевания ему не хотелось. Вся его жизнь прошла под знаком войны, и отказываться от продолжения захватов было нестерпимо обидно. Но... нежелание терять душу было куда сильнее, чем жажда продолжения боев. В конце концов, живут же как-то люди, ни разу не водившие в бой ни одного полка. И некоторым это даже нравится!

До этого момента Хватка, правда, сохранял некоторую надежду на то, что Хранительница попросту обманывает его, расписывая ужасы потери души с целью самой захватить ее, когда он, напуганный рассказом об ожидающих его в чертогах Ллуарта ужасах, кинется к богине за помощью. Но ее фактический отказ от предложения перейти в ее веру означал, что, скорее всего, она говорила чистую правду. Ведь при любом исходе никакой выгоды она не получала, а значит, и смысла лгать для нее не было никакого!

Решив так, юный вождь немедленно принялся планировать свои будущие действия.

В последнее время его войска сделали слишком большой бросок, причем ведя почти непрерывные бои. В любом случае бойцам требовалась остановка, отдых. И, раз уж он решил прекратить свой поход, этим нужно было воспользоваться по полной.

В первую очередь следовало восстановить столицу Ромейской империи — точнее, теперь уже его столицу. Столицу ромейской провинции Великой Степи. Отремонтировать дороги, наладить торговые пути. Это в первую очередь. С восстановлением торговых путей начнется приток золота в казну, что позволит, рассадив на выгодные должности некоторых из военачальников, избежать их недовольства в связи с прекращением похода.

Им удалось отхватить очень лакомый кусочек земли, так надо закрепить на нем свои позиции. Практику поголовного ограбления населения и вырезания всех недовольных или просто ненужных завоевателям людей следует немедленно прекращать. Раньше, когда он воспринимал захваченную империю только как удобный плацдарм для следующего броска, это было разумно. Но сейчас, когда из-за глупой сделки, заключенной его отцом, он вынужден для сбережения собственной души прекратить свой великий поход, такие действия были совершенно неправильны. Своих подданных или тех, кто может стать ими, основу сил, могущества и богатства любого правителя, следовало беречь.

«Придется, пожалуй, убить работоторговцев, которым мы продали захваченных вчера пленников, и отпустить рабов на свободу. Так они смогут принести мне куда больше пользы, — решил про себя Аларих. — Ну и поделом этим ублюдкам, они мне никогда не нравились, — мелькнула у него довольная мысль. — Полезны, конечно, были, тут вопросов нет, но только пока продолжались бои. А раз я решил остановиться, новых пленников больше не будет, соответственно и платить они мне тоже не будут, а тогда зачем они нужны? А значит, пополнить свой карман за их счет можно и нужно».

Пришедшая в голову идея нравилась вождю все больше и больше. «Решено. Завтра же отдам приказ разграбить рабовладельческие караваны. Думаю, воинам это понравится». — Приняв такое решение, он продолжил составлять свой план по распоряжению захваченной империей.

Верлерадия в его рассуждения не вмешивалась, молча поглаживая Хватку по длинным, изрядно засаленным волосам и изредка поглядывая на углубившегося в свои мысли молодого вождя каким-то странным, словно оценивающим взглядом.

— Всем желающим воинам разрешу жениться на местных женщинах. На свадьбу таким семьям буду выдавать приличный земельный надел и прикреплю несколько рабов, понимающих толк в земледелии. Мы кочевники и не знаем даже, с какой стороны подойти к плугу, но ромеи им в этом помогут. Надо только подсчитать количество захваченных крестьян. Думаю, этого хватит для того, чтобы соблазнить часть воинов стать землевладельцами. Да, как раз все отлично получается. Деньги — в казну, ремесленников отпустить восвояси, пускай налоги платят, а крестьяне будут при деле и опять же станут пополнять золотой запас страны. Правда, женщин придется пока оставить рабынями.

— А без этого никак? — холодно поинтересовалась целительница. — Почему бы просто не отпустить женщин, чтобы они вышли замуж по доброй воле?

Аларих изумленно вздохнул и поднял глаза на не понимающую простейших вещей богиню. Если при рассуждениях о душе Верлерадия поражалась его необразованности, то теперь, когда речь зашла о простых земных вещах, настала уже его очередь читать лекцию.

— Мы завоеватели, — пояснил он ей ход своих мыслей. — О какой добровольности может идти речь, когда мы захватили страну и устанавливаем свои порядки? К тому же мои ребята здесь изрядно порезвились. Не думаю, что среди пленниц, если дать им свободу и право выбора, найдется достаточное количество готовых выйти замуж за моих воинов. Впрочем, не волнуйся. Жениться воины на выбранных ими женщинах будут по всем законам, и после свадьбы девушки получат свободу и все права, которыми пользуются свободные замужние женщины ланов. А там уж, после замужества, стерпит-сялюбит-ся. Иного варианта я не вижу.

Верлерадия нехотя кивнула, признавая его правоту.

— Не скажу, что я в восторге от твоих планов, — пробормотала она и наконец-то убрала его голову со своих колен. — Все-таки ромеи поклонялись мне более пятисот лет, и я уже успела сродниться с ними. Впрочем, ты не замышляешь их массовое убийство, и это уже хорошо.

Аларих опять стал попытаться подняться, но она его остановила:

— Погоди, еще не все. Шевелиться уже можно, но на ногу наступать пока не надо. Можешь сесть, если устал лежать, — добавила она, наклоняясь над пострадавшей конечностью и поводя руками в непосредственной близости над ней.

На взгляд Алариха, в каких-то дополнительных действиях уже не было никакой нужды. Нога выглядела и ощущалась совершенно здоровой, и только неаккуратная окровавленная дыра в штанине напоминала о несчастном случае, чуть было не убившем молодого вождя. Впрочем, решил он, целительнице виднее. Так что он принял рекомендованную позу и принялся наблюдать за ее действиями.

Странное дело, сейчас склоненная над его ногой богиня казалась значительно старше и привлекательней. Ее грудь и бедра несколько увеличились, из облика исчезла детская угловатость. Так что теперь он разглядывал девушку не без некоторого (ладно, ладно, довольно сильного, — признался сам себе молодой вождь) мужского интереса.

Та меж тем, ничем не показывая того, что заметила проявляемое им довольно однозначное внимание, как ни в чем не бывало продолжала предыдущий разговор:

— Твой план поглощения ромеев ланами в общем и целом вполне хорош, если не считать его некоторую аморальность. Вот только уверен ли ты, что твоих людей хватит, чтобы ромеи потеряли свою народность?

— Степь большая, — пожал плечами Аларих, — а еды в ней маловато. Мой народ плодovit и размножался бы сильнее, если бы не суровые условия нашей родины. Здесь же мы быстро увеличим собственную численность.

— Но в этих краях иная жизнь, — улыбнулась Верлерадия. — Мягкий климат, плодородная земля, удачное расположение для торговли. Тут твоему народу придется не воевать, а созидать. Не боишься, что воины лишатся боевой подготовки?

— Кто-то и утратит, — пожал плечами Аларих. — Но я вовсе не собираюсь распускать войско. Тех воинов, которые у меня останутся, должно хватить для защиты границ. А остальным — тем, что станут землевладельцами, особая подготовка и не требуется. Все равно мне теперь больше нельзя вести завоевательных войн, — с печальным вздохом заметил он.

При этих словах богиня подняла голову и внимательно взгляделась в глаза воина, словно пытаясь понять, насколько твердо принятое им решение. И то, что она увидела, ее поразило. Молодой воин решительно знал, чего хочет. Вождь поставил перед собой цель и собирался ее достигнуть. И сила желания, с которым он стремился к воплощению задуманного, завораживала. Сейчас перед богиней сидел не раненый лан, а правитель. Человек, способный создать самую могущественную империю, когда-либо существовавшую в этом мире.

По спине Верлерадии пробежал холодок. Теперь она ясно видела его будущее. Спасенный ею юноша огнем и мечом пройдет по всему миру, он прольет реки крови и создаст самую могущественную и богатую цивилизацию из когда-либо существовавших. Он покорит многочисленные народы, составляющие теперь уже бывшую империю ромеев, и будет железной рукой править на протяжении многих лет, оставив после себя сильнейшее и процветающее государство. Но сейчас его жизнь в ее руках. Она может прервать поток исцеления и обратить его вспять. Несмотря на то что подобные действия противны самой ее природе, она тем не менее могла так поступить. И тогда будущий император погибнет. Богиня целителей точно знала, что сейчас во всем мире нет ни одного лекаря, который смог бы справиться с подобным поражением. Разве что сразу после травмы ампутировать ногу. Но гордый вождь ланов, больше смерти боящийся стать калекой, никогда не согласится на подобную операцию.

А значит, он умрет. И вместе с ним умрет эта, только что созданная реальность, которую она увидела в его глазах. Одна жизнь против сотни тысяч. Но кто она такая, чтобы вершить судьбы мира?

Богиня? Да, богиня, но не судья. А кто тогда имеет право карать и миловать? Тот, кто создал богов? А ты уверена, что это его обязанность? Как легко переложить ответственность на кого-нибудь другого! Но в мире проблема выбора есть у всех, даже у богов. Ну что, богиня милосердия? Пощадишь одну жизнь, пожертвовав сотнями тысяч других? Или сотней тысяч в пользу одного? Верлерадия встряхнула головой, отгоняя от себя мрачные мысли, и поднялась на ноги.

В конце концов, в этом деле у нее был и личный интерес. Недаром же она в течение всей беседы мягко и незаметно меняла свою внешность с излюбленного облика девочки-подростка на внешность молодой, но вполне зрелой и сформировавшейся девушки.

— Ну что, будущий император? — хмыкнула она, завершая целительную формулу, и выпрямилась, протягивая мужчине руку. — Вставай!

Аларих по прозвищу Стальная Хватка, как и задумал той ночью в роще, восстановил столицу ромеев, прекрасный Ремул, наладил дороги империи и позаботился о торговле. Заботливой хозяйской рукой он навел порядок и в других областях и провинциях. Сельман Кровавый думал, что понимает задумку сына. Нельзя все сразу взять нахрапом. Воинам нужен отдых, оружие, доспехи, еда. Все это следует взять у захваченного народа, но однажды зарезанную овцу остричь уже не получится. Пусть план сына и замедлял поставленную им цель по захвату мира, но идущие из бывшей империи ромеев богатейшие налоги заставляли старого вождя с уважением относиться к действиям своего наследника и не вмешиваться в его дела. В империю под руководством Стальной Хватки возвращалось стабильность и процветание.

Развивались ремесла, торговля и наука, разрабатывались новые земли и месторождения. А вместе с ними развивалась и совершенствовалась армия Стальной Хватки. И хотя войн не было уже давно, мощь ее поражала соседних правителей, с испугом ждавших своей очереди пасть под копыта коней степных бойцов. Впрочем, многие из простых жителей этих стран, видя установившиеся на территории ромеев порядок и процветание, отнюдь не разделяли страхов своих правителей, втихаря завидуя подданным Алариха.

Ромеи смирились с завоевателями. Вопреки их страхам ланы не стали разрушать сложившиеся устои и порядки, не превратили захваченную нацию в рабов. Более того, они восстановили разрушенные ими же здания, построили новые дороги, сделали вокруг города дополнительные укрепления, а также позволили населению свою религию и язык. Как тут возмутиться своим положением?

Более того. Новый император даже не стал вырубать священную рощу, а построил в ее центре красивую мраморную беседку, в которой проводил немало времени. Поговаривали, что там он советуется с самой великой и милосердной Верлерадией, и оттого его действия неизменно столь добры и благотворны.

Жизнь налаживалась. Как и предвидел Аларих, браки между жителями Великой Степи и коренным населением стали обычным делом, а потому население новой империи быстро росло.

Сам же Аларих радовал Тиллу цветущим видом и внутренним спокойствием. Лис рад был замечать на лице друга признаки счастья и довольства жизнью. Прошли те времена, когда от снедаемого черной меланхолией вождя в ужасе шарахались самые смелые и преданные военачальники. После посещения Священной рощи Хватка стал гораздо более собран, спокоен, рассудителен и даже добр, конечно настолько, насколько это вообще возможно для человека, довольно успешно правящего огромной империей.

Сам Лис остепенился и теперь со дня на день ждал в своем семействе пополнения. Бывшая жрица нашла подход к сердцу ветреного бойца и сейчас находилась на шестом месяце беременности. Карея убеждала, что будет мальчик, но сам он предпочел бы, чтобы

его первым ребенком была девочка. Конечно, подобное желание шло против всех традиций ланов, согласно которым будущий отец просто обязан был мечтать именно о сыне — воине и наследнике, однако Лис и раньше-то никогда не обращал на традиции слишком много внимания. А уж сейчас...

Второй человек империи, один из лучших полководцев, отважный и жестокий степной воин, единственный друг и наперсник молодого императора Тилла Танцующий Лис даже сам себе не мог признаться в том, что бывшая пленница, когда-то рассказывавшая ему такие интересные сказки, глубоко запала в его душу. Так глубоко, что даже в собственном, еще не рожденном ребенке ему хотелось видеть отражение любимой.

Впрочем, даже если вопреки его желанию родится мальчик, это его не расстроит. Просто надо будет продолжать попытки, Лис вовсе не собирался останавливаться на одном ребенке.

— Чему ты улыбаешься? — хмыкнул сидящий рядом Аларих, заметивший блаженную улыбку, с которой его друг наблюдал за своей женой.

— Да так, — пожал плечами Тилла, глядя на исписанный стихами пергамент в руках своего вождя. — Подумал про свою сказочницу.

— Что-то их долго нет, — пробурчал вождь, глядя в сторону зарослей.

— Сказали ждать в беседке, значит, будем ждать, — вздохнул его друг и напарник.

— Да уж, — буркнул Стальная Хватка, скручивая пергамент. — Иногда я сам себя не узнаю. Тилла, скажи, и это мы?

— Тебе что-то не нравится? — встревоженно обернулся друг.

— Нет, — мотнул головой император. — Просто я никогда не думал, что могу быть счастлив без войны. И могу вот так спокойно сидеть, ожидая женщину... Если бы лет пять назад я услышал о подобном, ни за что бы не поверил.

— Да, — хлопнул Тилла по плечу друга. — Чтобы ты да кого-нибудь ждал... Особенно женщину... Как сейчас представляю: давно бы отдал приказ тому же Степному Ветру или Сыну Бури, и в течение трех минут любую тебе приволокли бы за волосы.

— Так и есть, — без улыбки ответил Аларих. — Вот только сейчас, ожидая их, я почему-то гораздо счастливее, чем мог быть тогда, раньше, когда мне стоило лишь мигнуть, чтобы получить любую женщину, которую я только мог пожелать.

— В этом и заключается сила и коварство женщин, — с той же серьезностью заметил Тилла. — Мы охотимся на зверей, завоевываем города и страны, покоряем врагов и кидаем все это к их ногам. А они охотятся за нами, стараясь захватить в плен наше сердце, либо приручают, как диких зверей. Тебе кажется, что все под контролем, ты чувствуешь себя королем мира. Она слаба и беззащитна. Она жертва в твоих руках, но на самом деле жертва здесь ты.

— Ты говоришь это с такой блаженной улыбкой, словно тебе нравится такой расклад, — тихо заметил Аларих, внимательно глядя на Тиллу. — По твоим словам, женщины — чудовища похлеще богов и демонов.

— Так и есть, — кивнул Танцующий Лис. — Они боги, идущие по земле. В них заключается настоящее бессмертие, — и, увидев заинтересованный взгляд Алариха, пояснил: — Я знаю про души и про то, что они дают. Но душа, пусть даже идущая по самому благополучному пути, к самому благорасположенному из богов, несет всего лишь твой отпечаток. А женщины... Карея носит под сердцем моего ребенка. Сына или дочь — неважно. И пусть даже я сгину, встретившись в бою с кем-либо, кто превзойдет меня в удачливости или умении обращаться с оружием, но частичка меня останется жить в этом мире. Мои потомки будут напоминанием того, что я все-таки был в этом мире. Века сотрут с камня письма и фрески, уничтожат летописи и книги, но моя кровь будет жить. Пора бы и тебе, Ал, задуматься о наследниках.

— Пора, — согласился с другом Аларих. — Подумать пора. Но вот действовать... Знаешь, те девушки, что грели мою постель... Ни одну из них я не вижу в качестве своей жены и матери моего наследника.

— А если взглянуть на других? Неужели ты так и не нашел ни одной достойной твоего величества? — шутливо поинтересовался Лис.

— А та, что достойна, — не принял его тона Хватка, — видимо, не считает достаточно достойным меня.

— Это что еще за женщина такая, что тебя, сына и наследника величайшего вождя, правителя целой империи, не считает подходящей парой? — искренне изумился Тилла и замер, заметив тоскливый взгляд Алариха, устремленный на вышедших из-за высоких кустов мирно беседующих Карею и Верлерадию.

— Да, друг... — кивнул он своим мыслям. — А ты и впрямь не ищешь легких путей...

За прошедшее время облик богини претерпел сильные изменения. И сейчас высокая, статная и удивительно красивая женщина уже ничем не напоминала ту тощую, угловатую девочку-подростка, что впервые предстала перед юным вождем. Как настоящий ценитель женской красоты Тилла не мог не признать, что, несмотря на все богатство выбора, имеющееся у молодого императора, второй такой, как Верлерадия, не найти.

Характер и ум богини милосердия не могли не привлечь к ней самого благосклонного внимания. Но вот ее происхождение... Как бы ни был силен и могуществен молодой император, богиня, пусть даже и их старая знакомая и хороший друг, — это уже совсем другой уровень. И теперь он хорошо понимал причины затаенной тоски в глазах Алариха и его нежелания искать себе невесту среди девушек человеческого рода.

Тилла обнял подошедшую жену и поцеловал в затылок. Хранительница Роши взглянула в глаза Алариха и отвернулась, будто бы заинтересовавшись резьбой беседки. Однако Лис успел заметить, как богиня поспешно спрятала улыбку. На мгновение ему показалось, что в ее глазах мелькнула какая-то непонятная решимость.

— Нам надо поговорить, — тихо обратилась она к Алариху, прекращая созерцание узоров.

— Да?

Миг слабости прошел, и перед женщинами вновь стоял собранный, решительный вождь. Недаром еще в ранней юности он получил почетное и ко многому обязывающее прозвище Стальная Хватка. С тех пор Ал постоянно подтверждал своими делами право ношения данного имени. Что бы ни творилось в сердце императора, ни на его лице, ни на мыслях и поступках это не отражалось.

— Помнишь, когда я лечила тебя, пять лет назад, я упомянула, что хочу кое о чем с тобой договориться? — спросила богиня.

Как всегда чуткий, Лис понял, что сейчас этой странной паре не нужны свидетели, и, обняв Карею, поспешил скрыться в кустах.

Аларих проводил их взглядом и задумчиво взмахнул рукой.

— Ты тогда еще на мой вопрос, о чем именно, сказала, что «не время», и перевела разговор в другое русло, — вспомнил он.

— Да, это так, — кивнула богиня. — Теперь время настало. — Она ненадолго замолчала, нервно теребя пальцами краешек своей туники.

— И чего ты хотела? — прервал воцарившееся молчание Аларих. Про себя он уже решил, что исполнит любое ее желание, если это, конечно, будет в его силах.

— В основном две вещи, — задумчиво произнесла Верлерадия. — Первую ты исполнил без всяких моих просьб, когда не стал уничтожать Ромейскую империю и позаботился о ее населении. А вот сейчас я хочу попросить у тебя ребенка. — И девушка внимательно взглянула в глаза лана, словно ища в них ответ на свой вопрос.

— Что? — В первый момент Аларих решил, что ослышался. Потом подумал, что, как уже бывало, неправильно понял богиню, и решил уточнить: — В смысле? Чтобы я принес тебе в жертву ребенка?

Подобная просьба шла как-то вразрез со сложившимся у него в сознании образом богини, пропагандирующей милосердие и неприятие человеческих жертв. «Однако обстоятельства бывают разные, — подумалось Хватке, — мало ли по каким причинам ей

могла потребоваться подобная жертва». Это было вполне в традициях тех богов, под покровительством которых он вырос, и потому он не видел в таком желании ничего слишком уж особенного. Поскольку ответа на свой предыдущий вопрос он так и не получил и, сочтя молчание опешившей Верлерадии знаком согласия, решил уточнить параметры будущей жертвы:

— Мальчика или девочку? Какого возраста? Подойдут ли рабы или это должен быть отпрыск какого-либо знатного рода?

— Да как ты мог до такого додуматься?! — справилась наконец с охватившим ее столбняком богиня. — Я. Не приемлю. Кровавых. Жертв, — чеканя каждое слово, произнесла она. — Никогда. Ни при каких условиях! Ни за что, даже ради спасения собственной жизни! А уж тем более — убийство ребенка! — в конце она перешла на крик и вдруг заплакала, закрыв лицо узкими ладонями.

Аларих вздохнул и, желая утешить, осторожно обнял Верлерадию. Вновь, как и пять лет назад, ему стало жаль прижавшуюся к его плечу и тоскливо всхлипывающую богиню. И опять, как и тогда, он не знал, что сказать или сделать, чтобы не усугубить ее слез. Поэтому мужчина молчал, лишь изредка глядя девушку по длинным, мягким, словно зрелый лен, волосам.

— Я хотела ребенка вовсе не в том смысле! — Отчаянные всхлипывания сложились наконец в более-менее различимые и понятные для не умеющего читать мысли человека фразы. — Я от тебя ребенка хотела! Родить...

Услышав последнее слово, Аларих буквально закаменел.

— Что??? — не веря в собственное счастье и опасаясь, что ему просто послышалось, переспросил он. — Что ты сказала?

— Я хочу родить от тебя ребенка, — убрав руки от лица, твердо произнесла девушка и решительно взглянула в его глаза. — Вот. Не так часто среди людей рождается подходящая для богов пара. И я не такая дура, чтоб упустить свою удачу из-за глупых предрассудков. Но если ты не хочешь, — вдруг робко всхлипнула она, — я все пойму, я приму любое твое решение. Ты согласен?

Аларих не смог сдержать вылезшую на лицо веселую усмешку.

— Так вот, значит, что чувствует женщина, когда ей делают предложение руки и сердца, — улыбнулся он. — Интересные, надо сказать, ощущения. Я согласен, моя императрица!

Время летит. Быстрее всего оно мчится, когда дело касается смертных. Особенно смертных, загруженных делами и несущих на своих плечах бремя власти. Со дня свадьбы молодого вождя Алариха Стальная Хватка и богини — покровительницы ромеев Верлерадии Милосердной прошло три года.

Много событий случилось за это время. Не дождавшись появления на свет долгожданного внука, умер могущественнейший вождь и безжалостный завоеватель, основатель раскинувшейся на две трети мира Великой Степи, Сельман Кровавый. Вступивший в права наследства Аларих официально объявил себя императором и, не желая жить вдалеке от любимой жены, перенес столицу в Ремул. Некоторые из древних степных родов, осмелившиеся возражать данному решению, захлебнулись в собственной крови. Та же участь постигла и тех, кто решил воспользоваться временным благодушием Алариха и рискнул поторговаться для получения некоторых преференций. После столь наглядной демонстрации те, кто остался в живых, мудро рассудили, что «яблочко от яблони далеко не падает» и что сын Сельмана Кровавого вполне достоин своего отца, заслужившего свое прозвище отнюдь не из-за пристрастия к алому цвету.

В положенный срок, спустя три месяца после коронации, у молодого императора родился сын. То, с какой пышностью отмечал знаменательное событие счастливый отец, произвело немалое впечатление на всех, кому повезло принять участие в празднике.

Но во всем хорошем может таиться зачаток будущей беды. Слишком много времени

прошло с последнего наступательного похода ланов. Некогда отважные степные воители все чаще и чаще предпочитали мирные пути решения проблем, не желая лишний раз рисковать своей счастливой жизнью. Постепенно соседи Великой Степи перестали волноваться за свои границы. За восемь лет существования империя больше не предпринимала никаких попыток нападения, она росла, богатела, развивалась.

Все чаще и чаще ее диковинные разработки и несметные сокровища будоражили умы ближайших государств. Но если раньше их останавливала осторожность и страх перед могучей армией, то теперь жадность притупляла инстинкт самосохранения. Да и армия была уже не та. Восемь лет мира, довольства и сытой жизни — достаточный срок, чтобы расхолодить даже самых непримиримых и жестоких головорезов.

А в это время в Дарайском королевстве, основном западном сопернике империи ланов, умер король. Взошедший на престол наследник, Норберт Свирепый, опасений отца не разделял и решил попробовать на зуб лежащие на востоке богатые земли Степной империи.

«Разве они опасны? — все чаще размышлял он, слушая доклады шпионов. — Они разжирели и потеряли хватку. Аларих слишком озабочен развитием мирных ремесел. Да стоит ли ждать отваги и воинской сноровки от императора, который пишет стихи и даже не скрывает этих своих наклонностей? А ведь у них такие земли!»

И так думал не он один. Обширные богатые земли вызывали зависть у всех соседей, и по мере того, как слабел страх перед бесчисленными туменами степных воителей, сильнее и ярче разгоралась жадность и крепло желание отщипнуть у Великой Степи лакомый кусочек неисчислимых богатств. Идеи Норберта нашли много последователей, и все новые и новые страны, княжества, герцогства и королевства присоединялись к тщательно сколачиваемому им союзу.

И вот настал день, когда огромная армия союзников под предводительством дарайского короля направилась в сторону Великой Степи. Первые стычки произошли на западной границе бывшей Ромейской империи. За первый месяц войны империя потеряла шесть городов. Когда об этом доложили Алариху, он чуть не завыл от злости. Глянув на карту мира, великий император гневно ударил кулаком по столу. Проклятый контракт. Проклятый Ллуарт, из-за которого он не мог сам вступить в битву. Два тумена отборных воинов — все, что он смог набрать за столь короткое время, — отдал Аларих Тилле, и как всегда веселый и улыбчивый Лис поцеловал жену, обнял дочь и сына, взмахнул рукой со сверкающей саблей и отправился в бой, пообещав, что вернется с победой или не вернется вовсе.

Он не вернулся. Гонцы рассказали Алариху о последних минутах его друга. Тилла вел в бой воинов Степи, и армия противника была уже почти сокрушена отважными воителями, когда из глубины смешавшихся вражеских рядов показались странные устройства. Они походили на прикрепленные к огромным колесам бронзовые трубы.

Неизвестное оружие извергло из своих утроб огонь вместе с густым вонючим дымом, и тотчас на ряды воинов обрушился удар страшной силы. Как трава под косой крестьянина, пали отважные бойцы, пораженные силой неведомого оружия. И лишь поспешное отступление позволило спастись тем немногим, кто доставил императору эти печальные известия.

Тилла, сражавшийся в первых рядах, был разорван вместе с конем этой странной и неведомой силой.

Так говорили гонцы, стыдливо отводя взгляд от вопрошающего взора императора, и затаенный страх сквозил в каждом их слове и движении.

— Что это? — спросил император у жены. — Это и есть та самая магия, о которой ты говорила когда-то?

— Нет, — покачала головой Верлерадия. — Будь это магией или деяниями богов, я бы знала и могла помочь. Но это, увы, дело рук человека.

— Понятно, — кивнул император и нежно обнял своего сына. — Не беспокойся, любимая. То, что создано одним человеком, вполне может быть уничтожено другим.

— Ты идешь на войну? — с тревогой и ужасом спросила богиня, глядя в глаза своего

императора.

— У меня нет иного выхода, Рада, — прошептал он, прижимаясь своим лбом ко лбу жены. — Если я вступлю в бой, то потеряю душу, но если не сделаю этого, то лишусь всех вас. Погибнет не только империя, но и мой народ. А больше всего я переживаю за тебя с сыном. Дарайский король не оставит вас в живых. А этого я не могу допустить. Я люблю тебя и маленького Аттала, люблю больше всего на свете.

— Я тоже люблю тебя, мой император, — прошептала Верлерадия, сдерживая слезы в глазах. — Знай: те, кто лишен души, не могут войти в священную рощу, а я не могу ее покинуть. Но я всегда буду с тобой, а ты будешь в моем сердце.

— Я велю построить высокий дворец на опушке леса, — вздохнул император. — Оттуда я смогу видеть тебя. А сейчас мне пора идти. Если б ты знала, как я хочу остаться. Но, видно, такова судьба мужчин — жертвовать всем: жизнью, душой, любовью ради защиты семьи и империи. И мне не избежать платы.

— Иди, мой император. — Верлерадия ласково заправила ему за ухо прядь выбившихся волос и погладила пальцами по щеке. — Я буду ждать тебя, каким бы ты ни вернулся.

Император поцеловал жену, обнял сына, затем взял в руки щит и направился прочь из рощи. У края поляны он не сдержался, в последний раз взглянул он на своих любимых и поспешно скрылся.

Из хроник летописцев империи Ромей

Огнем и мечом прошлись по миру войска ланов, и вспомнили соседи, что такое страх, но было поздно. Вода в реках стала красной от пролитой крови, и не щадили разъяренные варвары ни детей, ни женщин, ни стариков. И только волки были, справляя кровавый пир в опустевших городах и весях уничтоженных стран. А впереди безжалостного воинства шел император Аларих по прозвищу Стальная Хватка, и пусты были его глаза, холодно вззирающие на творящийся по его приказу ужас.

А когда не осталось в напавших на него странах никого живого, повернул он назад и вновь воссел на резном престоле империи Великой Степи. И не было более подле него милосердной богини. Не мог более император входить в священную рощу, затворившуюся для него из-за пролитой крови. Но велел он построить рядом со святым местом дивный дворец и каждый день любовался ею с балкона...

Долго правил Аларих Первый, а когда почувствовал, что силы его иссякают, передал престол свой сыну Атталу. А сам вошел в священную рощу и, ступив на благословенную землю, упал наземь и умер. Говорят, что тогда рядом с ним в последний раз появилась в земном обличье всемилостивейшая богиня и, подняв его тело на руки, унесла в глубь священного леса. Ибо даже самые страшные злодеи, коим и был Аларих, раскаявшись, достойны прощения.

А еще говорят, что не умер он, но был погружен богиней в сон зачарованный, чтобы избежать той страшной участи, каковая предназначалась ему за его деяния. И если случится с империей, его трудами созданной, беда великая, то пробудит его богиня, дабы спас он ее, искупив трудом этим висящие на нем великие грехи. Но доподлинно то неизвестно, ибо молчит богиня, сколь ни вопрошали ее о судьбе первого императора.

А Аттал Справедливый правил долго и славно. И столь велик был внушенный Аларихом Первым ужас, что даже после его смерти боялись люди сказать хоть одно недоброе слово в адрес восседающего на престоле сына, а родичи сами убивали безумцев, осмелившихся хотя бы помыслить о неподчинении императорской воли.

Эпилог

Одно мгновение из жизни бездушного

Спустя семь лет после окончания Великой войны

Великий император всех народов мира сидел на балконе и наблюдал, как в священной роще молоденькая егоза-дриада играет в салочки с его сыном. Юная... Совсем юная девочка-подросток, еще даже не начавшая округляться в нужных для девушки местах. Сейчас, спустя годы, Верлерадия вновь выглядела так же, как и тогда, в лесу, во время их первой встречи. После расставания с ним она вновь вернулась к излюбленному обличью.

Аларих печально вздохнул. Считая, что люди, лишённые души, не способны на чувства, богиня ошибалась. И ошибалась довольно сильно. Пусть не так явно, пусть не с той силой, но он все же скучал по ней и приходил сюда, чтобы сверху понаблюдать за тем, как та, которую он любил, играет с их сыном.

Она всегда чувствовала, когда он появлялся на балконе, и иногда махала ему рукой. В такие моменты Аларих в ответном приветствии салютовал сжатой в кулак рукой. И только сын видел, какой глубокой печалью наполнялись на мгновение глаза матери, совсем не соответствуя юному, даже скорее детскому облику их обладательницы.

Аларих же в свою очередь благодарил богов за незнание Рады о том, что бездушные не лишены всех чувств. Пусть думает иначе. Так ей будет лучше. Легче.

Прервав свои размышления, император мира покинул балкон и сел за письменный стол из драгоценного розового дерева, придвинув к себе толстую стопку ждущих утверждения смертных приговоров. Пора приниматься за работу. Но, прежде чем поставить свою подпись на первом из многочисленных «листочков смерти», лежащих перед ним, император вновь поднял голову и полными тоски глазами всмотрелся в выходящее к священной роще окно, не в силах оторваться от наблюдаемой сцены.

Громко смеется растрепанный, одетый в одну только набедренную повязку черноголовый мальчишка со сверкающими голубыми глазами и, ловко прыгая по низко склоненным ветвям деревьев, старается поймать весело визжащую и нарочито медленно ускользающую мать. Мать, которая выглядит его ровесницей...

— Будь счастлив, сын, — еле слышно прошептал император. — Мне пришлось дорого заплатить за ваше благополучие, но ты, Аттал, будь счастлив и правь спокойно. У тебя врагов не осталось. Я позаботился об этом. — И сжавшаяся в кулак рука сомкнулась на рукояти кинжала.

Самый страшный зверь

Стоял знойный летний день. Такой, какой бывает в середине июля, когда воздух колеблется от жары и лень даже пошевелиться, чтобы не нарушить хрупкое равновесие организма с окружающей средой. С деловитым квохтаньем в огороде возились куры. Кот, разлегшись на заборе, равнодушно наблюдал за ними. Под забором развалилась собака и нехотя следила за шевелением кота.

Состояние общей дремоты разрушил стук конских копыт и металлический лязг, и вскоре на главной сельской улице появилось два рыцаря. Несмотря на смертельную духоту, местные сплетницы тут же оживились. К их великому восторгу, рыцари затормозили и, подняв забрала, заозирались.

— Эй, бабушка! — заметил правый рыцарь одну из местных кумушек. — Далеко ли до Турмена?

— Прилично, милок, еще сутки пути, — прошамкала одна из них.

— У нас еще неделя впереди, — заметил левый рыцарь. — Может, остановимся, отдохнем?

— Хорошая мысль, — согласился второй и спешил. — А где у вас тут постоянный двор и таверна?

— Вниз по улице и направо. Корчма «Веселый редьковод», — поспешила ответить одна из кумушек. — Там и комнаты сдают, и отдохнуть можно. А других заведений у нас и нетути больше!

Весело переглянувшись, рыцари направили своих скакунов в указанном направлении и вскоре уже сидели за грубо сколоченным, но чистым и довольно аккуратным, набело скобленным столом, дожидаясь заказа.

— Что будем пить, господа? — деловито поинтересовался корчмарь, расставляя перед довольными воинами глубокие деревянные тарелки с жареной бараниной и гречневой кашей, обильно политой чесночным соусом.

— Как что? — даже изумился подобной постановке вопроса один из «благородных сэров», молодой, отчаянно-рыжий парень лет двадцати пяти, с когда-то перебитым, неправильно сросшимся носом и хитрецей в глазах. — Если мне не изменяет память, то именно здесь мне когда-то удалось попробовать уникальный напиток из знаменитой молодильной редьки. — Он замолчал и выжидающе посмотрел на трактирщика, прикоснувшись рукой к висящему него на поясе приятно округлому кошельку.

— Брага как брага, — поморщился хозяин, похоже не разделяя восторженного отношения гостя к данному напитку. — На вкус — дрянь редкая. Одно только и достоинство, что сколько ни выпей — наутро никакого похмелья. Может, уважаемые господа все же предпочтут Можайское? Мне недавно завезли немного. Так что осмелился бы рекомендовать...

Однако данное предложение не вызвало никакого понимания у сидящих за столом. Дружно сморщенные носы однозначно показывали, что альтернатива никоим образом не устраивает пришедших, а слова второго из путников — черноволосого гиганта с бешеными и какими-то злыми черными глазами окончательно поставили крест на предложении трактирщика.

— Можайское? Эту кислятину?! Ты издеваешься над нами? — Рыцарь даже привстал, яростно сверкнув глазами, однако зарождающийся конфликт был немедленно погашен его спутником, похоже, привычным к подобным вспышкам ярости:

— Тише, сэр Эйтингтон, тише. Он просто хотел быть любезным. Не стоит учинять скандалов.

Коротко выдохнув, черноволосый сэр Эйтингтон послушно уселся на свое место и, взяв с тарелки баранье ребро, яростно вцепился в него зубами.

— Милейший, вы поняли, что неправы? — все так же кротко и спокойно обратился рыжий к побледневшему от страха трактирщику. — Если два благородных сэра, почтившие своим присутствием вашу убогую забегаловку, желают отведать божественного напитка, который изготавливается в этом захолустье, где по неведомому капризу Создателя только и произрастает молодильная редька, то вы должны немедленно его доставить, а не предлагать нам всякую кислую дрянь в качестве замены! Вы слышали — немедленно!!! — И его голос приобрел стальные нотки.

— Как пожелаете, сэр! — откликнулся трактирщик, однако, отступив на несколько шагов, все же решился на вторую попытку. — Осмелюсь только заметить, многоуважаемые, что напиток этот весьма недешев... Увы, но изготавливается он, как вы сами заметили, из...

— Ты еще здесь? — неискренне изумился рыжий. — Сэр Эйтингтон, вам не кажется, что это уже начинает смахивать на оскорбление?

Черноволосый начал было приподниматься из-за стола, похоже среагировав на ключевое слово «оскорбление», но хозяин уже испарился из зоны видимости. И через какое-то время появился вновь, таща на подносе немалых размеров стеклянный штоф, заполненный мутноватой белесой жидкостью.

«Отдых» двух благородных кавалеров был в самом разгаре, когда дверь трактира отворилась и в нее вошел еще один мужчина, весь внешний вид которого указывал на его принадлежность к благородному сословию служивых рыцарей королевства Тараскан.

Увидев наших героев, он немедленно заспешил в их сторону.

— Приветствую уважаемых братьев, — вежливо наклонил голову новопришедший, демонстрируя небольшую плешь на самой макушке. — Позвольте присоединиться к вашей компании? Встретить достойных собеседников в данном захолустье — большая удача!

— Прошу вас, — немедленно откликнулся рыжий, незаметно пихая в бок увлеченно обгладывающего баранью кость черноволосого. — Позвольте представиться: сэра Лакастерн. — Он слегка привстал со своего стула и вежливо поклонился.

— Сэр Эйтингтон, — на секунду оторвался от кости его напарник и снова вгрызся в уже изрядно обглоданный мосол.

— Сэр Варгерн, — назвал свое имя плешивый, присаживаясь с краю стола, и заинтересованно повел носом в сторону опустевшей на треть бутылки.

— Позвольте полюбопытствовать, что вы пьете? Неужели?..

— Именно оно! — горделиво приподнял голову Лакастерн. — Хозяин изрядная каналья, но если на него как следует надавить... — Он горделиво кивнул в сторону бутылки.

— Спасибо за совет, — откликнулся сэр Варгерн и заорал в сторону стойки: — Мне того же, что и у этих джентльменов! Включая и напитки! Живо, мошенник! — после чего обернулся к новым знакомцам. — Вы по королевскому призыву, в Турмен?

— Да. Известия о сборе армии застали нас в Лакстере, так что, дабы не объезжать горы, мы решили идти через Редькинский перевал. Захолустье, конечно, но, как гласит кодекс, рыцарь должен доблестно переносить все тяготы службы. Опять-таки возможность срезать три недели пути... — объяснил причины своего появления здесь рыжий сэр Лакастерн. — Вы, подозреваю, тут по этой же причине?

Сэр Варгерн кивнул. Тут наконец-то появился хозяин с очередной порцией гречки с бараниной и вождленным напитком, и пришедшему рыцарю стало не до болтовни. Изрядно проголодавшись за время дороги, он немедленно приступил к насыщению.

Спустя еще полчаса к трем сидящим у стены рыцарям добавился и четвертый — невысокий и подвижный, словно капля ртути, светловолосый сэр Джорнетт, а по истечении часа и пятый прибывший вместе с оруженосцем — длинным, тощим пареньком с подозрительно бегающими глазами и щербатым передним зубом. За пазухой оруженосца копошилось что-то живое и заинтересованно пофыркивающее. Прибывшие расположились за соседним с компанией столиком, отговорившись малым количеством мест. Представившийся сэром Амеллом, незнакомец получил свою порцию гречки с бараниной, бутылку браги и принялся за еду.

— Что у вас за праздник такой? — потихоньку спросил корчмарь оруженосца, осторожно подсовывающего небольшие кусочки хлеба и овощей себе за пазуху и с завистью поглядывающего на мутную бутылку, стоящую перед рыцарем. — Никогда в нашем захолустье столько рыцарей разом не бывало. О драконе, что ли, прослышали? Так ведь мы года два как в его величества канцелярию запрос послали. Думали уж, что забыли все про наши беды, а тут целых пять благородных сэров... — Судя по взглядам, которые трактирщик кидал на обедающих рыцарей, такое внимание их деревеньку вообще и его самого как представителя этой деревни отнюдь не радовало.

— Да не, — взмахнул рукой с зажатой в ней ложкой оруженосец, — какой дракон? Просто король объявил сбор войск в Турмене. То ли эльфов воевать собирается, то ли ормасцам силу продемонстрировать, то ли просто скучно ему стало... Так или иначе, а кратчайший путь до перевала через ваши Большие и Горькие и пролегает...

— Большие Редьки! — обиженно поправил его трактирщик.

— Да хоть Хрены, — усмехнулся юноша и вновь весело захрустел бараньими ребрышками, всем своим видом демонстрируя нежелание продолжать разговор.

Корчмарь печально вздохнул и отправился к себе за стойку, где принялся с отчаянной яростью протирать кружки, фальшиво насвистывая «Овечку Долли».

По всей видимости, обладающий минимальным музыкальным слухом оруженосец морщился, но терпел, а вот загадочное создание за пазухой парня, откликаясь на режущие ухо звуки, протестующее зафыркало и начало что-то грызть в такт трактирщиковому свисту.

Наконец длинный обед, плавно перетекший в ужин, был закончен и благородные рыцари, изрядно пошатываясь, поднялись из-за стола.

— Эй, ты, — махнул рукой, подзывая трактирщика, сэр Лакастерн. — Держи плату и

прикажи приготовить нам комнаты получше да девок погорячее! — Последняя фраза рыжего рыцаря была встречена дружным смехом и одобрительными возгласами всей подвыпившей компании. Взлетевший в воздух золотой кругляш шлепнул по ловко подставленной ладони трактирщика и мгновенно исчез из виду.

— Ну, чего ты там телишься? — видя, что кабатчик не торопится выбираться из-за своего укрытия, раненым кабаном взревел сэр Эйтингтон. И без того небольшие глаза громилы злобно сощурились, быстро заплывая привычной яростью.

— Простите, господа, — с непривычной твердостью отозвался трактирщик, осторожно приоткрывая небольшую, скрытую за стойкой дверь и готовясь нырнуть в нее в случае нужды. — Прежде чем предоставить вам комнаты, мне бы хотелось получить остальную часть платы за ваш обед, — твердо закончил он.

— Остальную часть? Ты уже получил целый золотой! — с изумлением отозвался сэр Лакастерн. — О чем ты говоришь, мошенник? На эти деньги можно накормить целый взвод, тем более такой дрянью, как твоя каша!

— Речь не о каше, уважаемые, — с дрожью в голосе ответил трактирщик. — По распоряжению короля все заведения, торгующие напитками из молодильной редьки, — он кивнул на стоящие на столах бутылки, — не имеют права отпускать ее по стоимости ниже чем золотой за кварту, каковые деньги и обязаны вносить королевским сборщикам налогов при ревизии проданного. Испытывая искреннее уважение к вам, благородные сэры, я возьму с вас лишь стоимость налога... С вас еще пять золотых, — завершил он свою речь, вновь кивая на опустевшие бутылки.

— Да это издевательство, — вновь взревел сэр Эйтингтон, стараясь выбраться из-за стола и осторожно ощупывая висящий у пояса не такой уж и толстый кошелек. — Да я этого мошенника...

— Сэр, это приказ короля! — спешно ретируясь за дверь и готовясь ее захлопнуть, прокричал трактирщик.

Злобно заворчав, сэр Эйтингтон все же остановился. Идти на плаху за оскорбление его величества, чрезвычайно щепетильно относящегося к таким вопросам, черноволосому громиле категорически не хотелось. Впрочем, перспектива заплатить запрошенную трактирщиком сумму радовала его еще меньше. Похоже, четыре его новоприобретенных товарища также не удосужились полюбопытствовать о цене интересующего их напитка и теперь судорожно ощупывали свои кошель, целиком и полностью разделяя его мнение.

Разумеется, они вполне могли бы попросту повесить трактирщика, объявив его оскорбителем дворянской чести, но вставшую перед ними проблему подобное действие никак не решало, а скорее усугубляло. К пополнению казны король относился еще более щепетильно, чем к защите своей чести, и в случае невыплаты положенной суммы плюс штрафа за смерть трактирщика виновные в этом рисковали сами оказаться на том же суку.

В делах, касающихся золота и финансов, король был вовсе не склонен разбираться в степени вины и благородства. И если за заговоры, оскорбления чести и даже «покушение на величие» виновники-дворяне могли рассчитывать на благородное обезглавливание, то в вопросах, касающихся укрытия налогов, наказание было только одно.

И благороднейшие герцоги крови, уличенные в укрывании от казны части поступившего с имений дохода, вздергивались на ту же виселицу и той же веревкой, что и презреннейший из торговцев, не внесший мытарю положенную мзду за последнюю проданную партию скабрезных картинок.

— Я вижу, господа находятся в некотором затруднении?

Пока благородные сэры были заняты переглядыванием и судорожным подсчетом имеющийся наличности, к их столу незаметно подошел немолодой мужчина среднего роста в чуть более дорогой, чем у обычных селян, одежде.

— Мне кажется, я мог бы подсказать вам выход из возникшего небольшого затруднения, — тем временем продолжил пришедший, украдкой оглядывая заинтересованно повернувшихся к нему рыцарей.

— Что вы хотите предложить? — выразил общее мнение сэр Лакастерн.

— Позвольте представиться, — в ответ поклонился мужчина. — Фрай Немет, местный староста. А предложение у меня довольно простое и, надеюсь, достаточно привлекательное для столь могучих и отважных рыцарей, временно испытывающих некоторые финансовые затруднения. Да будет вам известно, что по указу его королевского величества благородные рыцари, взявшиеся за защиту любого поселка, деревни или города нашего благословенного королевства, имеют право на бесплатный стол и постель в любом из заведений данного населенного пункта. Причем без ограничения списков блюд и напитков, все за счет королевской казны...

— И от кого же вас надо защищать? — недоуменно спросил сэр Эйтингтон. — Какие могут быть враги почти в середине королевства?

— Ах, благородные сэры, — печально вздохнул староста. — Как говорится, было бы богатство, а враги найдутся. Вот и у нас... Вы, конечно, знаете, что деревня наша издавна занимается выращиванием ценнейшего продукта, что произрастает лишь на одном поле в горах недалеко от деревни. Я говорю о молодильной редьке, — поспешил уточнить он, не дожидаясь дополнительных вопросов.

— И что? — недовольный столь долгой преамбулой, спросил сэр Эйтингтон, выдвигая вперед нижнюю челюсть и осматриваясь вокруг себя, словно в поисках неведомого врага, покушающегося на ценнейший продукт.

— Э-э-э... — сбитый с мысли протянул староста, однако быстро опомнился и торопливо протараторил, дабы не раздражать и без того гневливого сэра Эйтингтона: — Дракона убейте, ваши милости!!!

— Какого дракона? — так и опешил от подобного обращения Лакастерн.

— Ну я же говорю! Который поля разоряет! — в отчаянии закатил глаза староста Фрай.

— Так. А теперь еще раз, коротко и по порядку. — Рыжий рыцарь, незаметно возглавивший их маленькое общество, властно взглянул на затрясшегося старосту.

— Рядом с деревней два года назад появился дракон. Жрет молодильную редьку. Особо не наглет, людей и домашнюю скотину не обижает, но убыток наносит. Опять же помимо того, что сжирает, вытаптывает немало. А редька-то вся на учете стоит, королевский инспектор чуть ли не за каждым корнеплодом присматривает! Тут и на бражку-то, чтоб дома поставить, едва-едва спереть удастся, а с этим лиходеем и вовсе беда... — Тут селянин сообразил, что говорит лишнего, и поспешно зажал себе рот ладонью.

Понимающе усмехнувшись, рыцари переглянулись и дружно сделали вид, что ничего не слышали.

— Ну... Вот... И это... — наконец отмер Немет. — Опасаемся, значит, вдруг ему редька надоест да мясного захочется? Клыки-то у него во какие! — Судя по разведенным рукам старосты, размер пожирающего драгоценную редьку дракона должен был быть чуть поболее, чем полагая горка, на которой и располагалась деревушка. — Сегодня он одно ест, а завтра другое будет. А ежели вы дракона ухайдакаете, то самые что ни на есть настоящие защитники и получите. Так я, значит, господину инспектору и доложу, и в бумагах отпишу, каких следует. А как защитникам вам кошт положен, значит, это насчет питания и напитков всяких, — он скосил глаза на пустые бутылки, — без отказа и ограничения. Правда, про брагу мы особливо писать не будем, сами понимаете... Как вам такое предложение, уважаемые?

— Ваша идея интересна... — задумчиво протянул сэр Варгерн, почесывая лысину.

— Очень интересна! — поддакнул сэр Джорнетт, одергивая кольчугу.

Сэр Амелл слегка кивнул и зачем-то посмотрел в сторону оруженосца, как раз подсовывающего небольшую морковку в ворот своей рубахи, из которой немедленно донесся довольный хруст.

— Дракон? — радостно взревел сэр Эйтингтон, картинным движением кладя ладонь на рукоять гигантского меча. — Покажите мне, где обитает эта тварь, и еще до наступления ночи я принесу вам его голову!

— Как вы понимаете, мы согласны с вашим предложением, — подытожил сэр Лакастерн, обращаясь к старосте. — И действительно, пожалуй, не будем терять времени. До заката осталось не так уж и долго. Выделите нам комнаты. Мы выспимся, а завтра с рассветом отправимся в бой.

— Конечно, конечно! — улыбнулся староста и, повернувшись к мальчишкам, играющим с собакой, крикнул: — Ишка! Проводи господ на постоянный двор и скажи, что это защитники наши. Пусть им кров выделяют.

А когда рыцари удалились, ведомые подростком, староста подозвал второго пацаненка и, протянув ему медяк, наказал:

— А ты проследи, чтобы наши господа-защитники этой ночью от нас не смылись!

Ночью ничего не подозревающие сэры не сбежали и, встав рано утром, выдвинулись в бой. Всю дорогу сопровождающий их мальчишка нервно озирался и вздрагивал от каждого шороха. Не дойдя до логова дракона нескольких сотен метров, пацаненок махнул рукой в сторону виднеющегося между деревьями просвета и пролепетал:

— А дальше, благородные сэры, идите сами. Я не хочу вызывать на себя гнев зверя, если вы его не убьете.

— Ах ты трус! — взревел сэр Эйтингтон, сжимая ладони в здоровенные кулаки.

— Тише, друг! погоди! — перебил его сэр Варгерн. — Не будем предупреждать дракона о своем прибытии! Иди себе, парень, — махнул он на мальчишку рукой.

Напуганный ребенок ошалело кивнул и кинулся прочь.

— Итак, благородные господа, что будем делать? — взял в свои руки инициативу сэр Варгерн.

— Дратся! — горячо ответил сэр Эйтингтон и, прежде чем рыцари успели что-либо предложить, с громким ором кинулся по направлению к логову дракона, на ходу обнажая меч.

Лакастерн кинулся было за черноволосым товарищем, но его схватил за плечо сэр Варгерн.

— Стой! Дай своему другу проявить отвагу, мы вполне можем немного подождать и посмотреть, что из этого выйдет. Правда, сэр Амелл?

Сэр Амелл охотно кивнул и обернулся к оруженосцу, который медленно пятился в сторону деревни. Под укоризненным взглядом хозяина парнишка судорожно сглотнул и остановился. Рубаха на уровне живота подозрительно зашевелилась, словно там ворочалось какое-то странное существо. Светловолосый сэр Джорнетт брезгливо поморщился, но следовать примеру сэра Эйтингтона не собирался. Тем более что тот, судя по крику, уже успел достичь поляны, и его возглас на пару секунд сменивший тональность с победной в испуганную, внезапно затих. Затем последовал лязг металлических доспехов, глухой шлепок, и снова наступила тишина.

— Предлагаю тихонько подкрасться и посмотреть, что там произошло, — выдвинул очередную идею сэр Варгерн. — А если дракон будет занят поеданием сэра Эйтингтона, то мы кинемся внезапно и, пока он не опомнился, прибьем эту тварь.

Рыцари дружно кивнули. На бросившем спутника сэре Лакастерне не было лица. «Однако, — решил рыжеволосый, — лучше Эйтингтон, чем я!» Тем временем его товарищи тихонько подкрались к краю поляны и раздвинули кусты.

Дракон лежал на поляне и изнывал от жары. Огромная шипастая голова покоилась на крепких лапах с внушительными когтями. Все тело ящера покрывали роговые пластины с острыми краями и шипами. Размером он был с небольшую гору. «И как эта дрянь так вымахала на молодой редьке?» — хмыкнул про себя Лакастерн. Четверых пришельцев в железных латах хищник встретил ленивым шевелением хвоста. Эйтингтон лежал в ста метрах от животного ничком.

«Прибил он его, что ли? — подумал рыжий рыцарь, внутри которого опять зашевелилась совесть. — Ладно, убью дракона и откачаю напарника. У него всегда был крепкий лоб. Ну а если все-таки погиб, так похороню с почестями!» И с этими мыслями он

извлек из ножен клинок. Спутники последовали его примеру. В этот момент большой фиолетовый глаз с вертикальным зрачком открылся и внимательно взглянул на воинов. Оруженосец сэра Амелла боязливо попятился к краю поляны.

— Сдавайся, чудовище! — рявкнул светловолосый сэр Джорнетт, потрясая оружием.

Более умудренные опытом рыцари энтузиазма юнца не разделяли. Дракон фыркнул, обдав парня горячим дыханием, и шлепнул хвост под ноги бегущему рыцарю. Тот споткнулся и упал, пропахав носом землю. Ящер скептически посмотрел на потенциального убийцу, затем перевел взгляд на стоящих поодаль трех рыцарей с оруженосцем и, не видя с их стороны никакого проявления агрессии, флегматично перевернулся, подставив солнцу второй бок.

Сэр Джорнетт оказался упорным юношей и, поднявшись с земли, встал в боевую стойку с мечом на изготовку.

— Дерись, трус! — выдохнул он.

— Тебе надо — ты и дерись, — безразлично заметил дракон, зевая.

— Тогда сдавайся! — подошел к нему ближе юный рыцарь.

Дракон вновь открыл глаза и недовольно уставился на «противника».

— Отойди, — предупреждаяще рыкнул он. — Ты мне солнце загораживаешь!

— Не уйду, пока не сдашься! — тряхнул головой сэр Джорнетт.

— Вот же какая несговорчивая молодежь пошла! — вздохнул дракон и, прежде чем Джорнетт успел что-либо возразить, подхватил незадачливого воина кончиком хвоста и швырнул прочь.

С легким ужасом рыцари наблюдали, как их товарищ, описав широкую дугу, скрывается за кронами деревьев.

— В атаку! — крикнул сэр Лакастерн и кинулся с мечом на дракона. К сожалению, клинок отскочил от того, не причинив никакого вреда.

— Ты мне чешую поцарапал! — взревел дракон.

— И что теперь будет? — осторожно спросил сэр Амелл.

— Консервы! — коротко отозвался дракон, делая глубокий вдох.

— Ка-какие консервы? — опасливо поинтересовался сэр Амелл, осторожно отступая назад.

— Рыцарь в собственном соку, — любезно ответил дракон, выдыхая огромный столб пламени.

Отважные сэры немедленно кинулись врассыпную, как тараканы, которых застал на кухне хозяин дома. Как наиболее опытный в сражениях с драконами, сэр Варгерн бежал первым; за ним, как наиболее молодой и резвый, неся сэр Лакастерн. Сэр Амелл воспользовался природной хитростью и, схватив своего оруженосца, толкнул юношу перед собой, а сам быстро скрылся в лесу. Испуганный оруженосец упал, и дракон уже наклонил над ним свою ужасную голову, обнажив гигантские клыки, но тут из-под рубашки у парня выбрался изрядно разозленный хомяк. Да-да! Самый обыкновенный хомяк. Ну то есть нет, не самый обыкновенный. Это был великолепный образчик чистопородного джунгарсийского хомяка, с длинной и ухоженной шерстью, мощными передними зубами, способными в пару укусов расправиться с любой, даже самой толстой и крепкой морковью, и маленькими, налитыми кровью глазами.

Джунгарсийские хомяки вообще не отличаются добродушием, с равной отвагой и яростью нападая как на близких им по размерам созданий, так и на тех, кто намного крупнее их самих. И немало, очень немало людей, возжелавших погладить чудесную живую меховую игрушку, уходили от клетки с прокушенными пальцами. Подобные вольности Хома, как звали этого маленького героя, позволял исключительно своему хозяину, да и то не всегда, а после задабривания чем-нибудь вкусненьким. А сейчас к тому же он был преизрядно рассержен! Ну кому понравится в течение долгого времени болтаться за пазухой пусть и любимого, но давно не мывшегося хозяина, а потом еще этот оболтус на вас наваливается всем своим весом, падая на землю?

Так что на животе у Кайра — так звали пострадавшего оруженосца сэра Амелла — сейчас имелось несколько глубоких царапин, в рубахе — приличных размеров дыра, в единый миг прогрызенная острыми зубами Хома, а перед мордой дракона застыл маленький комочек длинной шерсти, острых зубов и бесстрашной ярости.

Надо вам сказать, что с точки зрения хомяка особой разницы в размерах дракона и человека как-то не просматривается. Особенно с точки зрения разъяренного хомяка. А Хома был зол. Очень зол. И прекрасный объект для вымещения этой злобы как раз сейчас наклонялся над его хозяином. Так что Хома не сомневался. Он действовал. Так, как привык действовать. Быстро и эффективно. Длинные острые резцы сомкнулись с едва слышным, но тем не менее зловещим лязгом.

Это было больно. Нет, не так. Это было ОЧЕНЬ, ОЧЕНЬ БОЛЬНО!!! Неприлично взвизгнув, Аррийоо резво отпрыгнул в сторону. Дикая, сводящая с ума боль в укушенном усе не давала даже вздохнуть, а не то что набрать воздуха для огненного вздоха.

Усы дракона — одно из очень немногих уязвимых мест могучего бронированного создания. Пронизанные мириадами чувствительнейших нервов, они позволяли ориентироваться в бескрайних просторах затянутого облаками неба, совершать тонкие и точные действия, невозможные для грубых и неуклюжих бронированных лап, ласкать своих избранниц и ощущать удовольствие от их ответных ласк... И вот этот-то нежнейший орган и познакомился с острыми и крепкими зубами Хома.

«И остерегайся маленького неведомого пушистого зверька! — пронеслись у дракона в голове воспоминания родового пророчества. — И будут спереди у него два больших зуба...» Концовка предсказания затерялась, но, несмотря на это, ни одно поколение драконов не спешило его игнорировать. Аррийоо был не исключение, однако в пылу схватки когда-то вызубренное наизусть пророчество выскользнуло у него из головы, напомнив о себе лишь сейчас, причем самым что ни на есть пренеприятнейшим образом.

— Что это? — прорычал дракон, указывая на маленькое животное.

— Это хомяк, — кратко ответил Кайр, морщась от боли в ушибленной о какой-то корень голове и с изумлением глядя на настороженного дракона. Видимо, встреча с корнем не прошла даром, иначе чем можно было объяснить то, что в продолжение фразы у него вырвалась привычная шутка, которую он произносил всегда, знакомя друзей с пушистым питомцем: — Мой самый страшный зверь.

— И насколько страшный? — прищурился дракон, подозрительно поглядывая на Хома.

Никакой силой или сверхспособностью от щекастой твари, напоминающей мышь, не веяло, однако ус все еще побаливал, напоминая о предсказании, и Аррийоо вовсе не был намерен недооценивать безобидного с виду малыша. «Может, так в природе и задумано? — подумалось ему. — Ты расслабишься, а этот милый, безобидный с виду зверь рраз, и...» Что именно «и...» Аррийоо представить себе не мог, слишком уж велико было различие в их размерах, однако продолжавший болеть ус явно намекал, что опасность вполне может быть и непредставимой...

— Просто жуть! — невольно усмехнулся Карн, с трудом поднимаясь на ноги и беря хомяка в ладонь.

— И зачем тебя послали ко мне с этой жутью? — еще более настороженно спросил Аррийоо, на всякий случай отступая еще на пару шагов.

— Они хотят тебя убить, — честно признался оруженосец сэра Амелла.

— Ну, это не секрет, — вздохнул дракон, подфутболивая хвостом чей-то шлем. — Какой рыцарь не хочет принести своей даме голову убиенного чудовища? Проблема только в том, что нам, драконам, голов не хватит для того, чтобы помочь вашим странным мужчинам, закованным в железо, размножаться.

— Да нет, — поморщился оруженосец, — жители деревни хотят тебя убить!

— Почему? — изумился дракон.

— Ты их молодильную редьку вытаптываешь и портишь.

— Поклеп! — возмутился ящер. — Я ем только две редьки в день! Драконам, между прочим, стареть тоже неохота! Ну, еще штук пять, возможно, и вытаптываю... — смущенно отвел он глаза в сторону, но тут же твердо добавил: — Пять штук, никак не больше!

— По словам старосты — чуть ли не четверть поля! — возразил оруженосец.

— Вот же гады! — немедленно запротестовал Аррийоо. — Сами обворовывают короля и скидывают все на меня! Это ж они на брагу собирают! Точно говорю. Я этот запах давно чую! Такой продукт на брагу переводить! Врут и не стесняются! Вот улечу от них, пусть сами с королем разбираются.

— А ты и улетай! — вмешался Кайр. — Если они тебя не ценят, то зачем ты будешь на них свое здоровье тратить?

— А редька? — недовольно произнес, поглядывая на поле, тот. — Это ж мне теперь опять для сохранения молодости за единорогами гоняться придется. А они, паразиты, проворные и рогами своими колются как ненормальные! Хотя... — Он призадумался и изогнул шею, скептически оглядывая себя со всех сторон. — Может, и правда стоит сменить диету... А то засиделся я тут, жиреть начал... Да и привязка постоянная... Эту же редьку каждый день по две штуки жрать надо, уже оскомины на зубах навязла, а единорога один раз завалишь — и на десять лет свободен... Да и вкуснее они намного!

— Вот-вот! — немедленно оживился оруженосец. — Какой же это дракон, ежели редьку жрет! А вот единороги — это достойно, это уважаемо...

— И то правда, — легко согласился дракон, видимо давно обдумывавший эту мысль.

Хомяк тем временем вскарабкался по рубаше на плечо парня и встал на задние лапки, внимательно вглядываясь в ящера. Тот сразу насторожился и попятился назад.

— Слушай, — произнес Аррийоо, — мы же с тобой уже договорились. Ты чего это, а? Зверя-то придержал бы. Мне тут битвы не надо...

— Хорошо, — улыбнулся оруженосец, пряча Хому за пазуху. — Договорились.

— Договорились, — кивнул дракон и кинулся поспешно собирать вещи.

Через тридцать минут селяне и отсидевшиеся в засаде рыцари видели удаляющегося от деревни дракона. Когда ящер превратился в еле заметную точку на горизонте, благородные воители вылезли из своей засады в кустах и направились к деревне. Кайр же незаметно отстал от них и направился в противоположном направлении. После столь подлого предательства служить своему господину он больше не хотел.

Правда, занятый обдумыванием своего чудесного спасения и размышлениями над подлостью бывшего господина, он, к сожалению, не обратил внимания на тот факт, что его рубаша «украсилась» очередной дырой, а хомяка за пазухой, когда он уходил с поля, уже снова не было.

Еще почти неделю после эпической битвы рыцари находились на постое в деревне. Они бы остались там и дольше, но, к сожалению, по окончании недели наглые селяне начали самым хамским образом намекать на то, что ожоги у благородного сэра Лакастерна уже полностью прошли, и царапины сэра Джорнетта, приземлившегося после удара дракона в гигантский куст шиповника, зажили. Спасибо, что он не сломал себе костей, благодаря качественным, зачарованным одним из лучших королевских магов доспехам. Так что продолжение их «остановки для исцеления ран» будет совершенно непонятно королевским инспекторам, и потому...

Зная чрезвычайно неприязненное отношение его величества к трате казенных средств, выяснять, что кроется за этим угрожающим «потому», рыцари не рискнули и немедленно продолжили прерванный путь. Правда, сэр Лакастерн и тут ухитрился прихватить с собой приличных размеров бурдюк с «молодильной брагой», как он сказал, «на дорожку», а сэр Амелл сманил с собой молодого сына кузнеца, мечтающего стать великим воителем.

Однако радость селян была недолгой. Вскоре после отъезда рыцарей на заповедном поле начали появляться какие-то подозрительные кучки, норки, возле которых находились

крайне тревожного вида объедки корней и обгрызенная ботва драгоценной молодильной редьки.

Дальше — больше! Норы становились все крупней и крупней, увеличиваясь как в размерах, так и в количестве, а редька исчезала просто на глазах!

Немалая часть драгоценных корнеплодов была просто выкопана и самым жестоким и расточительным образом брошена на произвол судьбы. Многие из корней несли на себе следы укусов, напоминающих мышьиные, но куда более крупные по размерам.

Спешно организованная засада результатов не дала. Точнее, дала, но не те, каких хотелось бы селянам. Причину бедствия выяснить, по крайней мере, удалось. Невероятно крупное создание, размером почти с кошку, внешним обликом и повадками напоминающее джунгарсийского хомяка, с наступлением ночи начинало с невероятной скоростью носиться по полю, пожирая, а больше портя драгоценные корнеплоды.

Попытка же его устранения не принесла ничего хорошего. Мало того что злобная тварь с легкостью увернулась от неуклюжего удара лопатой, который нанес впавший в отчаяние при мысли о приближающейся королевской инспекции староста, так оно еще и перекусило черенок этой самой лопаты, причем в наиболее крепком, близком к штыку, окованном железом участке.

После чего, даже не пытаясь сбежать, создание, злобно зашипев, встало на задние лапы и медленно пошло на опешившего старосту, сердито сверкая маленькими, налитыми кровью глазками.

Получившие такой отпор селяне немедленно предприняли поспешную ретираду и в дальнейшем после наступления сумерек заходить на поле не рисковали. Да и днем менее чем втроем-вчетвером на работу они не выходили.

А хомяк тем временем зверствовал вовсю. И самое обидное, не брали его ни капканы, ни ловушки. Более того, он с огромным удовольствием сжирал приносимые в качестве наживки приманки, особенно полюбив соленое сало. На сало он шел великолепно! Не успеешь еще и капкан взвести, как рраз... Рыжая молния только мелькнет — и сала как не бывало. И хорошо еще, если поздно захлопнувшийся капкан не ударит по пальцам зазевавшегося охотника.

Пробовали травить, обильно сдабривая так полюбившийся зверьку продукт крысиным ядом, мышьяком, вытяжкой болиголова и другими доступными зельями. Однако то ли диета из молодильной редьки так повлияла, то ли джунгарсийские хомяки были изначально устойчивы ко всяческим видам отрав, но данные попытки привели только к еще большему увеличению хомяка в размерах и повышению его и без того немалой злобности. Более того, отведав отравленных приманок, хомяк повадился вымогать дань, периодически являясь к трактиру и начиная с угрожающим видом грызть двери до тех пор, пока ему не выносили изрядный кус хорошенько сдобренного мышьяком соленого сала.

Надо ли говорить, что подобные выходки озверевшей твари отнюдь не прибавили популярности «Веселому редьководу» среди и так не очень-то многочисленной клиентуры.

Теперь уже жители Больших Редек с тоской и печалью вспоминали деликатного дракона, который аккуратно выкапывал две редьки, съедал и улетал восвояси, заодно защищая поле от страшных хомякообразных монстров.

Впрочем, на том беды селян, увы, не кончились. В положенный срок в деревню с плановой проверкой приехал королевский казначей-инспектор.

Староста Фрай почувствовал недоброе уже тогда, когда государственный муж, развернув внушительной длины свиток, стал деловито пересчитывать число домов.

— Так, — протянул он. — Деревня Большие Редьки — одна штука. Инвентарный номер один. Количество хат двадцать пять. Почему у вас в деревне тридцать хат вместо положенных двадцати пяти?

— Так прирост населения, ваша милость, — тихо заметил Фрай. — Свадьбы были, дети.

— Так, — обратился чиновник к помощникам. — Пересчитайте количество рожденных

детей и проставьте инвентарные номера.

— Но помилуйте! — возмутился Фрай Немец. — Раньше же такого не было!

— Так и у вас нет инвентарных номеров? — резко обернулся к старосте щекастый казначей.

— Нет, ваша милость, — мотнул головой староста.

— Прекрасно! — И инспектор, обернувшись к помощникам, наказал: — Проставить инвентарные номера и на взрослых особях.

Староста Фрай уже хотел возмутиться, каким же образом казначей собирается реализовать задуманное, как ему на ногу наступила подоспевшая жена.

— Молчи, старый! — прошипела она. — А то нам эти инвентарные номера каленым железом выжгут, и будешь всю жизнь ходить с надписью на заднице: «Староста деревни. Инвентарный номер — один штрих!»

И в кои-то веки господин Немец решил послушаться жены и промолчать. А казначей тем временем зверствовал вовсю.

— Так, поля казенные, засеянные редькой молодильной, номер два, номер три и номер четыре. Есть на месте. Приблизительный урожай — восемьсот пятьдесят две редьки...

— На них тоже инвентарный номер ставить? — деловито уточнили прислужники.

— Так рано еще, милсдари! — выступил Фрай. — Она ж еще не выросла, а сколько ее вредители попортят...

— Ладно, — махнул рукой казначей. — Инвентарные ставить не будем, но я приблизительный урожай напишу — девятьсот пятьдесят две редьки. Что хотите делайте, но чтоб было!

— Так вредители же! — возмутились крестьяне.

— Передайте им, что король сказал: «Не положено!»

— Так, колодец с питьевой водой, рабочий, инвентарный номер шестьдесят три. Есть. Чудище ужасное — инвентарный номер шестьдесят четыре. Эй, — поднял казначей голову от листа. — А где чудище ужасное?

— Так истребили его, ваша милость, — вздохнул староста, с искренней печалью вспоминая дракона. — Чтоб, значит, редьке урону какого не наносил...

— Как истребили? — аж всколыхнулся инспектор. — Разбазаривание государственного имущества? — Он резко мотнул головой, так что отвисающие щеки ударили его по лицу, и маленькие тусклые глазки буквально впились в глаза испуганно присевшего старосты. В этот миг он так сильно напомнил уже месяц как наводившего на поселение ужас «редечного хомяка», что староста невольно протянул руку в сторону повозки, где у него лежала новая, по самый конец черенка окованная лучшей оружейной сталью и тщательно заточенная лопата.

— Нет-нет, ваша милость, никак нет, — немедленно вмешалась в их разговор жена старосты, с силой пихая своего мужа в сторону. — То моему дурню с пьяных глаз привиделось, примечталось... Вы на поле-то взгляните, видите, разор какой творится... А все оно, чудище окаянное!

Благожелательно кивнув все еще привлекательной и, несмотря на возраст и тяжелый крестьянский труд, сохраняющей хорошие формы женщине, инспектор вновь повторил:

— Чудище ужасное, летучее и клыкастое, пламяизвергающее, инвентарный номер шестьдесят четыре, — и вопросительным взглядом обвел пустующее поле.

— Сию секунду, ваша милость... один момент... — печально вздохнул староста и, порывшись в карманах, добыл завернутый в тряпицу кусок подозрительно выглядевшего сала.

Стараясь не касаться его руками, Фрай бросил сало на небольшой расчищенный участок и, отойдя к повозке, извлек свою лопату, после чего громко завопил:

— Эй, тварь лохматая! Жрать иди. Я тут тебе сала принес, чтоб ты подавился, сволочь!

Мгновенно где-то в глубине поля возникло движение. Огромный, размером с овчарку, хомяк неся по полю, и драгоценная редька, вырванная с корнем, разлеталась в разные

стороны от мощных ударов лап приближающегося животного.

Замерев на краю чистого участка, хомяк настороженно принялся и, не обнаружив рядом ничего достойного опасения, неспешно подошел к приманке и начал уписывать ее за обе щеки.

— Что это? — ткнул пером в сторону невозмутимо жрущего зверька казначей.

— Чудище ужасное, — печально ответил Фрай.

— Ужасное? — с сомнением покачал головой королевский инспектор, внимательно вглядываясь в довольно-таки симпатичного зверька, невозмутимо продолжавшего пожирать сало. — Ну... Допустим. А где клыки?

— Да вот!

Осторожно приблизившийся к Хоме староста сделал первый выпад своей модернизированной лопатой. Хомяк протестующе зашипел, высоко подпрыгнул и нанес серию быстрых и резких укусов. С печальным «дзинь» остро заточенный лопатный штык упал на землю, отделенный от рукояти грозными резцами отчаянного грызуна.

Сжимая бесполезный черенок, староста отскочил назад, и довольный одержанной победой хомяк вновь продолжил свой обед.

— Вот вам клыки, полюбуйте. — Насупившийся Фрай протянул инспектору обломок рукояти, на стальной оковке которой виднелись следы Хоминых зубов. — Оружейной сталью ведь оковывал! Целых три серебряка кузнецу за это выложил. А этот гад р-раз — и все насмарку!

Внимательно осмотрев искалеченный сельскохозяйственный инструмент, инспектор протянул его назад старосте.

— М-да... Ну, допустим, за клыкастость вы отчитались. С натяжкой, конечно же с натяжкой, но так и быть. А как насчет крылатости и пламяизвержения?

— Так отвалились у него крылья, ваша милость!

— Как отвалились? — возмущенно подпрыгнул казначей, чем вызвал недовольство у хомяка. — Что вы с хозяйским добром сделали, что он лишился своей летучести, отвечай, червяк?!

— Это сезонная линька, ваша милость, — вмешалась за Фрая его жена. — У него сейчас брачный сезон, он норы в земле роет, вот ему крылья и не нужны, а как выкормит детенышей, так крылья и отрастут.

— Так у него детеныши есть? — алчно сверкнул глазами казначей. Доложить королю о прибавлении в казне мечтает каждый законопослушный слуга.

— Никак нет, ваша милость, — склонилась жена. — Он еще не встретил своей половинки.

— И слава богу! — вздохнул Фрай, представив, что будет, если у этого чудовища появится пара.

— Тогда почему крыльев нет? — подозрительно сощурился казначей.

— Так он к этому готовится, — во все тридцать три улыбнулась жена.

— Передайте ему, что не положено! Пока детенышей не родил, крылья должны быть на месте!

— Слышал, тварь? — обратился Фрай к облизывающемуся хомяку. — Иди, отращивай крылья. Тебе король велел.

Зверь склонил голову набок и скептически оглядел присутствующих, всем своим видом показывая, что плевать ему на короля с большой колокольни.

— Погодите! А пламяизвержение где?

— Сейчас будет! — бодро отозвалась Фраева жена и кинулась к трактиру. — Эй, кузен, тащи сюда ведро самогонки.

Через минуту перед хомяком стояла бадья самогонки, к которой он настороженно принялся.

— Пей, тварь, — вздохнула Фраева жена.

Хомяк, словно послушав ее, наклонился и принялся аккуратно лакать полученный

продукт. Мужская половина Больших Редек с тоской наблюдала за исчезновением «прозрачного золота». Животное тем временем выпило около четверти ведра и, встав на задние лапки, чихнуло, обдав казначея спиртовым духом. Однако пламени не последовало. Фрай печально вздохнул и понурился. Крыть было нечем. Несмотря на весь свой сволочизм и горы перепорченной редьки, плевать огнем хомяк так и не научился (и слава богу!).

— Значит, так, — сурово нахмурился казначей. — Срок вам год. Чтобы к следующей инспекции предъявили мне нормальное «чудовище ужасное, летучее, клыкастое и пламяизвергающее» с уже проставленным инвентарным номером! Вам все понятно? И не вздумайте снова обманывать. Оно у меня уже в расходные книги вписано и на учет поставлено. Так что ищите! А не найдете — пеняйте на себя! — И с этими словами инспектор развернулся и направился на дальнейший обход.

К счастью, более накладок не было, и спустя всего четыре часа спина королевского казначея-инспектора уже маячила на дороге в соседнюю деревню.

Выждав еще часик для пущей уверенности, староста вздохнул, утер со лба выступивший от неимоверного напряжения пот и объявил всеобщий сход.

— Ну и что нам теперь делать? — загалдели со всех сторон собравшиеся селяне, выслушав поставленное им королевским инспектором условие.

— Как что? — возмутилась одна из селянок. — Дракона искать, чтобы он вернулся! Благодетеля нашего чешуйчатого! Ведь как у него под крылом жили, как? Прямо как у Бога за пазухой! А сейчас что? Искать надо и вернуться уговаривать! Может, он и эту пушистую сволочь приструнить соизволит?

— Да как его найти-то!? — огорченно запричитал трактирщик, очень расстроенный потерей изрядной доли прибыли из-за последних выходов хомяка.

— А если оруженосца этого, который последний с драконом беседовал, поискать? Как его? Кайром вроде звали? Слышал я, что у соседей наших, из Налитых Свекол, парень с таким именем объявился. За дочкой мельника ухаживает. Уж не он ли будет?

Немедленно собравшееся стихийное посольство тут же отправилось за кандидатурой посла, и вскоре незадачливый ухажер красавицы-дочери мельника, оказавшийся тем самым бывшим оруженосцем сэра Амелла, был доставлен в деревню.

На поход к дракону селяне уговаривали его более трех суток, изведя на это дело почти половину всех запасов молодильной браги. Брагу Кайр пил с удовольствием, однако на подначки и уговоры не поддавался, решительно протестуя всякий раз, как только поднимался вопрос о «небольшом походе, чтоб, значит, благодетеля нашего возвратить...».

Однако на третий день, когда разъяренная пропажей такого перспективного жениха прекрасная (и, надо сказать, сильная духом и телом, а также весьма скорая на расправу, по каковой причине менее отважные, чем несостоявшийся рыцарь, женихи ее избегали) Еланна ворвалась в деревню, размахивая прочной дубовой скалкой, уговоры все же увенчались успехом. Осторожно пригнувшись, огородами и задворками, новоназначенный дипломат, благоухая редечным перегаром, добрался до конюшни и, сев на лучшего коня, галопом отправился навстречу подвигу, оставив восхищенных его отвагой и решимостью селян объяснять причины его столь долгого отсутствия разгневанной невесте.

До бывшей обители своего чешуйчатого знакомого он добрался без особых проблем. Логично решив, что для определения хотя бы примерного направления поисков «крылатого чудовища» имеет смысл вначале хорошенько изучить место его прежнего обиталища, юноша решительно вошел в пещеру и занялся методичным обыском.

Увы, личных документов дракона с указанием обратного и запасного адресов там не было. Также, к большому сожалению начинающего сыщика, отсутствовали там и сокровища, золото, драгоценные камни, дорогое оружие и прочие ценности.

Вот чего там было вдоволь, так это всякого барахла — полуразвалившихся сундуков, набитых сгнившей от времени рухлядью, и целой тучей моли, взлетающей в воздух, когда Кайр поднимал крышки, тревожа исконное обиталище этих созданий; разломанных ржавых доспехов, являвшихся местом обитания множества мокриц; каких-то обглоданных и давно

высохших от старости костей... В общем, ничего ценного. Хотя...

Из-под одного совсем старого, практически полностью развалившегося сундука он извлек обрывок на удивление неплохо сохранившегося, видимо благодаря наложенному на него заклятию, пергамента. На обрывке виднелась пламенеющая пентаграмма — признак того, что когда-то он являлся частью листа с «коммерческим» пророчеством великого мага и пророка Арастимуса Всезрящего.

Сей достойный муж, обладающий и впрямь чрезвычайно сильным прогностическим даром, прославился тем, что продавал свои пророчества, советы и предостережения всем способным оплатить его услуги желающим.

На обнаруженном обрывке, видимо потерянном весьма и весьма давно, аккуратным почерком великого пророка было начертано: «...же следует хомяка того остерегаться дракону, ибо прозорлив он не в меру и может небывалое количество редьки молодой сожрать да перепортить, так что тебе ничего и не достанется!»

Эпилог

А как же наши славные рыцари? Будучи вынуждены покинуть негостеприимную деревню спустя всего лишь неделю отдыха, они решили продолжить путь в Турмен совместно, договорившись никому и никогда не рассказывать о произошедшем с ними конфузе.

Путь их пролегал через деревушку Веселая Удадь. Данное селение славилось своей знаменитой молодецкой капустой (прошлый король сильно любил подобные диковинки, всемерно поощряя магов к выведению все новых и новых полезных видов сельскохозяйственных растений). По заслуживающим самого высокого доверия сведениям, отведавший ее счастливец уже никогда не будет болеть, да и мужская сила не покинет его до самой смерти. А какой рыцарь пройдет мимо столь полезного овоща? Правильно, никакой.

Однако помня прошлый горький опыт, на этот раз рыцари решили платить наличными и заранее уточнять все расценки. Мало ли что? Повторения недавних бед не хотелось никому. Наскребши кучно на еду и выпивку, компания дружно села за стол. Благо, что цены на настойку на листьях этой самой крайне полезной капусты были в Веселой Удади куда как более щадящими, нежели за приснопамятную брагу.

Но увы. Решившие отведать сего благородного напитка отважные сэры не знали о некоторых не очень афишируемых свойствах данной настойки, совершенно не зря названной производителями «эликсиром героев». Да и коварство селян, активно и радостно угощавших их «геройчиком» «просто от радости видеть в нашей деревне столь достойных и отважных рыцарей», тоже было ими сильно недооценено.

В себя рыцари пришли только на третий день беспробудной пьянки, и пробуждение их было печальным. А кому понравится очнуться на тряской телеге с затекшей из-за кое-как напыленных на вас доспехов спиной и обнаружить под своим носом магический контракт с заверенными по всем правилам подписями? Вашими подписями, где черным по белому сказано, что вы взяли на себя обязательство в самом ближайшем времени избавить деревню от разоряющего их поля дракона? Особенно если печальный опыт взаимодействия с этим созданием у вас уже есть, а правящий телегой крестьянин радостно заявляет, что до капустного поля, которое разоряет крылатый супостат, осталось совсем немного...

Убедить провожатого в необходимости отложить поездку хотя бы на полдня, чтобы подготовить снаряжение, удалось лишь с большим трудом и всучив ему немалых размеров взятку, на которую ушли последние деньги компании. Но выбора не было. Самоубийц, чтобы идти на бой с таким грозным и опасным противником, как дракон, терзаясь жесточайшим похмельем, в компании отважных рыцарей не нашлось. Так что, скрепя сердце и в глубине души давая страшные клятвы отомстить за унижение, они упростили хитрого старосту повернуть назад.

Поломавшись, тот согласился, поставив условие, что в следующий раз на подвиг они

пойдут самостоятельно, без телеги, которая нужна была ему для отправки очередной партии капусты на городскую ярмарку. Пришлось соглашаться и на это...

И ведь и не повесишь эту сволочь предусмотрительную. И даже сбежать, наплевав на рыцарское достоинство, не получится. Магический контракт — это не та вещь, которую можно нарушать безнаказанно...

Все, что оставалось несчастным рыцарям, — это материться сквозь зубы, подгонять снаряжение, проверять оружие и мечтать, какому жуткому наказанию они подвергнут обхитрившего их старосту деревни, если паче чаяния все же переживут этот день.

Наконец выторгованное время истекло, и рыцарям, несмотря на все их нежелание, пришлось выступать.

Поле боя, оно же эксклюзивное поле молодецкой капусты, располагалось в часе неспешной езды за околицей села. И вот уже добрых полчаса они хмуро шли к нему, в десятый раз выслушивая занудные указы старосты «убивать чудище как-нибудь поосторожней, чтоб не повредить капустные грядки». При слове «капуста» рыцарей порядком тошнило, но они мужественно шли вперед.

Наконец староста указал край вытоптанного поля и, предложив воинам сесть в засаду, поспешно смылся. Удобно устроившись около огромного валуна, рыцари начали дожидаться противника. Впрочем, мучиться ожиданием им пришлось недолго. Солнце еще не успело коснуться горизонта, как появился Он.

— Ну дракон... Ну крупный, — рассудительно заметил сэр Амелл, осторожно выглядывая из-за валуна. — Но мы же рыцари!!! Нам самой природой положено побеждать этих гадов и приносить их сердца и головы прекрасным дамам. Вперед, друзья мои! К победе! — закончил он свою речь, пытаясь закопаться в кучу гнилой ботвы, валявшуюся за камнем.

В это время сэр Варгерн, как самый опытный рыцарь, уже успел профессионально прикинуться кучей компоста и сейчас осторожно выглядывал из своего убежища. Мельком восхитившись его камуфляжными навыками (от кучи — Варгерна даже пахло точь-в-точь, как и должно пахнуть от небольшой, аккуратно собранной рачительными крестьянами кучки перегнившего и смешанного с гнилой соломой навоза), сэр Амелл мельком констатировал, что подобные высоты маскировки ему пока не по зубам, и продолжил убеждать своих коллег.

Речь его была хороша всем, вот только тот факт, что произносилась она очень тихим, едва слышным на расстоянии шага шепотом, несколько снижал накал ее патетичности.

— Пошел на... — невозвышенно отозвался сэр Эйтингтон, выпихивая сэра Амелла из данного стратегически важного укрытия. — Это тот же дракон, а я рисковать и выходить к нему не собираюсь. Мне и первого раза за глаза хватило! До сих пор голова периодически побаливает. И вообще, куда ты лезешь?! Не видишь, здесь занято!

— Да она же большая! — горестно возразил сэр Амелл, указывая на кучу и при этом одним глазом внимательно следя за действиями начавшего подозрительно притягиваться дракона. — Мы великолепно поместимся тут и втроем! Пустите, не будьте... — Кем именно призывал он «не быть» благородного сэра Эйтингтона, так и осталось тайной, потому как, злобно взревев, дракон неспешным шагом направился прямо к их скромному убежищу.

— Нас здесь и так уже трое! — злобно прошипел сэр Эйтингтон, торопливо набрасывая на себя полусгнившую ботву, разбросанную сэром Амеллом.

Нестройное шипение двух голосов, раздавшееся из той же точки, подтвердило, что да, куча занята благородными сэрами Лакастерном и Джорнеттом и места для укрытия еще и сэра Амелла в ней нет совершенно, в связи с чем оному сэру Амеллу предлагается проявить достойную его звания отвагу и героически сразить дракона в одиночку. Ну или вместе со своим новым оруженосцем, в случае если тот еще не подыскал себе подходящего убежища. А уж они, после того как дракон насытится и улетит, обязательно похоронят то, что останется, со всеми полагающимися рыцарскими почестями.

В случае же, если сэр Амелл продолжит демаскировать их убежище, они просто по-

быстрому его зарежут, и уж тогда никаких почестей на похоронах он не дождетсЯ!

Печально вздохнув, сэр Амелл обвел окрестности быстрым, полным надежды взглядом и, не обнаружив оруженосца (сын кузнеца, решив, что подобные подвиги ему совершенно не нравятся, в данный момент уже почти добежал до околицы деревни), вновь вздохнул и стремительно подполз в сторону крупных залежей стратегически важной подгнившей ботвы. Дело было опасным: чтобы достичь кучи, ему приходилось выйти из тени пока еще укрывавшего его камня, — но выбора не было. Уж как-то слишком подозрительно дракон принохивался, посматривая в их сторону.

— Чтоб я еще когда-нибудь согласился избавлять селян от чудовищ, — бурчал он себе под нос, благополучно достигнув желанной кучи и стремительно закапываясь. Наконец, оказавшись в безопасном убежище, он вспомнил, что последний раз он так отличился не на трезвую голову и добавил: — Если выживу — бросаю пить.

Интернет как средство общения

День первый

Ангел

Где-то на Земле

Около восьми часов утра

Я спустилась на землю прямо перед домом, в котором снимала себе квартиру на Земле. Да-да. Я ангел и снимаю квартиру в людском мире. Что поделаешь, надо же нам куда-то периодически сбегать от небесной суеты. Не в ад же на курорт ездить.

Какой загруз на работе! Ужас! Всю ночь мучились с этими демонами. Достали, гады чешуйчатые! Встряхнув непокорной гривой, я вошла в подъезд и поднялась на пятый этаж. К счастью, никого пьяного не встретила. А то пришлось бы нотации еще в выходное время читать. «Как это так? — сказала бы начальство, проигнорируй я заблудшую душу. — Ты ангел и прошла мимо нуждающегося в помощи человека? Ангелы выходных не имеют!»

Заварив кофе, я села за компьютер. Все-таки сна нам нужно не так много, а после битв сразу лучше не ложиться, иначе кошмары будут сниться. В компьютерные игрушки резаться не хотелось. Со своими переписываться тоже. И, не мудрствуя лукаво, я вошла в чат. Да-да, ангелы тоже пользуются Интернетом! Дело в том, что в нем в последнее время стало очень удобно отслеживать грешников. Вот мы и ходим по различным местам, особенно в чатах много всяких встречается. Их по никам отследить можно.

Как бездумно порой люди выбирают себе вымышленные имена! То Вельзевул, то Демон Ада, то еще как! А ведь несчастные люди и не думают, что темные силы не прощают использования собственных имен без спросу. Да и сами имена постепенно развращают, портят душу и склоняют на скользкую тропинку. О, ДемонЮга! Еще один! Мда, нотацию ему читать неохота. С другой стороны, я поссорилась сегодня с начальством, и мне грозят штрафные работы в трущобах. Обращение таких же непутевых душ на путь истинный. Может, если мне удастся как-то мягко переубедить этого, то начальство скостит мне срок? Мол, бонус за еще одну обращенную к свету душу? Хм, какой я меркантильный ангел. Впрочем, я не совсем ангел, моя бабка вон с кем-то снизу согрешила, так что есть во мне вражеская кровушка. Итак, приступим.

Демон

Мир Земля. Территория русского этноса

Протекторат Эрательо (Центральная Россия)

07:54 местного времени

Телепортировавшись в свой дом, я с искренним облегчением вздохнул, снял помятый доспех и, накинув мягкий халат, бережно присел на старое кресло-качалку.

Как же меня достали эти идиоты! Ну почему у светляков воины как воины, в любой момент готовы проявить гордое самопожертвование и погибнуть с честью, а мне достались эти жалкие ничтожества?

Я потер ноющий бицепс, грустно взглянул на затупившиеся шипы табельного кнута и коротким выдохом зажег в камине небольшое уютное пламя. Чем бы заняться? Возможность отдохнуть на моей поистине адской работенке выдается не так уж часто, чтобы ею пренебрегать. Нехорошо, конечно, бросать так славно потрудившееся оружие без обихода, но этим можно будет заняться и попозже. Или вообще припрятать кого-нибудь из низших... Ту же секретаршу, к примеру.

Хотя нет. Испортят. Наверняка ведь испортят! И вообще древняя заповедь гласит, что свое оружие, свою женщину и свою еду нельзя доверять никому! Ну, допустим, женщины у меня нет, если, конечно, не считать секретарши, — вот кого я кому угодно доверил бы с радостью...

А если бы ее украли, еще и приплатил хорошенько. Ну и что, что у нее формы роскошные? Что я, женских прелестей не видел, что ли? А вот то, что стучит эта сук...куба, хуже любого дятла, раздражает до невозможности! Вельзевулу — стучит, Асмодею — стучит; Сатана, наверно, от ее стука и вовсе оглох... Даже Бегемоту, несмотря на весь его пофигизм, и то постукивать ухитряется! Иначе бы откуда ему знать подробности наших с Алальтелем позавчерашних посиделок? Теперь на следующие придется и его приглашать, а то ведь обидится, а оно мне надо? Шуточки эти его вечные...

И ведь не избавиться от нее, ну никак! Еще бы. Дочка самой Астарты! А кто у нашей повелительницы страсти в постоянных любовниках ходит? То-то и оно... Нет таких дураков против всего кагала Великих идти. Каждый из них ведь вполне может решить, что это его ненаглядную дочурку выгнать хотят. Хорошо хоть от ее вечных попыток «неслужебные» отношения затеять вернуться удастся.

Ну вот... Опять я о грустном. Нет, надо развеяться, надо! В чате, что ли подзависнуть? Иногда там такие прелестные экземпляры душ выловить удастся... О, кто-то уже стучится... Первая поклёвка есть.

Ангелочек? Ну здравствуй-здравствуй, дорогой... Закуской будешь?

Ангел (8:51):

— Привет, а почему у тебя такой странный ник — ДемонЮга?

ДемонЮга (8:54):

— Привет. А может, я «демонюга»? Или, может, потому что я теплолюбивый? Или просто — фантазия у меня хорошая... А ты почему «цифровой ангелочек»?

— Да. А ты мальчик или девочка?; —)

Хе-хе. Попалась... Ловись, рыбка, большая и маленькая. А ангелок с крючка тоже не срывайся! Вот готов на собственный кнут спорить (все равно его скоро менять надо будет), что это девочка. Женщины они всегда на любопытство хорошо ловятся.

А вообще, чистую правду ведь говорю. Самое смешное, что одно из моих имен, под которым я у индусов был известен, и звучит как «Юга». Да и южным легионом действительно командую. Но ведь не поверит же... Хотя весело, конечно. Интересно, а что если попробовать и дальше только правду говорить? Что получится?

Ангел007 (8:55):

Угу, значит, наш аноним решил поинтриговать. Теплолюбивый демонюга, значит? Ну ладно, мы и не таких человек на путь истинный наставляли. Ну что ж, скажем ему правду. Все равно вряд ли поверит.

— Я девочка, если тебе так интересно:). Ангел007 потому, что я по-настоящему ангел, седьмая по счету в левом ряду от трона Господня.

ДемонЮга (8:58):

— Вах!!!! Ну тогда я реальный демон Юга. Командую южным легионом Инферно.... Ну и просто — большой и злобный. (Смайл.)

А ты чем в своем раю занимаешься? Ты блондинка? Ведь все ангелы — светловолосые: —); —) Как вообще дела?

Ангел007 (8:59):

Ух, ты! Как заинтересовался! Никак блондинок любит! Не, ну и это ж надо так про демонов убедительно врать. Хотя приятная болтовня наклеивается. Посмотрим, что дальше будет. Ну-ка прощупаем почву.

— А ты блондинок любишь?

ДемонЮга (9:01):

Правду... Я решил говорить правду! Ну и пусть поклевка сорвется. Подумаешь! Что у нас, душ мало, что ли? Так что придерживаюсь прежнего решения. В конце концов, я сейчас отдыхаю, а не на работе!

— Ага! А также брюнеток и рыженьких. Я вообще всех люблю. На завтрак, обед и ужин. А ангелов — так особенно. Вкусные вы, мясо такое нежное-нежное...; —)

Ангел007 (9:01):

Ах ты, гурман доморощенный! И как это он угадал, что демоны действительно каннибализмом не брезгуют?

ДемонЮга (9:02):

— Жаль, редко добыть удастся... А ты где живешь?: —)

Интересно, кто кого сейчас дразнит? Я как припомнил пирог из ангельских крылышек, который мне как-то довелось пробовать... Нет, похоже, все-таки это она надо мной издевается. Пожалуй, если она мне и впрямь свой адрес даст, надо будет смотаться... А то разбередила аппетит, понимаешь. Раз назвалась ангелом, то и полезай на сковородку!

Ангел007 (9:02):

Ага, знакомиться лезешь? Так я тебе и дала свой адрес! Во-первых, какая воспитанная девушка, а тем более ангел, даст незнакомцу в первые минуты общения свой адрес? А во-вторых, вдруг ты маньяк или вор? И хорошо, если ты пойдешь на промысел, когда я дома. Тогда можно попытаться тебя перевоспитать. А если все случится в мое отсутствие? Где мне потом искать раритетные пластинки? Или золотые иконы? Вон как-то Павел в троллейбусе зазевался, так у него плеер стянули. Хоть он и прочитал лекцию на тему морали, вещь ему, увы, не вернули. Пришлось новую покупать. А как ангелу заработать человеческие деньги? Правильно, честным трудом в свободное от основной работы время. А это так изматывает. Да и диск свой любимый Павел потом долго по всему городу искал.

Нет уж. Я на такую уловку не попадусь. Мне сейчас подрабатывать некогда! Я ангел, а не овца. Еще не хватало, чтобы меня тут ограбили! Да и этому демоненку надо зубки обломать. Не так-то уж меня и можно скушать. Подавитесь, дорогие мои темные!

— В таком случае, милый мой ДемонЮга, вынуждена тебя разочаровать: я невкусная! И наверно, единственная в раю брюнетка. Бабушка с кем-то снизу подгуляла. А зачем тебе мой адрес? С топориком придешь? (Смайлик .)

ДемонЮга (9:07):

А ведь адрес так и не дала. Умная. Ну что ж, ее счастье. Значит, вместо вкусного завтрака буду и дальше развлекаться приятной беседой.

— Невкусная, говоришь... Так ведь это смотря как готовить. Если, например, прожарить хорошенько на постном масле, да в пирог... Мм... (вытираю слюнки).

Зачем с топором? У меня для этих дел есть специальный меч. Черный, магагиченный,

все как полагается. Вы ж, ангелы, такие — вредные... Добровольно на сковородку ложиться не хотите. Без хорошего меча и мечтать-то об ангельском жарком бессмысленно...

Ну ладно. Что мы о еде да о еде? Так и слюной захлебнуться недолго. Чем ты сейчас занимаешься?

Ангел007 (9:09):

Ну-ну! Порассуждай мне тут о вкусовых достоинствах и недостатках моих собратьев! Как будто ты их ел когда-нибудь!

— Фу! Какие ты ужасы при первом знакомстве девушке говоришь! Не стыдно ли?! Мое филе не получишь, так и знай! Я реально на твою сковороду добровольно не полезу! А будешь настаивать, сама тебя зажарю! Я могу! Я, между прочим, сейчас в третьем легионе против демонов сражаюсь! Ну а в данный момент я после трудового дня с тобой разговариваю. (*Кокетливый смайлик.*)

Хм, что-то замолчал! Видно, напугала я его своими шипиками. Ну да пусть знает: мы, розы, нежные создания, но без крови не сдадимся! О! Объявился!

ДемонЮга (9:17):

Эта беседа на кулинарные темы меня изрядно раздражила. Так что, отвлекшись ненадолго, я сходил на кухню и сделал себе пару бутербродов с беконом. Ангелятина, к сожалению, закончилась, но свинина тоже неплохой заменой будет. Вернувшись, я вновь уселся в свое любимое кресло, взяв на колени ноутбук, отхлебнул пивка и начал набивать новое сообщение.

— Какое совпадение!!! Прямо не верится! Я ведь тоже с тобой разговариваю! (*Смайлики* :))))) И тоже после тяжелого дня... Второй месяц битвы. Как наш легион перевели в этот мирок, так все время с какими-то светлыми деремся. Нет, чтобы все по-хорошему решить. Сесть, к примеру, поговорить, разграничить сферы влияния. Так они сразу драться лезут! Ну ничего. Есть у нас для них небольшой сюрпризик. А пока я отдыхаю. Нервное напряжение сгоняю. Вот ты не поверишь, командовать битвой — такая морока!!!

Ангел007 (9:35):

Хм, а я тоже нервное напряжение сгоняю! Все-таки, действительно, ангелы и люди похожи. Вон даже методы снятия стресса совпадают! Однако какой наглец! Командовать ему морока! Как можно рассуждать о том, чего не знаешь. На что угодно могу поспорить, что он не только ни разу не командовал, но и в жизни за меч не держался! Тоже мне философ!

Да и командирам гораздо лучше, это же не им рубиться в первых рядах нужно!

— Угу! И с чего ты решил, что командовать битвой морока? Стой себе в сторонке, прохлаждайся в теньке, пока за тебя младшие все делают!

ДемонЮга (9:39):

— Ага!!! Как сказать, «прохлаждайся»? Вот вчера, например. Подготовили мы ловушку для светляков. Отличную, надо сказать, ловушку! Выставили... Ну, неважно, что именно выставили; главное, рвануть оно должно было просто на загляденье! В качестве приманки поставил я туда когорту огненных бесов Афихрена. Так ты не поверишь, сколько огненных плетей пришлось об их бронированные зады изорвать, прежде чем эти тупые скотины согласились пойти на самопожертвование! Все нервы себе вымотал и любимый кнут измахрил! На нем даже шипы затупились да посеребрение стерлось!

Ангел007 (9:41):

Ух ты, какой жестокий парниша попался! А врет-то как складно! Прямо закачаешься! Блин, даже проповедь захотелось ему прочитать! Явно ему в раю место обеспечено. Мне надо ему только помочь!

— Разве можно заставлять кого-то идти на жертву силком?! Это же не по-божески! А

как же милосердие, доброта, добрая воля? Как можно заставлять?! Это же отвратительно!

ДемонЮга (9:43):

Эх, давно я так не смеялся... «Не по-божески...» И это она мне? Какие все же люди забавные иногда попадаются. Нет, хорошо, что она мне свой адрес не сказала! Вот съел бы я ее, а кто бы тогда меня так повеселил-то? М-да... Если она мне еще пару таких перлов выдаст, я ее не только есть не буду, я ее вообще под защиту возьму! Таких комедийных артисток беречь надо!

— Конечно. Зато очень по-демонически!!! Уах-ха-ха-ха-ха! (Очень злобный смех.): —)

Таких тупых скотов, как Афихреновы молодцы, только так и можно использовать! Эти гады на прошлой неделе такое дельце испоганили... Ну, неважно...

Ангел007 (9:46):

Угу, хорошо играешь, паршивец! Убедительно так! На актера он, что ли, учится? Где твое милосердие? Где доброта? О совести помолчу. На жалость, что ли, надавить? Должно же быть в нем хоть что-то человеческое?

Да и про командование его размышления меня слегка раздражают. Нет, ну действительно, что такого сложного в командовании? Стой себе в сторонке, наблюдай за ходом сражения и приказы отдавай. То ли дело мечом махать!

— А разве тебе их не жалко? И вообще, вот ты говоришь, командуешь, выкинул этих несчастных на бой, на верную смерть, измотал с ними нервы, но ведь не ты ж воевал! Командовать — это тебе не мечом махать в первых рядах!

ДемонЮга (9:55):

— Правильно!!! И откуда такая верная мысль у такой молодой девочки? (*Смайлик .*)

Командовать — действительно не мечом махать! Руководить гораздо тяжелее. Недаром основное оружие командира — не меч, а кнут. Я вот как раз на свой табельный закончил последний лоск наводить, а то вытерся он сильно. Сейчас еще шипы на нем подточу, и отлично будет.

А вообще... Как это не я воевал? Именно я и воевал! А все остальные лишь исполнители моей мудрой воли! Вот вспомни историю. Кто напал на СССР в 1941 году? Гитлер! А кто его разгромил?? Жуков! Так всегда и везде! Сражаются именно командиры, командующие, а все остальные только проводники их воли. И чем скорее и лучше подчиненные исполняют отданные им приказания, тем быстрее и легче достается победа. А следовательно, тем меньше жертв будет у победителя.

Ну подумай сама: вот не подчинился Афихрен сразу, упрямиться стал. Ну и чего он добился? Только того, что в последние часы его жизни у него сильно болела спина и то, что ниже... А послушался бы сразу, так я бы ему и огневодки распорядился выдать. Вот так-то! Надо слушаться командование!

Ангел007 (9:57):

— Несправедливо это! Умирать из-за чужой прихоти!

И я не маленькая! Я уже взрослая и самостоятельная!

ДемонЮга (10:01):

Так... Перл номер два... Еще один, и можешь считать, что ты под моей защитой. Ну что, пофилософствуем малость? Эх, люблю я это дело... Вот, помнится, в древней Элладе...

— А мир вообще несправедлив, девочка... И раз ты этого не понимаешь — ты именно девочка, пусть и ангел, стоящий седьмой от трона вашего владыки.

К тому же я для моих бойцов не чужой. Я им командир, а это гораздо ближе, чем отец и мать, вместе взятые. Идет война. А на войне приходится чем-то и кем-то жертвовать. И пусть лучше жертвой будет тупой Афихрен, чем кто-то действительно полезный и умный.

Но что мы все обо мне да обо мне... А как дела у тебя?

Ангел007 (10:02):

Хм, а что я могу сказать про себя? Врать не могу. Ладно, обойдемся обтекаемыми фразами. Все равно не поверит.

— А что у меня? С начальством поругалась, завтра придется идти грехи отрабатывать. Не хочется, веришь?

ДемонЮга (10:04):

— Верю. А что делать будешь?

Действительно верю. Хорошо помню, что было, когда моя секретуточка, чтоб ей в суп попасть, ухитрилась меня подслушать в момент нервной разрядки. Я тогда свое искреннее мнение об одном идиотском приказе Вельзевула высказывал и не подумал, что эта сук...куба слуховую дырочку в стене проделать успела. Что было!.. До сих пор вспоминать страшно... и правый рог еще не отрос... Хм, а если на миг допустить что она — настоящий ангел? Интересно, а как у пернатых провинившихся наказывают? Огненные кнуты и дубины боли у светлых ведь вроде не в ходу?

Ангел007 (10:05):

Ну что ж, будем рубить правду-матку. Интересно, как он отнесется?

— Заблудшие души на путь истинный наставлять. Ой, чую, опять в какие-нибудь трущобы направят, а там все такие злые и недружелюбные, так и норовят пристать или облапать.

ДемонЮга (10:13):

— Ха-ха... Надо будет не забыть Ашкеризу премию назначить. Его работа!

А вообще, зачем вам эти придурки нужны? Вот никак не понимаю. Ясно же — наши клиенты. Еще мог бы понять, если бы вы монасей там каких прикрывали, подвижников... А так — трущобников всяких. Бесплезняк ведь.

Ну ладно. Дам добрый совет. Если пойдешь в трущобы, на Литейный не суйся. Там нынче Эзергиль проработку вести будет. И вообще. Знаешь пословицу: добрым словом и пистолетом можно добиться гораздо большего, чем просто добрым словом? Так вот. Если хочешь попробовать осветлить этих, то лучше взять не только пистолет, но и кнут. Очень желательно с шипами...

Эх, до чего только усталость и отсутствие хорошего собеседника не доводят! Я уже начал девчонке, которая себя ангелом называет, давать советы о том, как гопников к Свету поворачивать...

— Да, кстати, а насчет Литейного — я на полном серьезе говорю. Не хотелось бы мне, чтобы эта наша беседа оказалась последней.

Ангел007 (10:24):

— Так это Ашкериз виноват, что, пока я проповедь читаю, меня облапать норовят?! Ну если я его встречу, то уж точно зубы повыбиваю! У меня же реальная проблема с этими грешниками наклеивается! Ведь за лапанье без спроса мне им рефлекторно по морде дать хочется, а НЕЛЬЗЯ! За рукоприкладство мне еще срок накрутят! У рая нынче каждая душа на счету. Иногда я терпеть не могу начальство, прости меня, Господи, за злобные мысли!

КАКОЙ ПИСТОЛЕТ, КАКОЙ КНУТ?! Ты на что меня толкаешь, искусьитель?! Да меня ж за оружие поселят в этих трущобах! А я надеюсь явиться туда, быстренько кого-нибудь обратить к Свету и смыться подобра-поздорову. Прости, Господи, что планирую схалтурить.

P.S. Ну я тоже не хочу, чтобы наша беседа оказалась последней. Впервые сталкиваюсь с человеком, который так свято и истинно думает, что он демон!

Нет! Ну как гладко врет, искусьитель! Я прямо уже всерьез начинаю верить, что

общаюсь с темным собратом! Обалдеть можно!

ДемонЮга (10:34):

Бинго! Третий раз за вечер не могу просмеяться! Одна и без оружия будет она наш контингент на путь истинный направлять! Ну теперь волей-неволей придется о ее здоровье позаботиться! Какие обещания и держать, если не те, что сам себе дал? Охранников, что ли, к ней приставить, раз уж она хорошего совета послушать не хочет. В кои-то веки я от всей души добрый совет даю, и надо же? Не слушает.

— Знаешь, у меня такое впечатление, что я не только Ашкеризу, я и твоему начальству премию выписать должен! Отправлять красивую девушку (ты же красивая?) в трущобы без сопровождения и оружия, к тому же запретив ей отбиваться? Это сколько же душ гопников, не справившихся с искушением, они нам подарили? Ты мне их адресок подскажи, я им реально премию направлю!

А насчет жить в трущобах... Так что в этом плохого? Там столько силы разлито, да и с едой, если не брезгливый, проблем нет. У меня знаешь сколько заявок на перевод в трущобы на столе валяется?

Слушай, ты бы мне хоть свою фотку скинула. Я б тогда мог распоряжение своим отдать, чтоб они такого ценного сотрудника прикрывали. Ты ведь реально за нас, оказывается, большую работу проделываешь, шляясь по трущобам без оружия. Неохота терять столь ценного внештатного сотрудника. Вдруг кто из гопоты тебя и впрямь всерьез заобидит?

Ангел007 (10:49):

Премию? Что-то в этом есть. Хотя, наверно, это вечная проблема подчиненного и начальства, кем бы и где бы ты ни был. Может, действительно адресок дать? Человек все равно не поверит. Хотя было бы забавно, если бы деньги действительно пришли из ада. Да еще с расшифровкой! Эх, жаль, что ты не демон, а человек!

Эх, ладно врешь! А у нас знаешь сколько объяснительных, только бы туда не попадать, у начальства на столе валяется?

Ого! Какой хитро-изящный способ познакомиться! Не обыденная просьба прислать фотку, а целая теория! Какой оригинальный подход! Замаскированный!

— (Смайлики .) Слушай, а я и впрямь уже чуть было не поверила, что ты демон! Так похоже на настоящих демонов рассуждаешь! Почти убедил, только вот маленький прокол. Учти: забота о ком-либо, кроме себя, для демонов несвойственна.

А насчет трущоб не беспокойся, не такой уж я и хрупкий цветочек. Каждый раз, когда туда спускаюсь, в близлежащей больнице у травматологов наплыв пациентов случается. Сломанные руки лечить идут (эх, видно, дедушкина кровь сказывается). Начальство потом, как обычно, вздыхает, качает головой и отправляет в сад деревья поливать или голубиные клетки чистить. Но срок стабильно продляют, гады! И вот словно специально посылают в трущобы! Знают же, что я там невинной овцой стоять не буду, и все равно туда отправляют! Мотивируют тем, что мне надо тренировать покой и смирение! Р-р-р!

А что насчет красивой — не знаю, но пара ангелов из высших на меня заглядываются, несмотря даже на то, что я брюнетка. Хотя, может, их просто экзотика привлекает? Я же единственная в раю брюнетка, а они все блондины. Кто их, мужиков, знает?

Ну-ка воспользуемся ситуацией. Познакомимся ближе с мужской психологией. Может, действительно пойму, чего этим высшим от меня надо? Бабка говорила, что мужики — что человеческие, что темные, что светлые — все одинаковы.

Ангел007 (10:52):

— А вот тебе, наверно, блондинки и рыжие нравятся, потому что вокруг тебя одни брюнетки?

ДемонЮга (11:05):

Любопытно, очень любопытно... Интересно, откуда у нее эти знания о психологии низших демонов? Догадалась, наверно. Или книги читала... Все же, если внимательно читать эти их священные книги, можно немало правдивой информации откопать. Подборка, конечно, весьма тенденциозная, но в деталях там правду пишут. Еще бы. Пернатые-то лгать не могут. Запрещено им, птичкам неоципанным! Вот и выкручиваются, стараются так правду подать, чтоб побольше душ к ним направилось.

Ну нам-то это дело без разницы. Мы и без рекламы свою часть пирога имеем. Причем куда как большую, нежели эти летуны получают!

Но в данном случае немного обидно выходит. Я-то не какой-нибудь низший! У меня с мозгами все в полном порядке! Раскрыть ей, что ли, тайну о том, как на самом деле дела обстоят?

А почему бы и нет? Не такой уж это и секрет... Точнее, вообще не секрет. И даже если эта информация настоящим крылатым попадет — ничего страшного. Пусть думают!

— Знаешь, а вот я уже практически поверил, что ты и впрямь ангел. Только ангелы могут делать столь глобальные и совершенно неправильные обобщения. Ну с чего ты решила, что ВСЕ демоны неспособны заботиться ни о ком, кроме себя? Девяносто девять и девять десятых процента демонов — да, неспособны. Но я же тебе прямым текстом сказал, что я — командующий легионом! Как ты думаешь, много бы я накомандовал, если бы не мог заботиться не только о себе, но и о своих воинах?

Собственно, способность к заботе не только о себе — это один из главнейших признаков, по которым адских повелителей и выбирают. А ты что думала, мы все такие же, как те тупые низшие, которые отражены в человеческих легендах?

А насчет рыжих и блондинок... Так у нас их немало. Ты что же, всерьез полагаешь, что все блондинки безгрешны? Тогда спешу тебя разочаровать: разные бывают, еще какие нечестивицы, и на любой вкус. И такие умелицы встречаются...

А вот просто пообщаться, без вранья, интриг, ожидания ножа в спину или яда в бокале — вот это редкость. А иногда, признаться, тянет. Бывает такое искушение.

А поскольку мы, демоны, отнюдь не обязаны искушениям противостоять, да и сил для его исполнения у меня достаточно, вот и поддаюсь ему в свое удовольствие... И пусть ты даже не настоящий ангел, но все равно приятно расслабиться, представляя себе, что вот так, спокойно и мирно, беседуешь с давним врагом...

Ангел007 (11:06):

Ну надо же! Он «практически поверил, что я и впрямь ангел». Да я настоящий ангел, придурок! Прости меня, Господи, за ругательство! Эти смертные меня доведут!

«Только ангелы могут делать столь глобальные и совершенно неправильные обобщения»?! — Да откуда ты знаешь, что мы можем делать, а что нет?! Я ангел! Я лучше знаю! Р-р-р!

А как мы о демонах заливаем! Я сейчас прослежусь! И вообще, если по твоей статистике девяносто девять и девять десятых процента демонов такие, как я сказала, разве мои выводы столь глобальные и обобщенные?! У-у-у! Как я зла! Кажется, во мне дедушкина кровушка проснулась! Только бы перья выпасть не стали! А то в прошлый раз, когда так разозлилась, месяц ходила с полуангельскими, полунетопыриными крыльями! Так ладно, вдох-выдох, вдох-выдох.

О! Перешли к блондинкам и рыжим. Интересно! Да, ты прав, блондинки небезгрешны. Вот на позапрошлой неделе такую стерву в ад направили — думали, оттуда все черти сбегут! Но пока все тихо. Только я не знала, что демоны там и с грешницами крутят. У нас это строго запрещено. Устав! У нас, увы, ангелы только с ангелами и то после благословления Всевышнего, один раз и навсегда. Даже жутко порой становится (видно, это дедушкина кровь бунтует).

Хотя стоп! А с чего я ему опять про устройство ада верю?! Он же человек! Правда, как

убедительно врет! Вряд ли демонам разрешено там с кем попало крутить. У них, наверно, тоже устав. Хотя кто их там темных знает? Наши как-то ездили туда на переговоры, когда еще относительный мир был, так вернулись та-акими счастливыми. Потом еще месяц в раю ходили грустными и раздраженными на все. Кто-то даже о переводе задумывался.

Без интриг и вранья пообщаться хочешь? Так дуй к нам! Мы тебе полный рай праведных собеседников устроим! За нами не заржавеет!

Угу, аналогично. И пусть ты даже не настоящий демон, но все равно, приятно расслабиться, представляя себе, что вот так, тихо, без драк и ругани беседуешь с давним врагом...

Продолжим игру.

— Хм, а с тобой приятно общаться. А если представить, что ты **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** демон, то вообще потрясающе. Я тут подумала и решила, что пришлю тебе фотку, если ты мне свою пришлешь:)

Ну-ка, посмотрим на тебя сначала, философ, а потом подумаем. Отправлять или как...:))))))

ДемонЮга (11:10):

Гм... Фотку просит. И что делать? Ну нет у меня фотографий, нет! Не получают они! Я вон в девятнадцатом веке фотографироваться пробовал, так потом долго отплеваться не мог. С тех пор и избегаю этого дела.

Ну что ж. Решил говорить правду — так буду до конца правдив. Так и скажу. Не поверит — ее дело. О... а вышлю-ка я ей свой любимый парадный портрет! Тоже ведь своего рода фотография, можно сказать. К тому же электронная копия его у меня где-то тут на ноуте валяется...

— Насчет фотки... Я бы с радостью. Но ты же знаешь, что все инферианцы не отражаются в зеркалах и не дружат с серебром. А между прочим, светочувствительный слой на фотопластинках — какое-то из соединений на основе серебра. Я это узнал, когда в конце девятнадцатого века попробовал сфотографироваться. Увы, фотографирование — не для моей расы, не отображаемся мы на фотокарточках.

Могу выслать свой отсканированный портрет работы Стивена Юла. Мне нравится. Очень я на нем, по-моему, удачно получился. Правда, я тогда чуть от усталости не сдох, столько времени открытыми адские врата держать, но зато какой парадный портрет получился! Прелесть, а не портрет! Оно того стоило!

Ангел007 (11:11):

Угу, юлим, на галогениды серебра все сваливаем. Портреты отсканированные шлем. А в результате — офотошопенная фэнтезишная картинка. Ну-ну. Хотя надо признать, симпатичный индивид нарисован. Вкус у тебя, по крайней мере, есть.

— А ты цифровые фотики попробуй. Говорят, помогает (*смайлик*).

ДемонЮга (11:15):

Хм... А ведь это и впрямь мысль. Что-то я действительно в фотоделе отстал от времени. Компьютером пользуюсь, в Интернете сижу, а подумать, что фотография с тех пор далеко вперед шагнула и столь ценный материал, как серебро, на всякие рисунки тратить нынче не будут, не додумался... Хорошую мысль подсказала, однако!

— Цифровики? Надо будет попробовать. А где твоя фотка? Или портрет?

Ангел007 (11:17):

Попробуй-попробуй! Наших берет, чем ты лучше? Ну раз ты мне прислал фэнтезишную картинку, я тебе свой портрет смело могу высылать. Не хочу в фотошопе на своих фотках крылья и нимб зарисовывать. Так, где там мои портреты? Эх, спасибо тебе, Мария, за твои художества.

— Сейчас отправлю, только найду портреты, где меня подруга как-то рисовала, отсканирую и пришлю. Вот лови. Только учти, так как я полукровка, то подруга любит изображать меня со своеобразным дуализмом, стремясь отразить свет и, как она говорит, вторую часть моей родословной (*смайлик*). Это приблизительный портрет.

ДемонЮга (11:27):

— Вах!!!! Видна, видна наша кровушка... Род соблазнительниц... И как тебя в раю-то вашем такую терпят?

Ангел007 (11:31):

Ой, спасибо за комплимент! Мелочь, а приятно!

— Ну, скажем так, в нашем роду больше соблазнитель сыграл свою роль, а не соблазнительница. Кова-арный... Но привлекательный. Бабка рассказывала, дед писанный был красавчик! Ей хоть потом за этот грешок и досталось по полной, но прочие ангелицы, ее подруги, все равно все локти от зависти искушали! Очень жалеют, что, когда ваша дипломатическая миссия у нас была, сами на такое не решились.

А в раю меня мужское население очень даже терпит. Это с женской частью трения случаются:).

Впрочем, вынуждена признать, ты тоже ничего. Вот если бы еще наших не ел! А ты только ангелами питаешься?

ДемонЮга (11:35):

Опять она на питание свернула. Интересно, почему всех светлых так на этом моменте клинит? Что ангелы, что люди... Как узнают, так сразу в шок впадают. Что в этом такого? Может, спросить напрямую?

— Почему только ангелами? Я ем все, в чем есть сила. А в ангелах ее много. К тому же мы ведь их не живьем едим. Можно подумать, мертвецу не все равно, что будет с его телом. Признаться, я никак не могу понять причин, по которым ангелы отказываются увеличивать свою силу, поедая захваченных или убитых. Впрочем, нашим лучше. Больше достается.

Ангел007 (11:44):

И откуда такой осведомленный человек на мою голову взялся? Так складно врет, что я уже начинаю верить в его бред. Вполне возможно, что действительно демоны являются каннибалами именно из-за того, что таким образом они увеличивают свой энергетический запас! Логично же!

— У нас считается омерзительным добывать энергию таким способом! Как же можно есть убитых демонов?! Ведь они, хоть и темные, но почти такие же, как мы! Вот даже скрещиваться с нами могут! Я как результат тому пример. К тому же очень сомневаюсь, что вы, демоны, вкусные. Замучаешься чешуйки отковыривать. Вот.

ДемонЮга (11:46):

Хм, какая привереда. Тебя б на четвертый круг на годик-два... Живо любого встречного первым делом на вес и количество вырезки, которую из него можно получить, оценивать привыкнешь. А ведь каждый молодой демон через это проходит. Экзамен на выживаемость называется. Точнее — не каждый. Самые слабые и невезучие проходят не через четвертый круг, а через желудок и кишечник более успешных и расторопных.

Ну что ж, поделюсь рецептами. Вдруг девушке пригодится.

— Ну, насчет вкуса ты права. Без хорошего прожаривания демонов есть — удовольствие ниже среднего. Да и чешуя действительно проблема. Хотя если имеется правильно зачарованный нож, то она счищается, как с рыбы. По крайней мере, у низших демонов. Да и если перчика не пожалеть — вполне приемлемое блюдо получится. Жрать можно вполне, особенно если с голодухи.

А насчет скрещивания... Ну и скрещиваемся мы друг с другом. Что такого? У меня вон где-то в далеких предках тоже кто-то из ваших подгулял. Но то, что мы отдаленные родичи, на вкус жаркого никак не влияет!

ДемонЮга (11:51):

Раздавшееся робкое поскребывание у двери вынудило меня ненадолго оторваться от темы нашей национальной кулинарии. Заранее перепуганный бес вручил мне письмо от Свара, моего зама по чрезвычайным ситуациям. Новость оказалась препоганейшей. Похоже, накрылся мой выходной... А я только-только расслабился. Ну что за невезение! Ничего не поделаешь, надо бежать, спасти что возможно...

— Слушай, ко мне тут курьер с донесением. Я пока не могу беседу продолжать, бежать срочно надо, а то Эзекиил такую кашу заварил... Спишемся завтра вечером, ок? Если, конечно, за этим трехрогим придурком разгрести д...мо успею.

Ангел007 (11:52):

Убегаешь уже? Жаль. Так мило беседовали. Ну что ж, до завтра. Надеюсь, ты появишься.

— Хорошо. Ну, тогда до завтра, а я спать пойду, мне еще грешников на путь истинный наставлять:)

Ангел

Выключив компьютер, я откинулась на спинку стула и помассировала виски. Скоро мне действительно надо идти грешников на праведный путь наставлять. А пока спать. И я с легким сердцем направилась к кровати...

Демон

Быстро накинув плащ и отключив ноутбук, я схватил табельный кнут и со всех копыт рванул к месту происшествия. Была у меня, признаться, слабая надежда, что Свар преувеличивает степень возникших проблем. Эзекиил, конечно, мудростью никогда не блистал, но ведь не может же быть доживший до его лет демон НАСТОЛЬКО идиотом? Правда ведь не может?

День второй

Ангел

Где-то на Земле

Около восьми часов вечера

Весь последующий день, несмотря на аврал на работе, я просто летала. Как ни странно, но вчерашнее знакомство здорово меня взбодрило. В трущобах мне тоже несказанно повезло. Во-первых, я нашла там заблудившегося мальчика и помогла ему добраться домой, что очень кстати, потому что, попадись он криминальным авторитетам, еще одна душа была бы потеряна. И еще в тех же трущобах мне удалось повлиять на подрастающего воришку и даже заронить в его юную душу огонек добра. На этом, посчитав свой долг выполненным, я направилась назад в рай.

Благодарение небесам, никаких демонов за время своей прогулки в трущобах я не встретила. Правда, на всякий случай Литейный переулок я обошла дальней дорогой. Уж очень мой собеседник был убедителен! И вообще, что мне там делать? На бандитские игрища любоваться?

Кстати, зря, наверно, не зашла. Ведь, если верить моему собеседнику, демоны так и рвутся в трущобы. Но нет, не было там никого! Что еще раз доказывает, что этот ДемонЮга никакой не демон, а обычный человек. Но, блин, какой интересный! Вот бы с ним в жизни встретиться! Прости, Господи, за грешные мысли, это все дедушкина кровь сказывается!

А на небесах был аврал.

Темные у себя внизу здорово напортачили, чем одновременно и порадовали и огорчили всю нашу небесную канцелярию.

Кто-то у них, скорее всего новичок, придумал убить мафиози, который вот уже столько лет был верным сподвижником темной стороны и нашей головной болью. В общем, этот старый гангстер умер в бандитской разборке. Со стороны это смотрится как торжество справедливости, добра и света. В общем, как Божие возмездие. И благодаря данному случаю за последние несколько часов у нас значительно увеличилось количество раскаявшихся душ.

Проблема лишь в том, что этот самый мафиози попал к нам! А все потому, что прикрыл собой дочку от пули. Сейчас его случай у нас на суде вторые сутки рассматривают. И вроде как тот бандит засранец большой был: столько жизней загубил, да вот только невинную душу спасти пытался, самопожертвование устроил. Да и его девочка плачет, просит папу с ней оставить. Святой Павел тоже за воссоединение семьи голосует. Петр с Михаилом рвут и мечут, а противопоставить ничего не могут.

А вот Лука, паразит, воспользовался всеобщим замешательством и под шумок пытается за мной ухлестывать. И все какие-то шибко ароматные лилии дарит, я их запаха терпеть не могу. Все небеса провоняли! Р-р-р!

Спустившись на землю перед своим домом, я с наслаждением вдохнула загазованный городской воздух. Все ж лучше, чем те лилии!

Взбежав по лестнице, почти трясушимися руками открыла квартиру и слитным прыжком кинулась к компьютеру. И что со мной этот ДемонЮга делает? Вот никогда бы не подумала, что так побегу домой!

О! В чате он как раз был. Ура! Сама удивляясь своему волнению, я торопливо набросала сообщение и с замиранием сердца стала ждать ответа.

Демон

Мир Земля. Территория русского этноса

Протекторат Эрательо (Центральная Россия)

20.07 местного времени

Выйдя из портала, я притопнул копытом и с раздражением отшвырнул истершийся кнут с обломанными почти под корень шипами. Похоже, надо будет опять составлять заявку в головной офис, а то с этими крестинами у меня так скоро все запасы табельного оружия закончатся!

Нет, это ж надо быть таким идиотом! А я еще не верил, что подобная дурость вообще возможна! И как этот Эзекиил в начальники отдела пробился? Божьим попущением. Точно им. Не иначе пернатые подсустились, протолкнули своего диверсанта!

Я глубоко вздохнул и медленно, со свистом выпустил воздух.

Отдыхать. Хватит нервничать. Все равно сейчас уже ничего не поправить. И вообще, во всем плохом надо находить что-то хорошее. Например, теперь у меня есть командир для нового отряда смертников. А светлячки... Ну и что, что в этот раз они из-за этого придурка меня обошли? Ничего страшного. Не так уж и велики потери. К тому же «сюрприз» уже практически вызрел. Завтра в заботливо подготовленный нами монастырь должна прийти полиция с проверкой поступившей жалобы. Ух, как все завертится! Урожай душ должен быть просто рекордным!!!

Нет, ну какая все же сволочь этот Эзекиил! Отвлечься! Надо срочно отвлечься! А то я сейчас тут все разгромлю. Потом ведь жалеть буду, даром, что ли, я столько времени этот дом по своему вкусу обустроивал?

Может, с ангелочком этим снова списаться? Поболтать? Вчера она меня здорово развеселила своими рассуждениями. Может, и сегодня получится?

Ну-с... О, она в чате!

Ангел007 (20:22):

— Привет!

Совсем замоталась, перевели на канцелярскую должность секретарем в суде. Приходится работать в несколько смен. Наши конкуренты прокололись, и к нам попало много народу, половина из них к нам вообще не относится!

А ты как?

ДемонЮга (20:27):

— Злобствую. Нет, реально! Третий кнут поменять пришлось! Этот Эзекиил, чтоб его ангелы благословили, ТАКООООЙ идиот!!! И задница у него бронированная. Пока до его совести достучался — два кнута пришлось выбросить. Он мне такую комбинацию поломал, сволочь!

В общем, устал как черт. Нет, больше... Намного. А если кто из чертей с этим не согласен — запорю, скотину!!!

Ангел007 (20:28):

Интересно, что ж у него на работе произошло, что бедный мальчик в таком раздрае? Сисадмин им, что ли, компьютеры повесил? Или еще что? В принципе, кто их, человек, знает. Мало ли какие неприятности можно на работе отхватить?

Ну а если Эзекиил такой гад, может, его действительно благословить? Он тогда вмиг более добрым и ответственным станет. Благословение ангела — это ого-го! И в жизни везет, и в любви, а в результате и человек лучше становится. Да и злостика моего надо остановить. А то еще чего проклянет обидчика в расстроенных чувствах. Что мне потом делать?

Ох, как я уже об этом человечке забочусь. Обаятельный, гад!

— Ты не злобствуй, ты дыши спокойней! А хочешь, я твоего Эзекиила на самом деле благословлю? (*Смайлик* .)

Что он вытворил, если не секрет?

ДемонЮга (20:37):

— Я его благословлю!!! Кнутом вдоль хребта! И уже благословил неоднократно! Этот сволочь, чтоб его, купил душу какого-то придурка, пообещав привести недальновидного гаденыша к власти. И это мой слуга, демон со стажем! Не придумал ничего лучшего, как возвеличить свое «приобретеньище», устроив гибель его начальства в бандитской разборке. А тот начальник таким ценным кадром был! Какой экземпляр коварства! Наша душа!!! Сколько тот бандит нам пользы принес! Просто песня! Матерый был человечисще...

Но это-то ладно... Застрелили бы только его, катастрофы не случилось бы. Все равно в наши пенаты отправился. Но этот дуболом (я про Эзекиила) ухитрился найти какого-то не менее тупого киллера, который и стрелять-то не умеет. И пули вместо нашего парня полетели в его племянницу! А бандит, не будь дурак, шансом и воспользовался. Прикрыл ее собой. Ну и получил — «смерть за други своя», и автоматом (во всех смыслах; Эзекиилов придурочный киллер из калаша палил) — к конкурентам.

Такую перспективную душу потеряли!

Ангел007 (20:41):

Хм, как врет! Как врет! И самое смешное, что его вранье сильно совпадает со случившимся. Скорее всего, он это все в газетах прочитал. С другой стороны, мне теперь можно не врать.:) Ладно, скажем правду. Все равно как игру воспримет.

— Зато мы теперь не знаем, что с вашей душой делать! И вроде как засранец большой: столько жизней загубил, да вот только невинную душу спасал, жертвуя собой. Да и дочка просит Всевышнего разместить ее в раю вместе с папой и мамой. Не помогла жертва бандита — пули прошли навылет. Святой Павел поддерживает идею воссоединения семьи, а архангелы Гавриил и Михаил нет. А вот святой Лука под шумок ухлестывает за мной и все какие-то лилии дарит, а я их запаха терпеть не могу. Эти цветы все небеса провоняли! Р-р-р!

Ну да ладно с этим. Ты часом не знаешь, как от навязчивого поклонника избавиться?

ДемонЮга (20:52):

А классно девчонка подыгрывает! Будь она ангелом, крылатые и впрямь бы с такой проблемой столкнулись. Да и случай достоверно описывает. Похоже, она о происшествии в местных новостях сюжет посмотрела, иначе бы не называла девчонку его дочерью. Ну и что, что его жена ее родила? Так ведь от его брата, а не от него! Но об этом ни газетчикам, ни самому Воронцову неизвестно было, так что и она, соответственно, знать об этом не может. Об этом, кроме матери девчушки, только мы да пернатые и знаем. Хотя... Вполне возможно, что и мамочку тоже можно вычеркнуть. Нет у нее твердой уверенности, кто отец ребенка.

— Отвадить навязчивого поклонника? Элементарно! Тебе как, радикально или временно? Если радикально, могу посоветовать рецепт хорошего яда. Проверено опытом. Хоть людей, хоть ангелов валит только так.

А если временно, то могу выслать огневодки. Пара капель в стакан вина (больше не надо, она на людей и ангелов чересчур сильно действует) — и в течение суток твой ухажер будет с большим увлечением «играть в свинью», в смысле, валяться в грязной луже. Ну а потом ему будет стыдно поднять на тебя глаза, не то что домогаться.

Ангел007 (20:57):

Да ты и впрямь искуситель! Меня ж за такое решение своих проблем засудят! Вот что значит человек, совсем небесного нашего мира не знает!

— Ага! А мне потом за спаивание святых еще один грех припишут и в низы пошлют! Нет уж! Давай что-нибудь погуманнее!

ДемонЮга (20:59):

Хм... А интересная задачка. Способ отвадить от девушки поклонника, максимально щадящий для его организма. Что тут можно сделать? О, идея! И поклонник счастлив, и ангелочку хорошо! Да и я кой-какую выгоду получу. Надо же! Если хорошо подумать, то и добрые дела могут приносить выгоду! Стоит запомнить!

— Ну, могу суккубу прислать... Она его в твоём облике встретит и так «отлюбит», что у него потом еще лет сто при одной мысли о тебе все органы начнут расслабляться.

Ангел007 (21:00):

Ну, спасибо! Да меня ж потом из рая за такой разврат выкинут! Ну человек! Ну, придумал!

А вообще странно, что он девочку племянницей называет, а не дочкой. Хотя, если подумать, малышка-то фактически родилась от его брата. Жена изменяла мужу. Но поскольку наш клиент ее вырастил и воспитывал, заботился о ней и даже пожертвовал жизнью, пытаюсь ее спасти, то именно он и отец, вне всяких сомнений! Суд небесный постановил это, а остальное — неважно. Отец не тот, кто зачал, а тот, кто вырастил и воспитал.

Но все же интересно, откуда этот тип знает о такой пикантной подробности. Впрочем, не мое это дело. Вот такой у меня собеседник, осведомленный!

— Ага! А что обо мне прочие ангелы подумают, ты представляешь?! Да ко мне ж тогда целая очередь авантюристов выстроится! Или вообще меня выгонят!

Ладно, если демоны ничего гуманного предложить не могут, будем своими мозгами думать.

А чем ты любишь в жизни заниматься?

ДемонЮга (21:12):

Ну вот... Отказалась. Видимо, не учел чего-то. Что тогда предложить можно? О, идея! А что, если пригласить ее на свидание? Девочка она, судя по портретам, красивая, общаться

с ней интересно... Да и вообще... А уж при личном общении если кто к моей добыче вздумает свои грабки протягивать, то уж я-то их пообломать сумею. И все будет полностью в рамках человеческой морали, которой этот ангелок так строго придерживается. Решено! В конце концов, я же решил ее защищать? Решил. А при близком контакте это делать куда удобнее!

Так. С этим разобрался. А чем я увлекаюсь? Ну, люблю пакости светлым строить... Но это работа. Чем еще? О! Как раз и подведем к свиданию.

— Да много чем... Девушек люблю, к примеру... Покушать вкусно опять-таки...

А насчет твоих поклонников. Так есть прелестный в своей гениальности метод. Ты можешь заявить, что уже занята. Это если тебе что-то гуманное надо...

Ангел007 (21:20):

Нет, ну, какой искуститель! Прямо профессионал!

— Ага! У тебя все просто! Забыл, что ангелы не лгут?

ДемонЮга (21:30):

— А зачем лгать? Давай как-нибудь встретимся? Вот это и не будет ложью.:)))

Ангел007 (21:37):

А шустрый индивид, однако! И хитрый какой! Я уже начинаю склоняться, что он и впрямь темный! Впрочем, почему бы не сходить со смертным на свидание? Будем считать, что это рабочий рейд, который должен обеспечить приток новых светлых душ. Впрочем, себе можно признаться, что как альтернатива Луке этот человек очень даже котируется!

— Значит, ты меня на свидание приглашаешь? А не съешь?

ДемонЮга (21:41):

Хм! Предусмотрительная! И не дура. Это мне нравится. Ну, о том, что я решил ее беречь, говорить не буду, а то на шею сядет и ножки свесит, однако пообещать, что не стану ее есть, можно. Так и так ведь не собираюсь. Будь она даже настоящим ангелом... Да. Даже в этом случае не стал бы. Ангелы, они, конечно, вкусны, но это же на один раз... Съешь, и все. Удовольствие окончено. А болтать можно долго! И не только болтать, если она и впрямь такая хорошенькая, как на портрете.

— Не бойся, не съем. Мне с тобой общаться куда интересней. Ведь если сожру, то потом беседовать не получится. Так что не волнуйся, потерплю... *(Подмигивающие смайлики.)*

Ангел007 (21:52):

Ну-ну! Бабушка говорит, у меня фигурка очень даже аппетитная! Хотя чего это я? Этот комплимент, наверно, не к еде относится.

— Ну, хорошо. Ты знаешь на земле какое укромное местечко?

ДемонЮга (22:03):

— Как насчет ресторана? Тебе китайская кухня нравится? В «Пекинской Утке», на мой взгляд, весьма неплохо кормят!

Ангел007 (22:05):

А ты действительно гурман! Как хорошо, что ангелам проблемы с фигурой не грозят! Готовься удивиться, в отличие от человеческих девушек, ем я много и на калории не смотрю. Так что утку мы с тобой однозначно слопаем!

— Ну давай. Когда и во сколько?

ДемонЮга (22:15):

Так... А что у нас на завтра? Сюрприз у нас завтра сработать должен, и надо проследить, чтоб пернатые его работе не помешали. Оно, конечно, вряд ли, такое без долгой подготовки не разгребешь, однако... Осторожность лишней не бывает. Ну и сколько мне там отираться? Та-ак... Часам к шести вечера-то уж точно переломная стадия, закончится. А дальше — пусть себе суетятся, все равно ничего серьезного сделать не смогут... Значит, к шести буду свободен. Накинем еще час на всякий пожарный...

— Завтра. Часиков в семь вечера. Раньше, наверно, не успею. Дельце у меня еще одно запланировано.

Ангел007 (22:16):

Ну с Богом!

— Хорошо. Договорились. До встречи. Как мне тебя узнать?

ДемонЮга (22:19):

И чего спрашивает? Я ведь ей портрет кинул! Причем именно в человеческом обличье!

— О, меня ты узнаешь сразу. Я ж тебе портрет свой выслал. Впрочем, чтоб ты не нервничала, даю приметку. Не думаю, что в этом ресторанчике будет много людей с кровавыми пентаграммами на одежде. А как я тебя определю? Твой портрет с оригиналом коррелирует?

Ангел007 (22:20):

Нет, ну каков наглец! Еще и усомнился! Хотя прикольно, что высланный портрет совпадает с реальностью. Интересно, долго ли фотошопил? Будем надеяться, я о своем походе не пожалею, и нас за неподобающий наряд не выпрут.

— Конечно, коррелирует! За кого ты меня принимаешь! Впрочем, я надену... Слушай, а я пока не знаю, что я надену:)

Вот только ты мне объясни, как пентаграммы со смокингом уживаются, а? Может, ты цветы какие возьмешь? Не лилии, я надеюсь!

Нет! Ну, это ж надо! Меня в ресторан пригласили, а у меня, ангела, вечная женская проблема: я не знаю, что надеть! Блин! Это ж надо по магазинам пробежаться, платье, туфли найти. Нет в жизни совершенства!

ДемонЮга (22:26):

Смокинг? Ну уж нет! На такие жертвы ради какой-то человечки я идти не собираюсь! Терпеть не могу подобных нарядов! Хватит! В девятнадцатом веке наносился! Но тогда-то выбора не было! А сейчас — есть!

— А при чем тут смокинг? Между прочим, знаешь, как муторно доспех под смокинг зачаровывать? От веку в косухе среди людей ходил... В смысле, с начала двадцатого века. Вот за что я большевикам благодарен, так это за то, что после их прихода в кожаной куртке в любой ресторан спокойно зайти можно. А в двадцатых годах так еще и чуть ли не красную дорожку расстилали... Куда там всяким смокиngoносцам!

«Кожаная куртка, красная звезда, на боку мой маузер, я иду сюда...» Эх, хорошее было время...

А цветы... Люблю красные гвоздики и черные тюльпаны. Тебе что больше нравится?

Ангел007 (22:28):

Так, намекнем ему о розах. Впрочем, тюльпаны я тоже люблю, особенно черные.

— *со слабой надеждой*: А розы девушке никак? Хотя ладно, черные тюльпаны все ж лучше, чем лилии. Договорились.

ДемонЮга (22:30):

— Ок, жду... А розы... На первой встрече... Фи, какая райская пошлость... Еще небось

и розовые? Нет, до такого я никогда не опущусь!

Ангел007 (22:35):

Тьфу-тьфу-тьфу-тьфу, упаси Господи! Свят! Свят! Свят!

— Ненавижу розовый цвет. Можно и черные.

ДемонЮга (22:40):

Интересно, знает ли она, что черных роз на Земле не существует? Те сорта роз, что известны под таким названием у людей, — жалкая подделка темно-бордового или темно-фиолетового цвета. Впрочем, подобные пристрастия надо поощрять. Возможно, что в ней и впрямь есть небольшая примесь нашей крови. Иначе с чего бы подобные нестандартные запросы? А черные розы... Будут ей черные розы. Настоящие! В конце концов, демон я или погулять вышел?

— Ха!!! А есть, есть в тебе и вправду наша кровь! Договорились. Будут тебе черные розы!

ДемонЮга (22:41):

— Ну ладно. Удачи. До завтра.

Ангел007 (22:42):

— До завтра:)

Ангел

Надеюсь, у нас выйдет интересный вечерок. Отключившись от нета, я с легким сердцем побежала спать.

Демон

Улыбнувшись, я закрыл ноутбук и, взяв напильник, принялся за заточку затупившихся шипов кнута. Настроение было отличным, и даже не вовремя вернувшиеся воспоминания о допущенной Эзекиилом промашке не смогли пробиться через охватившее меня радостное предвкушение. Завтрашний день обещал быть просто невероятным. Мало того что я учиняю просто грандиознейшую пакость светлякам, что само по себе повод для радости. Так еще и смогу познакомиться поближе с весьма и весьма забавной представительницей человеческого рода, обладающей воистину уникальным умением поднимать настроение расстроенным и озлобленным демонам.

Ну и вдобавок ко всему будет весьма любопытно полюбоваться на впавшего в бешенство Азраила. Ведь он так печется о своем садике... Ха. Ха. Ха.

Да, всегда приятно издали понаблюдать за постигшими кого-то неприятностями, особенно если ты приложил к этому свою черную волосатую лапу. Заранее предвкушаю, как он будет сыпать угрозами и оскорблениями, как будет долго и упорно искать виновного...

Что? Вы не поняли, по какой причине он так расстроится? Ну... Я же обещал ангелочку НАСТОЯЩИЕ черные розы... А Азраил так увлечен цветоводством и уже давно не обновлял защиту вокруг своего сада. Интересно, когда он вычислит, что это был я, решится ли он на поединок, или сделает вид что так и не нашел вора? Хорошо бы решился... Будет очень недурственно отхапать у него пару-тройку когорт падших ересиархов в качестве выкупа за жизнь... Мне бы тут они очень дажегодились!

День третий и заодно уж четвертый

Ангел

Где-то на Земле

Около десяти часов утра

Утром следующего дня я проснулась удивительно бодрой и воодушевленной. Ведь надо было еще успеть пробежаться по магазинам, купить платье, подобрать к нему туфли, определиться с прической, макияжем — и, ах да, на работу-то надо явиться. Совсем забыла. Весна, что ли, началась?

Увы, но, несмотря на ангельские способности, покупки у меня заняли довольно много времени. Определившись с платьем и полюбовавшись на себя, заскочила домой, забросила вещи и буквально взлетела на небеса.

Там, к моему великому ужасу, царили хаос и беспорядок. Оказывается, пока я носилась по магазинам и пребывала в мечтах, темные успели устроить в нашем городском монастыре какую-то пакость. Пакость, по всей видимости, была очень серьезная и сильно дискредитировала местных служителей Божьих, поскольку все носились как наскипидаренные и разговаривали хоть и вежливо (рай все-таки), но ТАКИМ тоном!!!

В общем, мои коллеги в срочном порядке решали возникшие трудности.

Ну а меня, не знаю с чьей подачи, перевели в секретари к Луке. Хотя почти уверена, что он сам это и организовал. Поэтому весь оставшийся день мне пришлось туго. Мало того что приходилось постоянно избегать его ухаживаний и, прости Господи, этих адских лилий, так еще я оказалась в каком-то информационном вакууме. От запаха цветов у меня разболелась голова и, похоже, стала проявляться аллергия.

Когда я собралась вечером направиться на Землю, Лука не отпустил, сказав, что много работы и придется трудиться сверхурочно. В чем заключался мой труд, я так и не поняла, потому как мне весь оставшийся вечер пришлось просидеть в окружении лилий, размышляя, не попала ли я случайно в ад.

В девятнадцать ноль-ноль мое сердце екнуло и горестно сжалось, но приказ есть приказ. После этого времени я сидела как на иголках, мечтая поскорее добраться домой и рвануть либо в ресторан, либо в Интернет.

В полночь меня тянуло уже только к Интернету, так как ужин, по-видимому, давно закончился. Эх, и что же мой человек подумает? А я так хотела с ним встретиться! Обидно-то как! В какой-то момент мне захотелось, прости Господи, слопать Луку, но, к счастью, я подавила в себе оный кровожадный порыв. Это все дедушкина наследственность! Я уверена!

К утру я потеряла всякую надежду на благополучный исход, но ничто не длится вечно. После темных полос следуют белые, которые всегда длиннее.

Я опрометью рванула на Землю. Если кто из соседей и заметил мой необычный приход, это их проблемы. Сейчас для меня главным было добраться до Интернета. Увидев в чате знакомый ник, я чуть не взвыла от радости. Аве Мария! Как хорошо, что поздним утром он еще здесь! Кажется, поджидали меня, потому как не успела я набрать приветствие, как мне отписались первыми...

Демон

Мир Земля. Территория русского этноса.

Протекторат Эрательо (Центральная Россия)

17.00 местного времени

Да! Да!! Да!!! Ох, давно я не испытывал такого удовольствия. Пернатые влипли по полной программе, прозевав не только момент срабатывания подстроенного нами сюрприза, но и определенное время после, когда они еще могли бы попробовать хоть как-то минимизировать полученный урон. Так что мне даже вмешиваться-то не пришлось. Понаблюдав из укрытия за суматохой светляков, точно стая вспугнутых ворон, носящихся над монастырем, я с отличным настроением приступил к выполнению второй части намеченной на сегодня развлекательной программы, а именно — грабежу Азраила.

Там тоже обошлось без сюрпризов. Защиту его сада взломать не составило труда — ну да впредь урок: не надо пользоваться стандартными плетениями! Если уж так хочется защитить что-то для себя важное, так уж будь любезен, потрать немного времени на персональную разработку! Короче, я старательно надрал целый веник иссиня-черных цветов,

после чего, едва удержавшись, чтобы не оставить на стене свой автограф, отправился в ресторан. Признаться, искушение подписаться под содеянным было довольно сильным, но я его героически преодолел. Все же оставлять подпись было бы уже перебором. Вдруг этот цветовод-любитель еще догадается, что мне нужна дуэль, и не станет вызывать? Нет уж! Так что расписываться я не стал. Пусть по косвенным признакам вычисляет. Их я оставил немало, даже этому придурку хватит, чтобы догадаться, чьи лапы его ограбили!

А вот тут-то меня и поджидал облом. Ни в семь, ни в семь пятнадцать, ни даже полвосьмого «ангелочек» в ресторан не явилась. Надо сказать, это меня несколько разозлило. Впрочем, несильно. Во-первых, уж сильно радужным было мое настроение после удавшейся на все двести процентов пакости, которую я подложил светлым.

А во-вторых... Какой изящный обман! Я, как настоящий демон, просто не мог не оценить всю красоту учиненной ею гадости. Будь я человеком, наверняка бы сильно расстроился! Нет, похоже, девушка на самом деле не лгала о том, что имеет некую примесь нашей крови. А вот то, что она не ангел, сейчас можно считать абсолютно доказанным. Ангелы на такие пакости просто физически не способны!

Так что, прождав ее до восьми часов и в полном одиночестве доев утку (кстати, весьма удачную), я отправился на работу выписывать себе наградной лист, составлять заявление на премию себе любимому и заявку на повышение в ранге в связи с удачно проведенной операцией по глобальной дискредитации стратегического противника.

Окончив эти важные и, чего уж там, весьма приятные хлопоты, я уже совсем было собрался домой, однако на свою беду наткнулся взглядом на сиротливо валяющийся у вешалки веник из черных роз. «Не пропадать же добру», — решил я, вручая его своей секретарше. И чем я тогда думал? Впрочем, в какой-то мере это была неплохая подстраховка. После этого, учитывая любовь Ашторет к стукачеству, я мог на все сто процентов быть уверен, что к концу завтрашнего дня Азраил уж наверняка будет в курсе, кто обнес его цветник.

Увы, в своем плане я не учел одну маленькую деталь — понятно какую, если следующие десять минут мне пришлось отбиваться от одной не в меру озабоченной сук...кубины, сиречь демоницы, по несчастному капризу судьбы являющейся моей секретаршей. Мои слова о том, что данный подарок вовсе не является каким-то намеком и что со своими сотрудниками я предпочитаю сохранять исключительно деловые отношения, она пропустила мимо ушей, старательно пытаюсь изнасиловать меня прямо на заваленном заявками секретарском столе.

Наконец мне все же удалось освободиться, и я стремительно телепортировался домой, не забыв намертво перекрыть туда доступ для посторонних весьма качественным защитным заклинанием моей собственной разработки. Разумеется, его немедленно попытались взломать. Ха! Я вам не Азраил! Мои заклятья так просто не сломаешь!

Включив Интернет, я зашел в чат. Разумеется, Ангел007 отсутствовал. Ну, это естественно, кто же после хорошей пакости сразу начнет общаться? А вот завтра она наверняка будет в доступе. Ну что ж. Завтра у меня заслуженный выходной, можно будет и поболтать. Пожалуй, стоит притвориться обиженным. Пусть наслаждается, стервочка.

Решив так, я лег спать.

Наутро, проснувшись довольно поздно, я первым делом включил ноут и, набросав сообщение пока еще отсутствующей девчонке, отправился завтракать. Я уже допивал кофе, когда компьютер тихо пискнул, оповещая о появлении в сети моей собеседницы. Улыбнувшись и заранее предвкушая наслаждение от взаимного обмена колкостями, руганью и обвинениями, я поспешил к своему месту и нажал «ввод», отсылая подготовленное послание. Интересно, как ей понравится такая колкочка?

ДемонЮга (10:15):

— Ну и где ты была? Между прочим, меня из-за твоей неявки секретарша вчера вечером едва не изнасиловала. Невесть что себе вообразила, когда я ей невострєбованный

тобой букет подарил...

Ангел007 (10:18):

Что?! Пока я там мучилась, мой букет получила другая женщина?! Секретарша?! Убью обоих! Ох, кажется, во мне проявляются дедушкины гены. Так, дышим спокойно, не хватало мне еще облезлокрылой ходить!

— МОЙ БУКЕТ КАКОЙ-ТО СЕКРЕТАРШЕ?! Убью твою секретаршу!

Ты извини, у меня вчера загруз на работе был. Такая запарка, что начальство никого не отпустило. Вот уже сутки от последствий разгребаемся. Конкуренты редкую гадость учинили, просто кошмар!

ДемонЮга (10:19):

Убьет Ашторет? Она это всерьез? Вряд ли. А жаль! Я бы многое отдал, чтоб от этого дятла в мини-юбке избавиться!

— Тебе ее адресок дать? Все равно надоела хуже горькой редьки, суккуба озабоченная. К тому же начальству на меня стучит регулярно...

Ангел007 (10:21):

Дать ли мне адрес твоей секретарши?! И ты еще спрашиваешь?! Конечно, дать! Я с ней разберусь! Поверьте, даже ангелы воюют! И женщины-ангелы не исключение. А проверить его секретаршу, можно сказать, мой священный долг. А вдруг она великая грешница, которую нужно срочно покарать, дабы не случилось чего-то вроде вчерашнего? Бдительность должна быть на высоте! Или вдруг она и впрямь окажется суккубой...

А что, бывает такое. Маскируются эти твари просто замечательно. Недаром же мой собеседник, в чьей проницательности я уже не раз успела убедиться, ее постоянно суккубой называет? Очень может быть... Я же тогда одним махом двух зайцев убью: и соперницу устранию, и премию от начальства заработаю.

— Вот же гадина! Давай, я на нее рейд ангелов натравлю!

Ангел007 (10:23):

А может, мне и с моим человеком все еще получится мирно уладить? Ох, небеса, помогите!

— Слушай, раз нам вчера не удалось, может, сегодня встретиться попробуем?

ДемонЮга (10:25):

Рейд ангелов... Эх, неплохо было бы. Только вот как она это сделает? В церкви помолится, что ли? Кстати, вполне может и сработать. Почему бы и не дать ей адрес? Терять-то я ничего не теряю, а если и впрямь пернатые Ашторет за мягкое место прихватят — о лучшем и мечтать-то невозможно. И главное, я абсолютно вне всяких подозрений!

А насчет встретиться... Ну, она меня развлекла. Теперь моя очередь. Тем более кормят в «Утке» действительно вкусно. С ангелятиной, конечно, сравнить нельзя, но для обычной пищи — очень даже... Так что соглашусь, пожалуй. Все равно сегодня делать нечего. Интересно, а что она про свое вчерашнее отсутствие соврет?

— Лови адрес моей секретарши: ул. Булгакова, дом 66, квартира 13.

А насчет того, чтобы встретиться... Ну, можно будет сегодня. У нас вроде ничего пока не планируется. Вчера такое дельце провернул — пальчики оближешь. В ближайшее время жду от начальства благодарность в приказе. А может, даже и в ранге повысят...

А что у вас за запарка-то такая приключилась, что ты прийти не смогла?

Ангел007 (10:33):

Хм, похоже, он действительно рад перспективе избавиться от секретарши. Ну а уж как я рада — не передать словами. Надо будет попросить пророка Елисея заглянуть к ней с

проверкой. Он, конечно, святой, но суро-о-ов!!! Чуть какое отступление от правил поведения, в Ветхом Завете прописанных и при его жизни соблюдавшихся, так покарает, что ой-е-ей! А эта Ашторет — дама, похоже, нрава весьма свободного. Так что... Ой, прости меня, Господи! Это не я интригую, это все кровь дедушкина вынуждает.

Но Елисея я все же попрошу на этот адресок наведаться. Скажу, что по оперативной информации там суккуба оказаться может.

Э-эх... и на что меня этот демонюга толкает? Прямо не человек, а настоящий искунитель. Впрочем, за правила рая я пока не выхожу. Ведь он сказал, что она суккуба? Сказал. Информация это? Информация. Значит, надо проверять!

И то, что вновь встретиться решил, меня очень порадовало. Значит, понял, не обижается. Спасибо, небеса! Спасибо тебе, Всевышний!

— Отлично! Можешь искать себе новую секретаршу! Это я тебе как ангел авторитетно обещаю!

А не пришла я, увы, из-за рейда на монастырь. Противники наши, сволочи, опять поганое дельце учудили, со скандалом жутким, пришлось в спешном порядке спасать, кого можно спасти, и вести расследование, откуда у проблемы ноги растут. Ты извини, мне дальше нельзя распространяться. Служебная тайна.

ДемонЮга (10:38):

М-да... Зря я, похоже, на девочку обижался. Что-то я как-то не подумал, что она в полиции может работать. Интересно, она следователь, опер или из прокурорских? Ладно, увижу на свидании. А вообще, следует учитывать на будущее в своих расчетах, что при таких мероприятиях не только перьяносцам пакость идет, но и у людей переполох знатный побочным эффектом выходит. Похоже, у меня перед ней должок образовался непредвиденный. Придется снова садик Азраила на черные розы разорять...

— А ты что? Где-то у доблестных правоохранителей трудишься?:)))) Ну ладно, не буду допытываться...

Ангел007 (10:41):

Работаю ли я в полиции? Хуже! Я работаю в раю!

— У правоохранителей, говоришь, работаю? Ну, в целом можно и так сказать.

А вообще, думай о том, что я ангел. Так иногда хочется почувствовать себя хрупкой и беззащитной. Ну что? Стрелка на том же месте и в то же время?

ДемонЮга (10:43):

Ну вот и отличненько. Согласен с ее предложением.

Да, нравится мне китайская кухня, нравится! Чем-то она нашу национальную напоминает. Но вот напомнить человечке о том, что неплохая в общем-то шутка при повторении уже далеко не так смешна, пожалуй, стоит.

— Давай так... Но если ты снова не придешь, придется мне убить всех, кто там в это время будет находиться! Так и знай, что ты в их гибели виновна будешь! Я смертных зрелищем чудака в черной куртке и с букетом черных роз, два раза ужинающего в одиночестве, смешить не намерен!

Ангел007 (10:45):

Чтоб я не пришла! Да я прилечу; правда, тебе это знать не обязательно. Милый, поверь мне, я там буду. Тем более что платье и туфли купила.

— Хорошо! В этот раз буду, ну а если начальство опять куда послать захочет, я так ему твои слова и передам:). И я уже придумала, что надену. Жди меня в длинном красном платье. Будем эпатировать публику.

ДемонЮга (10:46):

— Ха-ха! Договорились! Эпатаж — это мне по душе.

Ангел007 (10:47):

— Ну что ж, пошла чистить перышки; иди полируй чешую.

ДемонЮга (10:47):

— Обижаешь! Она у меня еще с вечера потускнеть не успела!

Ангел007 (10:49):

Ого! Так он готовился! Даже чешую отполировал. Тьфу, то есть прихорашивался. Прекрасно!

— Ну, как я могу обидеть? Я же ангел! (Хоть и с примесью темной крови). Ну что ж, до встречи, блестящий и чешуйчатый друг.

ДемонЮга (10:50):

— До встречи, ангелок. (Смайл .)

Эпилог от ангела

Я вошла в ресторан. Посетителей было немного, спиной ко мне за столиком у окна сидел широкоплечий брюнет в кожаной куртке с изображением пентаграммы на спине. Ага. Вот он, мой знакомец. Ничего так со спины. Я подошла ближе и положила руку ему на плечо:

— ДемонЮга?

Он обернулся, и я обомлела:

— Ты?!

— Ты?! — опешил демон, видя, что мы действительно не лгали друг другу. — Ты действительно ангел!

— Вот блин! — взвыла я. Влипла! Доигралась девочка! Встретилась с врагом, да еще без оружия. Я попыталась развернуться к выходу, но ДемонЮга вскочил и перехватил мою руку:

— Стоять! Договорились о свидании — значит, будет свидание!

— А есть меня не будешь? — озадаченно пролепетала я, осматривая его высокую фигуру. Мне с ним не справиться.

— Посмотрим, — ухмыльнулся демон, осматривая меня совсем недвусмысленным взглядом. Ангелы в раю так не смотрят.

— Ну ладно, — облегченно вздохнула я и села за предложенный столик. Кто знает, может, я наставлю одного демона на путь истинный и мне это зачтется?

ДемонЮга подозвал официанта и, вручив мне обещанные черные розы, сел напротив. Симпатичный, гад. Я взглянула в окно. На улице прямо перед рестораном какой-то пацан выхватил у старушки сумочку и побежал прочь.

— О! — обрадовался ДемонЮга, вскакивая. — Мой клиент!

— Стоять! — схватила я его руку. — Мы же договорились: свидание — значит, свидание! Забудь про работу!

Эпилог от демона

Долго ждать не пришлось. Только я успел сделать заказ и расположиться поудобней, прикидывая, с чего начну погром, если моя собеседница не явится после того, как я все доем, к моему плечу кто-то прикоснулся.

— ДемонЮга?

Я обернулся и едва удержался от атаки. Передо мной стояла ангел. Настоящая! Моя

левая рука, прикрытая от ее взгляда столом, уже нащупывала рукоять кинжала мрака, когда я наконец-то обратил внимание на изумление в ее глазах. Да и внешность стоящей передо мной ангелицы в алом платье полностью совпадала с портретом, который я получил по электронной почте. Похоже, это не ловушка, а моя загадочная собеседница и впрямь была ангелом!

— Ты? — Кажется, того, что я окажусь настоящим демоном, она никак не ожидала, и сейчас в ее глазах изумление постепенно замещалось ужасом.

— Ты? — все еще не выпуская рукояти кинжала, на случай если это все же западня, и усиленно сканируя местность на предмет наличия готовых к атаке небесных воителей, вопросом на вопрос ответил я.

— Вот блин! — взвыла девчонка, разворачиваясь на каблуках и готовясь дать деру. Похоже, это все-таки не ловушка. Вернув кинжал в ножны, я быстро вышел из-за стола и перехватил ее за руку. В конце концов, мне же обещали свидание! А я не из тех, кто упускает свое.

— Стоять. Договорились о свидании — значит, будет свидание!

— А есть меня не будешь? — Похоже, такой выходки она от меня не ожидала.

Разумная, надо сказать, настороженность. Ну не объяснять же ей, что я еще в первый день наших бесед решил, что интеллектуальное удовольствие от общения с ней будет повыше, чем возможное гастрономическое. К тому же любопытно мне с ней поближе познакомиться. Крайне желательно, учитывая ее внешние данные, максимально близко. Скажу прямо. Она меня куда больше интересует как женщина, чем в качестве бифштекса, котлеты или начинки для пирога.

Да и обещал я себе, что не буду ее есть, а, наоборот, возьму под защиту. А такие обещания я привык держать и исключения делать не собираюсь.

Разумеется, ничего этого я ей говорить не стал, а, ухмыльнувшись и обведя ее фигурку демонстративно-оценивающим взглядом, коротко буркнул:

— Посмотрим.

Но, кажется, она как-то догадалась о том, что вреда я ей не причиню, и, облегченно вздохнув, уселась у окна.

Впрочем, полностью напряжение не исчезло. Мы, демоны, к таким вещам очень даже чувствительны, и я видел, что кой-какие опасения у моего ангелочка все еще сохраняются. Что поделать. Здоровый и мудрый инстинкт самосохранения. Но сейчас мне это здорово мешало. Трудно получить удовольствие от свидания, если партнерша всерьез тебя опасается. Разумеется, если ты не извращенец.

Я извращенцем не был, так что настороженность девушки могла мне изрядно помешать. Впрочем... Кажется, я придумал, как это можно обойти.

Подозвав официанта и делая дополнительный заказ, я усиленно шарил мыслью по окрестностям, выискивая подходящую для моих целей личность. Вскоре таковая отыскалась.

Теперь вручаю розы, сажусь напротив... Взгляд в глаза, перевожу за окно... Все как в учебнике... Взгляд моей дамы следует за моим... и никакой магии! Так что я просто чуть подталкиваю найденного мной паренька, и тот, одержимый расpalенной мною алчностью, выхватывает у проходящей мимо старушки котомку и бросается наутек.

Я вскакиваю, изображая бешеный энтузиазм:

— О! Мой клиент!

— Стоять! — Ангел успевает схватить меня за руку. — Мы же договорились: свидание — значит, свидание! Забудь про работу!

Старательно отыгрывая сильное разочарование, я сажусь на свое место напротив нее. Что могу сказать... Своей цели я добился. Огонек страха в глазах моей собеседницы исчез, сменившись азартом, а здоровый инстинкт самосохранения, советующий ей держаться от меня подальше, умолк, полностью заглушенный не менее здоровым, но куда менее мудрым охотничьим инстинктом.

Ну вот, пожалуй, и все. Большого вам знать не следует.

Конец

P.S. (*набросано в спешке на следующий день после свидания*)

Ангелок — супер! Наши агитаторы, утверждавшие, что ангелы скромны и скучны всегда и всюду, особенно в постели, — лжецы.

Врут. Самым наглым и бесстыдным образом врут! Могу утверждать с полной ответственностью. Теперь мне это известно доподлинно. А может, просто никто до меня не догадывался разбудить в них охотничий инстинкт? Неважно.

Да... а секретарша моя сегодня на работу не вышла. Кажется, с ней случились крупные неприятности. И почему я этим не расстроен?

Азраилу тоже не повезло. В результате нашего поединка он лишился самого ценного, что у него было. Даже жаль бедолагу... немного. Он так трогательно любил свой садик... Но что поделать, если моя девушка обожает черные розы?

Вот теперь — точно *конец* !

P.P.S. (*от Ангела*)

Хм, бабушка была права. Надо слушаться старших.

А секретаршу точно не найдут, иначе не быть мне Ангелом 007. Пусть ищет теперь себе секретаря, иначе будет часто менять подчиненных, ибо я не потерплю женского присутствия около МОЕГО парня!

А вот теперь совсем-совсем точно — *конец* !

Алексей Глушановский

...Нас не оставят в беде!

Бывают на болоте такие окна — один неверный шаг на обманчиво надежную поверхность, и человек почти мгновенно исчезает, провалившись на огромную глубину. И нет даже шанса его вытащить, спасти, помочь, и только томительно-медленные волны расходятся по предательской трясине. Глубоки белорусские болота, и не растают они с попавшейся добычей. Был человек — отличный сапер, хороший боец и просто преданный друг Серега Кузнецов; жил, сражался, мечтал о победе — и вот нет его. Сухо щелкнул боек предварительно разряженного автомата, отдавая последнюю честь ушедшему.

Но самое страшное — это не гибель Кузнецова. На войне всякое случается. Были в отряде еще саперы, пусть и не настолько хорошие, но способные заменить ушедшего. Самым страшным была пропажа нескольких небольших брикетов, находившихся в его рюкзаке, который сейчас лежал где-то в глубине жадного болота. Взрывчатки больше не было. Совсем. Отряд возвращался из глубокого рейда, когда совершенно случайно натолкнулся на секретный объект. Уж больно хорошо замаскировали, гады! А взорвать его надо. Очень надо. Слишком много крови портила эта станция.

Но взрывчатки нет. Нет совсем. Ни грамма. И надо-то совсем немного, вот что самое обидное, но нет. Теперь уже нет. За время рейда группа израсходовала все, что было. Не осталось даже гранат. И патронов — по полтора рожка на человека. С таким боезапасом много не навоюешь.

Собственно, вся надежда группы до этого момента была лишь на отчаянный, самоубийственный рывок: прорваться к станции, пока расслабившаяся, целиком полагающаяся на свою и впрямь замечательную маскировку охрана не успела среагировать и

взорвать ее.

Шансы были. Недаром бойцы почти сутки пролежали в болоте, внимательно исследуя охраняемый периметр. Расслабились, расслабились охраннички, привыкли, что война — где-то там, вдалеке, и их не касается. На приборы свои хитрые во всем полагаются да на маскировку. Да только на всякий хитрый прибор русская смекалка найдется. Григорий Шестаков — Григ, как его прозвали ребята, твердо обещал, что без особых проблем проведет группу к самому забору так, что у этих ни один датчик не дернется. И ему верили. Да и как не поверить, коль он такое не раз уже проделывал, что с группой, что в одиночку...

Но сейчас прорыв становился бессмысленным. А значит, надо возвращаться. Пометить объект на карте, и ходу, ходу до базы. Три дня ходу. Группа находилась, как раньше говорилось, в глубоком тылу у врага. Пока доберешься, пока соберешься, пока вернешься назад. И никакой гарантии, что за такое время эти не решат в очередной раз перебазировать мобильную станцию. Уже сколько раз так нарывались. Не стоят станции подолгу на одном месте, не стоят! И если повезет такую встретить в рейде, то есть на это особый приказ — уничтожить немедленно и не считаясь с потерями. А как ее уничтожишь, если взрывчатки нет? Замкнутый круг!

— А может, у *этих* пошукаем? — Сержант Ваня Сидоренко, прозванный Сидром, отчаянным жестом махнул рукой вперед, в сторону проклятой станции.

До самого прорыва командир запретил приближаться к объекту, и сейчас группа рыскала в дальних безлюдных окрестностях станции, изучая пути отхода на тот маловероятный случай, если кому-то из них все же удастся уцелеть после прорыва. И вот. Доизучались.

— Как ты себе это представляешь? — насмешливо цыкнул зубом сержант Ваня Белый, в бою откликающийся на позывной Беляк. — Прошли мы, значит, за периметр и под огнем охранников начинаем сломя голову носиться по территории с криками «А где это у вас тут, гости незваные, взрывчатка лежит? Очень нам надо вашу станцию взорвать, а окромя ... ничего не имеем». Вот посмеются эти... А кто, кстати, стоит-то там?

— Судя по форме — бундесы, — откликнулся Григ.

— Вот твари! — зло сплюнул Сидр. — Мало им наши в сорок пятом наложили. За добавкой, значит, приперлись! Ничего, будет им добавка, будет и жаркое!!! Вон из России мы *этих-то* уже почти повсюду выпнули, сейчас Беларусь почистим, а там и сами к ним в гости придем... Так придем, не обрадуются...

— Да не... — отозвался Виктор Бузылев, прозванный Каром за характерную «воронью» внешность и повадки. — Бундесы как раз до последнего упирались, не хотели к нам лезть.

— Так и не лезли бы, коль не хотели, — пожал плечами Григ.

— Союзники потребовали «более активного участия Германии в миротворческой операции», пригрозив отлучить от трубы, — пояснил Кар, живо интересующийся политикой.

— А, ну раз союзники, тогда понятно... — вздохнул Сидр. — Вот и получают, сколько всем этим союзникам чего полагается. Небось затерли-то на рейхстаге надписи? Ничего, мы подновим! И не на одном только рейхстаге! А стирать их будет уже некому! — кровожадно оскалился потерявший при одной из «высокоточных» бомбежек всю семью Сидоренко.

Обычно строго пресекавший любую пустопорожнюю болтовню командир не вмешивался, понимая, что бойцам необходимо сбросить напряжение и смириться с мыслью о постигшей отряд неудаче. Алишер Мустафин — Шерхан, Батя, пожилой, немногословный татарин, вступивший в войну еще тогда, когда большинство людей еще ни о какой войне и не подозревало, участник освобождения Екатеринбурга, Самары и Москвы, устало присел на кочку, обдумывая возможные действия отряда.

Точнее, пытаюсь обдумывать. Все мысли как заведенные вертелись вокруг двух моментов. Первый был: «Станцию надо взорвать». Надо. Любой ценой и с любыми потерями. Шерхан был готов лечь в землю сам и уложить всех своих ребят, только бы уничтожить проклятую станцию, но... тут всплывал второй момент. Взрывчатки не было!!!

Но. Хоть есть взрывчатка, хоть нет ее, а СТАНЦИЮ НАДО ВЗОРВАТЬ!!! Такой шанс бывает слишком редко, и слишком много ребят, отличных, умных, веселых, ложатся в землю ежедневно из-за этой проклятой станции. А как весело будет на фронте, если ее все же удастся уничтожить. Ай, как хорошо будет...

Знай они местоположение, и начальство не пожалело бы бомбы — той самой, ядерной, только бы прикрыть эту станцию. Но те, у кого есть бомба, о местоположении станции не знают. А вот он знает, но бомбы у него нет. Да и не нужна тут бомба. Нужна взрывчатка, совсем немного. Нужна здесь, сейчас! Потом, через три дня, когда они дойдут до своих, уже будет поздно! Он чуял это всем своим телом, весь его опыт прямо кричал, что долго станция тут не простоят! А взрывчатки не было. И сделать было ничего нельзя.

— Возвращаемся, — окликнул он мрачных бойцов. Немедленно прекратились разговоры, и потерявший товарища отряд развернулся назад, по своим следам.

Выходя на прихотливо выющую между высоких сосен звериную тропинку, ведущую прочь от проклятого болота, Шерхан тоскливо прислонился жарким потным лбом к вековой сосне. «Как же так, как же так, — размышлял он. — Эх, была бы взрывчатка...»

Вспышка. Странная, невозможная вспышка под закрытыми глазами. И он уже не Алишер Мустафин, пожилой и опытный пес войны. Он молод. Ему всего семнадцать лет. У него есть оружие — старая, но надежная трехлинейка, сейчас лежащая у сиденья, и наган, куда как более удобный в кабине машины. И приказ. Приказ доставить боеприпасы. Доставить — любой ценой! После недели непрерывных боев полк отчаянно нуждается в пополнении боепитания. Патроны, гранаты, взрывчатка — вот чем набит кузов его машины. На них с напарником возложена эта важная задача. Они справятся! Они обязательно справятся!

Заросшая лесная дорога освещается светом единственной уцелевшей фары. Мелькнул слева большой, странной вытянутой формы, почти вросший в обочину валун... Война ранит не только людей, но и машины. Но двигатель старенькой полуторки гудит ровно. Валька уже свыкся с ней, надежной, ставшей буквально родной машиной. Он уверен — доедет. И получивший боеприпасы полк поганой метлой погонит фрицев прочь с родной земли!

Но что это? Стрекот. Такой знакомый и ненавистный стрекот в воздухе. За шумом машины он слишком поздно услышал врага. И мир пропадает, исчезнув в ослепительной вспышке.

Мир пропал. Но задача осталась. Он ДОЛЖЕН привезти боеприпасы отчаянно нуждающимся в этом бойцам. Они ждут его, ждут... И он привезет. Вот только дорога... Почему она такая длинная? И ночь все не проходит и не проходит? Вечная, бесконечная ночь и дорога... Но старенькая, побитая жизнью и осколками полуторка все так же успокаивающе гудит, освещая дорогу светом единственной фары. И он доставит боеприпасы тем, кто отчаянно в них нуждается для продолжения боя. Все равно доставит!

— Командир, смотри! — Тихий шепот Грига прервал странный полусон-полубред Шерхана.

Он непонимающе оглянулся, все еще не отойдя от странного видения. Метрах в пятистах впереди, прямо в лесу, упершись проржавевшим капотом в дерево, стояла машина. Точнее, нечто, когда-то очень давно бывшее ею. Полуторка времен Второй мировой.

— Как же это мы ее в прошлый раз не заметили? — изумленно спросил Сидр, непонимающе оглядывая местность. — Ведь здесь же проходили! Точно здесь. Вот и камень приметный. — Он кивнул в сторону огромного вытянутого валуна. — Не было ее тут. Не было!

— Здесь... — кивнул Шерхан. — Тогда не было, а теперь есть!

Он уверенным шагом направился к разбитой машине. К машине, едва заметно посверкивающей отражением рассветного солнца в единственной уцелевшей левой фаре. К машине, в кузове которой, среди прочего, он знал это точно, находятся настоящие

сокровища. В надежных оружейных ящиках, в промасленных свертках там лежат истинные драгоценности — толовые шашки, гранаты, мины и снаряды. Теперь он уже не сомневался: станция будет взорвана.

Проходя мимо разбитой пулеметной очереди кабины, Шерхан стянул с головы бандану.

— Спасибо тебе, Валька, — тихо прошептал он. — Спасибо, воин. Ты доставил свой груз. Теперь уже наша работа! — Пошарив под сгнившей рамой кузова, он вытащил на удивление сохранившиеся, будто совершенно новые оружейные ящики и, откинув крышки, весело крикнул бойцам: — Эй, парни, загружаемся! Покажем бундесам настоящую войну.

Сейчас он почему-то совершенно не сомневался, что все получится как надо и им удастся не только взорвать эту проклятую станцию, но и вернуться живыми.

Цена смерти

Есть у меня такой обычай — всегда держать свое слово. И сейчас подошел срок сдержать самое главное обещание моей неудавшейся жизни. Клятву, которую я дал четыре года назад и исполнить которую, по всеобщему мнению, не мог никак. Никким образом, хоть наизнанку вывернись.

Но я сдержал ее. Точнее, она исполняется, начала исполняться сейчас. Я отложил кусунгобу — настоящий японский кусунгобу, сделанный в десятом веке великим Сандзе и отданный мне в качестве платы одним из японских клиентов, — и начал вспоминать то, что предшествовало ритуалу. Немного мешала боль. Но к боли я привык, приспособился и даже сдружился с ней за эти проклятые четыре года, а сейчас нужно терпеть совсем немного... Чуть-чуть. Минут тридцать, ну максимум сорок. Ерунда. Бывало и хуже. Гораздо хуже...

Человек, отомстить которому я поклялся, — молод, силен, красив и удачлив. У него великолепная красавица-жена, двое здоровых и ухоженных детей, мать — заместитель областного прокурора и отец — генеральный директор крупнейшего в нашей области холдинга.

И что этому великому человеку может сделать какой-то калека, на лицо которого без отвращения и взглянуть-то нельзя, к тому же намертво прикованный к инвалидному креслу? Смешно даже думать о подобном, не правда ли? Для меня и из квартиры-то выбраться — подвиг... который я стараюсь совершать как можно реже.

Просто не хочу пугать людей. То, что осталось у меня после аварии вместо лица, неспособно вызвать даже жалость. Только исключительно омерзение. Причем даже у меня самого. Брезгливо-жалостливые гримасы продавщиц и прохожих как-то не поощряют лишний раз его демонстрировать. Некоторое время я даже о маске задумывался, но все же решил, что оно того не стоит. Теперь просто стараюсь как можно реже выходить из дома, благо есть возможность заказывать покупки с доставкой.

Впрочем, сейчас это не имеет никакого значения. Для расплаты мне осталось совсем немного, ритуал уже готов... Почти готов.

Четыре года. Четыре года я терпел это убожество, что осталось после аварии от моего некогда далеко не самого плохого тела. Четыре года я вспоминал отца и мать, жену, дочурку... Ей было всего шесть месяцев, когда новехонький «Мерседес», выскочив на встречную полосу, со скоростью около двухсот километров врезался в старую «шестерку» моего отца.

Родители, ехавшие на передних сиденьях, погибли мгновенно. Катюша дожила до приезда спасателей и скончалась в машине «скорой помощи». Наша дочка упорно цеплялась за жизнь. Она боролась, яростно сражаясь с засевшими в ее маленьком теле осколками стекла, и сдалась только почти неделю спустя.

Я выжил. С переломанным в трех местах позвоночником, размолотыми почти в труху ногами, тремя дырами в черепе и срезанным стеклянной карточью лицом. Я выжил, потому что мне было для чего жить, и врачи лишь разводили руками, поражаясь вначале тому, что я

все еще дышу, а потом — скорости, с которой мой организм восстанавливал то, что еще можно было восстановить после полученных повреждений.

Я выжил, потому что ненавидел. Я видел, как умирала Катя. Я видел, как отчаянно боролась за жизнь моя Настенька. Я видел тени родителей и ощущал присутствие иных, куда более могучих теней. Я мог уйти вслед за ними, и искушение сделать это частенько становилось почти непреодолимым. Но, поддавшись ему, я оставил бы безнаказанным того, по чьей вине и произошла сломавшая мою жизнь авария. И я остался.

Когда проходил суд, я только-только начал «вставать» с кровати. Точнее, конечно, не вставать — ноги пришлось ампутировать более чем по колено, однако, будучи посажен в инвалидное кресло, я к тому времени уже не терял сознания каждые десять — пятнадцать минут.

Тем не менее я настоял на своем присутствии. Впрочем, смысла в этом не было. Записи с камер наблюдения таинственным образом исчезли, большинство свидетелей отказались от дачи показаний, дружно заявив, что ничего не видели и не слышали, а все остальные утверждали, что виноват мой отец, находившийся за рулем и каким-то образом ухитрившийся разогнать нашу старенькую «шестерку» до двухсот километров в час.

Так оно и получилось. Из зала суда эта тварь вышла с гордо поднятой головой и презрительной улыбкой на губах. Меня в бессознательном состоянии выкатили санитары. От ярости разошлись швы и открылось внутреннее кровотечение, остановить которое врачам удалось лишь с большим трудом. Но я все же успел. Успел, глядя в эту лоснящуюся, самодовольную, не несущую на себе ни единой царапинки (у его машины, увы, оказались воистину великолепные системы безопасности) рожу, громко пообещать отомстить. Отомстить в полной мере и с лихвой. Чем и вызвал его презрительную улыбку.

Напрасно он улыбался... Ох напрасно... Знай он, что я всегда держу свое слово, не пожалел бы усилий, чтобы добить меня еще тогда, в больнице, когда я практически ничего не соображал и был совершенно незащищен. Но он не сделал этого и скоро, совсем скоро начнет платить по счету. По самому высшему счету!

Я перевел глаза на пол, где сияла прохладным призрачно-голубым светом пентаграмма кровного ритуала. Луч первый, руна Хэшшар. Кошель Мертвеца и Перстень Несчастий лежат по бокам этой руны. Все верно.

Вначале начнутся проблемы у его родителей. Их судьба для него почти безразлична, они ценны ему в основном как бездонный источник денег и гарант безопасности. Поэтому первый удар будет нанесен именно по ним. Холдингом его отца заинтересуются «большие люди». Настолько большие и настолько сильно, что сбежать в Англию тот не успеет.

Оставить на прежней работе жену опального топ-менеджера никто, разумеется, не посмеет. Вскоре после того, как у старого директора начнутся проблемы, ее под благовидным предлогом уволят «из доблестных рядов». Не смирившись, она начнет попытки восстановить справедливость, воспользовавшись для этого содержимым «особой папки» из своего сейфа. Впрочем, ничего серьезного слить она не успеет. Как только в печати появятся первые материалы, она умрет «от передозировки наркотиков», а во всех более-менее серьезных изданиях появятся заключения экспертов о том, что покойная была наркоманкой с большим стажем, страдавшая «острым параноидальным синдромом». Все опубликованные материалы будут на самом высшем уровне признаны умелой фальшивкой, созданной ею с использованием своего служебного положения...

О смерти своей жены некогда гордый директор крупнейшего предприятия узнает только в тюрьме. Узнает — и сломается. Удивительно, но они действительно любят друг друга, эта пара уже далеко не молодых, успешных и знаменитых людей. Пройдя через многое, они ухитрились сохранить дружбу и уважение, всегда прикрывая спину супруга и не обращая внимания на мелкие интрижки и иные житейские неурядицы. Но это ненадолго. Ритуал уже идет, и скоро, совсем скоро...

До суда отец моего врага не доживет. Известие о смерти жены сломит железную волю

прошедшего «горнило девяностых» удачливого бизнесмена, а остальное довершит скоротечный туберкулез, подхваченный в холодной камере предварительного заключения.

Нет потерь без обретений. Иногда они бывают страшными, горькими, пугающими и вызывающими отвращение у любого нормального человека, но они есть всегда. Эту истину в полной мере я осознал, лежа на застиранной до дыр серой простынке с больничным штампом. Потеряв родителей, семью, ребенка, здоровье, да, в сущности, вообще всю свою прошлую жизнь, я обрел ненависть. Ненависть, не знающую преград и сожалений. А в придачу к ней я обрел странный, но такой полезный дар — СМОТРЕТЬ и СЛЫШАТЬ. Видеть тени тех, кто жил и еще только будет жить. Отражение в воде вечности тех дел, что свершены давно и еще не свершились. Слышать шепот тех, чей рот давно закрыт смертью, и голоса еще не пришедших в этот мир...

Кто дал мне его? Может, от удара что-то перемкнуло в моем покалеченном мозгу, какие-то цепочки нейронов, соединившись не так, как им положено от природы, и одарили меня этой странной, невероятно болезненной и также невероятно полезной способностью? А может, то дар дьявола, привлеченного полыхающей во мне ненавистью и давшего мне возможность утолить ее? Или Бог решил помочь убогому калеке, видя сжигающие его чувства? Хотя последнее вряд ли... Если верить тому, что говорят в церквях, моей затеи Он никак бы не одобрил и уж тем более не стал бы предоставлять мне такое удобное средство. Ну и пусть его... С Тем, Кто мог, но не стал предотвращать эту проклятую аварию, мне все равно не по пути.

Вначале я считал это галлюцинациями. Галлюцинации у глупого, повредившегося умом от горя и ран инвалида — что может быть естественнее? Но тени нашли способ доказать мне, что это не так. Мрачные, жестокие тени. Их привлекала моя ненависть, и я с радостью пускал их в себя, а они делились со мной своей смертоносной силой и знаниями, давно утерянными в нашем техногенном мире. С помощью этих сил и знаний я стал зарабатывать деньги. Очень неплохо зарабатывать. Колдун, чьи проклятья неизменно сбываются, способный с точностью предсказывать будущие неприятности и видеть события прошлого до самых малейших деталей, может легко заработать немалые суммы, даже будучи безногим инвалидом с внушающим отвращением месивом вместо лица.

Мне нужны были деньги. Нужны для того, чтобы выжить и учиться у моих призрачных учителей, чтобы покупать еду и лекарства, оплачивать квартиру и услуги врачей, приобретать необходимые для ритуалов предметы и ингредиенты... И я получал их. Столько, сколько было нужно.

Игра на бирже и в лотерею, поиски кладов и потерянных людей... Способов прокормиться для того, кто может ясно видеть моменты прошлого и обрывки будущего, имеется весьма немало. Потом, по мере обучения, возможностей добавилось. Грязных, черных, смердящих кровью и трупами возможностей. Но к тому времени мне это было уже безразлично. Я нуждался в тренировке своих умений, а если параллельно можно было неплохо заработать, то почему бы и нет?

Враги и конкуренты моих клиентов, такие же бандиты, как и те, кто обращался ко мне за помощью, умирали от инфаркта, выбрасывались из окон и стрелялись по неизвестным причинам. Они тонули в ванной и падали с лестниц. Травились некачественным алкоголем и заражались экзотическими заболеваниями.

Сохранив слабые остатки чести, я старался не причинять вреда невинным, тем, на совести которых не имелось чужих смертей, что вызывало гнев моих мертвых учителей и злобу и угрозы некоторых из клиентов. Но и то и другое было мне глубоко безразлично.

Для теней я был единственным способным общаться с ними, и как бы они ни гневались, но отказать мне в исполнении моих желаний не смели. А клиенты... Те из них, кто хоть на миг задумывался об исполнении своих угроз всерьез, быстро лишались любой возможности осуществить желаемое. Мертвецы, они ведь и впрямь не могут мстить живым. Пусть даже таким условно живым калекам, как я.

А я... Я копил. Не деньги, нет. Что мне в деньгах. Они неспособны вернуть мне ни здоровье, ни моих родных и любимых. Я копил силу. Силу и знания. Для того чтобы отомстить. Отомстить так, чтобы в ужасе отшатнулся даже сам дьявол; так, чтобы участь моего врага еще долго вызывала содрогания у тех, кто будет знать о ней. Я копил силу, знания и ингредиенты для этого ритуала!

Боль усилилась, заставив ненадолго отвлечься от воспоминаний. Свечение пентаграммы становилось все более яростно-алым, черпая щедро отдаваемую мной энергию. Я перевел взгляд на второй луч, в вершине которого мягко светила руна Ассир, напоминающая раскинувшуюся в неге прекрасную девушку. Добрая, светлая руна. Руна любви и страсти. Вот только по бокам этой руны злым пламенем моей ненависти горели, не сгорая, Монета Предательства и Игла Болезней. Все верно. Все так и должно быть.

Второй удар будет нанесен через жену. Прелестная блондинка, законодательница мод, победительница областного конкурса красоты, на этом самом конкурсе и познакомившаяся со своим будущим мужем, который был одним из главных спонсоров, она и после двух родов не утратила ни стройности фигуры, ни нежности изящного лица. От природы актриса и умница, она, оценив свой шанс, воспользовалась им на полную катушку, очаровав и влюбив в себя не только пресыщенного наследника многомиллионного состояния, но и его родителей, бывших изначально категорически против их брака.

Впрочем, поддавшись ее невероятному очарованию, они довольно быстро изменили свое мнение на прямо противоположное, благословив брак своего сына с молодой юристкой. И ни разу не пожалели об этом. О такой жене и невестке можно было только мечтать.

Всегда заботливая и предупредительная, такая любящая и уютная, не претендующая ни на что, кроме возможности заботиться о «любимом», детях и «папе с мамой», как обращалась она к родителям мужа, она вызывала искреннюю радость своих новых родичей.

А она? Она о своем выборе не жалела тоже. Любовь? Позвольте, ну какая же может быть в наше время любовь?! Что за детские сказки?! Она выгодно вложила свою красоту, талант притворщицы и недюжинный ум, так что теперь наслаждалась счастливой жизнью на дивиденды с этого драгоценного вклада. Будучи отнюдь не душой, она твердо знала, что дозволено, а что нет женщине ее положения, и решительно избегала всего, что могло вызвать неудовольствие всемогущего свекра или мужа. Привлеченные ее красотой и умом могущественные мужчины таяли в ее присутствии, но даже вездесущие журналисты не смогли найти ничего хоть мало-мальски предосудительного в поведении этой изящной светской пантеры.

Пока не могли! Ассир на втором луче пентаграммы пылала яростным светом, и скоро, совсем скоро выдержка этой прекрасной леди начнет давать сбои. Оно и неудивительно. Ведь вокруг нее вьется столько прекрасных, богатых и властных мужчин, светские приемы и рауты требуют немалых вложений, а финансовое состояние ее мужа после ареста отца и смерти матери окажется изрядно подорванным.

Так что предложение знаменитого американского актера-миллионера, кумира множества женщин, чья мужественно-небритая физиономия красуется на афишах наиболее кассовых современных фильмов, выпущенных фабрикой грез, после тщательного рассмотрения и обдумывания не будет отвергнуто.

Стремительный бракоразводный процесс, в ходе которого ошеломленный предательством любимой, потерявший опору под ногами бывший муж лишится изрядной части своего сильно уменьшившегося после потери родителей состояния, — и «прекрасная пара» отправится в предсвадебное путешествие по самым красивым местам земного шара.

А муж... Муж останется с детьми. Зачем красивой девушке, только-только обретшей свое «настоящее счастье», дети? Они ведь будут сильно мешать во время путешествия на такой прекрасной яхте, раздражая нового супруга самым своим существованием. К тому же бывший муж их так любит... И, не скупясь, заплатил ей за право оставить их себе. Вот и пусть наслаждается. А она еще очень молода и при желании вполне может родить еще...

Ведь это такой прекрасный аргумент при разводе.

Вот только ни ее нынешний муж, ни она сама, ни даже ее будущий избранник еще не знают, что в его теле, прекрасном, прославленном на весь мир теле уже угнездился и начал свое черное дело вирус. Коварный и незаметный, несущий страшную гибель своим носителям и тем, кого они любят, вирус СПИДа.

Да. Дети. Несмотря на всю ненависть, я все же готов признать за своим врагом одно несомненное достоинство. Он любит своих детей. Искренне, глубоко любит, не отказывая им ни в чем и регулярно вырывая минуты из своего плотного рабочего графика, чтобы поиграть с ними или рассказать им сказку.

Это хорошо. Очень хорошо. Я тоже любил свою дочку. Настю, Настеньку, Настюшу. Маленького ангела, осветившего мою жизнь и ярко горевшего шесть месяцев, две недели и еще семь дней. Семь дней ада, семь дней, когда боль от осколков стекла сменялась болью, причиняемой ножами хирургов, пытавшихся спасти мою дочурку. Ее маленькое сердце не справилось с этой болью, отпустив чистую душу куда-то далеко, куда нет доступа моему взгляду и зову. А вместе с ней ушло все чистое и светлое, что еще сохранялось у меня в душе.

Клянусь, если бы она выжила, смогла справиться с той болью, которой подверг ее пьяный убийца, если бы она только была, я отказался бы от мщения или, по крайней мере, воспользовался бы другим способом. Мне было бы для чего длить свое существование и помимо мести. Но она мертва. Мертва, как и моя душа. И я со спокойной радостью поднимаю взгляд на третий луч, луч, наполненный багрово-черным пламенем, в вершине которого короткими, исполненными страдания вспышками мерцает-мечется двойная руна Астрель. Она рвется, и бьется, и словно плачет, надежно спутанная невидимыми нитями, протянувшимися между лежащими слева и справа от нее Крючком Надежды и Кубком Умирания.

Вскоре после ухода жены на моего врага обрушится очередная беда. Его дети заболеют. Оба. Разом. Чем именно — я не знаю. Какая, собственно, разница? Главное, что болезнь эта будет очень мучительная и почти излечимая. Почти. Ровно настолько, чтобы он не терял надежды, мотаясь по самым дорогим, самым престижным клиникам, обращаясь к целителям, иногда вспыхивая радостью, видя улучшение после очередной сверхдорогой процедуры, и впадая в отчаяние, когда после недолгого облегчения болезнь возвращается еще более стремительными темпами.

Забросив дела своих фирм и компаний, он будет все время и деньги тратить на детей. А это не идет на пользу финансам. Он разорится. И вот тогда... Тогда наступит время последнего удара.

Преодолевая жгущую нутро адским огнем боль, я перевожу взгляд на последний из лучей моей мести. Вот он, дымящийся тьмой ненависти четвертый луч кровавой звезды. Руна Каргет в его вершине, и Маска Проклятого с Тавром Отчаяния лежат по ее сторонам.

Когда он будет разорен и деньги, на которые он сейчас не обращает внимания, станут его главной заботой, тогда и только тогда настигнет его мой главный удар.

Болезнь презренных. Болезнь отверженных. Проказа. Я долго думал и выбирал смерть для убийцы моих любимых, прежде чем остановился на этом варианте. И пусть мне не суждено этого увидеть, ведь к тому времени я уже давно буду пылать в адском огне в компании своих наставников... Но и там мысли о том, как он заживо гниет от быстротечной проказы, о его муках и ужасе будут согревать меня, принося радость в мою черную душу. Какое отчаяние испытает он, вспоминая о своих больных детях, думая об их судьбе после его смерти, не имея возможности не только помочь им, но даже обнять, увидеть, кроме как на экране или фотографии...

Еще бы! Новый штамм превратит и без того ужасную болезнь в идеальное оружие моей мести. Такой заботливый отец, как он, просто не решится пугать детей своим заживо гниющим телом. И, уходя в могилу, на пороге смерти он узнает, что и кто послужил

причиной его несчастий. Умиравшие очень чувствительны к подобным вещам. Мне ли этого не знать... Ведь я сейчас тоже умираю.

Луч пятый. Источник и проводник силы, которую этот ритуал требует просто в невероятных количествах. Луч темно-алый, цвета моей крови, боли и ненависти, что струится по нему к центру звезды, превращаясь в энергию, питающую весь ритуал. Силы на подобное воздействие, на сокрушение судеб и жизней шести людей, которым богами было назначено жить долго и счастливо, наслаждаясь богатством и удачей, и которые теперь теряют все, включая и сами свои жизни, требуется много. Очень много. Куда больше, чем может дать смерть одного переполненного ненавистью калеки.

Но не больше, чем может дать мучительная смерть! Добровольные муки на весах тьмы и света стоят дорого. Очень дорого. Кусунгобу, японский кинжал для выпаривания живота воткнут в пол, а на вершине луча силы, последнего, замыкающего луча Кровавой Звезды сижу я. Больной сумасшедший калека двадцати восьми лет от роду, потерявший все по вине проклятого убийцы и своей кровью и муками оплачивающий его скорые потери.

Осталось недолго... Совсем недолго. Пламя и сияние звезды уже поднялось над моей головой, еще немного, и благословенная тьма перехлестнет стержень боли, и тогда можно будет наконец-то расслабиться. Интересно, смогу ли я увидеть своих? Тех, за кого мне все же удалось отомстить!

Яростно вспыхнул начерченный на полу огромной трехкомнатной квартиры магический рисунок. Вспыхнул и угас, начав выполнять волю своего создателя. Сидящая на одном из его лучей в шикарном инвалидном кресле уродливая фигура торжествующе выпрямилась, грозя кулаком куда-то в сторону неба и совершенно не заботясь о хлещущей из глубоко распоротого живота крови. Выпрямилась и обмякла, осев мертвым, внушающим произвольное отвращение комком покореженной плоти.

Душа мстителя покинула ее, чтобы отправиться в дальнюю, очень дальнюю дорогу...

Основа мироздания

Скучно. Глухо. Пусто. Я стою на покрытом осенним лесом обрыве, глядя на окружающую меня красоту. Наверно, красоту. По крайней мере, раньше я вроде любил все это. Осень расцветила укрывающий горы лес золотом и багрянцем, солнце освещает струящуюся далеко под моими ногами голубую змею реки, а с другой стороны скалы, на вершине которой я нахожусь, слышится неумолчный рокот прибоя. Какая банальность!

Интересно, а если прыгнуть вниз, смогу ли я попасть точно в реку? Слегка наклонившись над пропастью, я тщательно оцениваю траекторию возможного полета. Вряд ли удастся. Скорее всего, просто упаду на камни осыпи... Хотя, если оттолкнуться посильнее... может, и получится. Да... А если разбежаться? Размер выступа вроде позволяет.

Вот любопытно. Раньше я, кажется, боялся высоты. По крайней мере, несмотря на свою любовь к горам и природе, вряд ли смог бы вот так, наклонившись, рассматривать расстилающуюся под ногами почти километровую пропасть. А сейчас просто скучно...

— Дэн, не надо! Пожалуйста! — Изящная, но крепкая рука осторожно берет меня за пояс, стараясь оттащить от пропасти. О, вот и Эльга. Что-то в этот раз она подзадержалась.

Красивое, чуть удлиненное одухотворенное лицо, словно вышедшее из-под резца талантливого скульптора эпохи Возрождения. Печальные синие глаза исполнены тревогой. Длинные черные волосы быются на ветру, и каждое движение прекрасной девушки выражает любовь и сожаление. Когда-то я любил ее. Это я помню хорошо.

— Пшла вон!

К сожалению, оскорбление не сработало, и она не исчезла. Жаль. Раньше помогало. Сейчас вновь придется выслушивать все те же скучные мольбы о любви, прощении и важности жизни. А самое смешное, что на этот раз я вовсе и не собирался прыгать. Так... Просто прикидывал. Разве что мог равновесие потерять, край тут не самый устойчивый. Но это была бы случайность.

— Дэн, я понимаю... Но прошу тебя, не надо! Верни себя! Ты сможешь, надо только стараться!

Ну вот, о чем я говорил.

— Дэн!!! — Она умоляюще смотрит мне в глаза, и слезы текут по ее лицу. Талантливый человек талантлив во всем. Эльга талантлива. В том числе и как актриса.

Ведь можно излечиться! Отданное не вернешь, но можно создать новое! Нужно только захотеть! Ты сможешь. Я помогу тебе, я все сделаю! Пожалуйста, Дэн!

Ложь. Красивая смесь полуправды и откровенной лжи. И, зло ухмыльнувшись, я поправляю ее, приводя произнесенные Эльгой красивые слова в соответствие с правдой жизни:

— Не отданное, а отобранное. Это во-первых.

Я делаю совсем крошечную паузу.

— Вернуть можно.

В доказательство я выпускаю небольшую частичку заполняющей меня серой и скучной пустоты наружу и провожу окруженной ею, словно перчаткой, ладонью перед лицом девушки. Жалобный стон соприкоснувшегося с пустотой воздуха и перепуганные глаза отшатнувшейся Эльги ясно показали, что демонстрация удалась.

— Это во-вторых. — Я втягиваю пустоту назад и отворачиваюсь от дрожащей созидательницы. — А в-третьих, — не глядя на нее, продолжаю я, — возродить можно, только если есть хоть что-то. От пней, оставшихся на месте срубленного леса, могут пойти побеги, и через некоторое время на вырубке вырастет новый лес. Но если те же деревья вырвать с корнем... — Я не стал продолжать аналогию.

Эльга плачет. После происшедшего она вообще много плачет. Интересно, она надеется, что этот поток слез хоть что-то изменит? Если да, то это глупо. Хотя она отнюдь не дура. Если так, то зачем она это делает? Непонятно. Я опять ощущаю легкое любопытство. Это приятно.

— Зачем ты реवेशь? — спешу удовлетворить я возникший интерес.

Вместо ответа доносятся лишь всхлипывания. Я хочу вновь повернуться к заинтересовавшей меня своим поведением девушке, но правая нога оскальзывается на неровном крае пропасти, и вместо разворота я начинаю падать вниз. Раздается крик ужаса. Не мой. Страх и чувство самосохранения, как и почти все остальные чувства, с некоторых пор у меня отсутствуют. Это кричит Эльга.

До небольшой каменистой осыпи у подножия скалы я долететь не успел. Воздух уплотнился, превращаясь в мягкие невидимые сети, и аккуратно, но непреклонно потащил меня назад. Вскоре я стоял на том же месте, откуда начал свой короткий полет. Почти на том же. Сейчас край пропасти был огражден высокой, прочной и, как и все остальные творения Эльги, очень изящной хрустальной оградой.

— Дэн... — Задущенно всхлипнув, созидательница пытается меня обнять. — Ты же мог погибнуть.

Я молча переживаю всплеск ее эмоций. Можно было бы отстраниться, но, как показывает опыт, прикасаясь ко мне, она быстрее приходит в себя. Так что я просто жду, когда она сможет ответить на мой вопрос.

— Дэн, прошу тебя! Не делай так больше! Ведь когда-нибудь я могу и не успеть!

Похоже, пережитый ужас отразился на ее мышлении. Иначе с чего бы подобные речи? Она великолепно знает, что мне нет до этого дела. Успеет она или нет — какая разница? Для меня — никакой. А все остальное меня не волнует тем более.

— Я люблю тебя, Дэн.

Наконец она отстраняется и вытирает слезы. Мгновение — и она вновь прекрасна и обворожительна. Никаких припухлостей вокруг глаз, никакой красноты на лице и размазанной косметики. Да, собственно, и не пользуется она косметикой. Зачем созидательнице, способной легко изменить что угодно, включая и собственное тело, какая-то косметика?

— Я знаю, ты мне не веришь, — продолжает она изрядно надоевшую за множество повторений речь. — Это твое право. Но пойми, я не могла по-другому! Не сумела удержаться. Смотри, каким прекрасным зато получился этот мир. — Поймав мой равнодушный взгляд, она вздохнула и поправилась: — Прости. Ты не можешь. Но постарайся оценить хоть логически — логика ведь у тебя осталась, — как все соразмерно и правильно. Люди добры и благородны, эльфы прекрасны и изящны, гномы трудолюбивы и упорны. Наш мир идеален!

— Идеален, — согласился я. Глупо спорить с правдой. И добавил: — А твоим словам о любви я, разумеется, не верю. Насчет веры — это к зелотам. Она, кажется, досталась именно им. Меня тогда колесовали. А, нет, колесование было перед этим, у дриад. Им отошли жалость и милосердие. А зелоты меня всего лишь сожгли. Да, точно помню, вера — это огонь. А насчет любви, то опять-таки ты знаешь, где ее искать. Живучая вещь любовь — три дня мучился... Да, помню-помню...

Эльга вздрогнула и закрыла лицо руками, не в силах ничего ответить на справедливое обвинение. Я с любопытством следил за ее реакцией. Каждый раз, когда она, забывшись, упоминает о том, чего я лишился по ее вине, я старательно напоминаю ей об этом. Не из злобы — с этим чувством у меня тоже напряженно (орки хоть и не пожадничали — всего лишь вспоротый живот, так что кое-какие остатки мне сохранить удалось), — однако ее не так уж и много, чтобы простая оговорка могла разбудить ее. Так что... всего лишь любопытство. Уж больно интересно она на подобное реагирует, никогда не удается в точности предсказать ее действия.

Вот и сейчас. Вздрогнув, она с болью посмотрела на меня. А потом с решимостью отчаяния шагнула вперед:

— Ты хочешь отомстить? Да, я виновна, да! Моя жадность, мое стремление к совершенству! Когда я начала создавать свой мир, то мне захотелось идеала! Сейчас я понимаю, как была глупа... Мне хотелось, чтобы этот мир был прекрасен и совершенен, чтобы он был абсолютom счастья, и я сделала его таким! Он совершенен! Да, тогда я поступила подло по меркам людей, обманув влюбленного в меня мальчишку, чтобы получить необходимые для этого ресурсы. Я отдала этому миру все, что могла, а то, чего не могла, взяла у тебя. Да, я брала не глядя и не думая о последствиях... Тогда я думала, что когда закончу создание, то смогу возродить все что угодно! Чувствовала себя всемогущей и всевластной, была опьянена возможностями... Это моя вина. Так отомсти! Отомсти мне! Убей меня, ты это можешь! Убей и успокойся. Позволь существовать этому миру, позволь ему жить! Ты не веришь мне, что я люблю тебя, но это так! Если не моя жизнь, так, может быть, хоть моя смерть заставит тебя поверить и пробудит твою душу?

— Убить?

Я вновь призвал пустоту. Единственное оружие, которое может убить демиурга. Точнее, конечно, не оружие. Будь это оружием, хоть каким сложным и могущественным, я давным-давно был бы мертв. Ну или нейтрализован каким-нибудь иным способом. У Эльги вполне хватает могущественных родственников, которые, несомненно, не пожалели бы сил, чтобы избавить любимую дочку-внучку-племянницу от опасных для нее последствий «небольшой ошибки». Точнее, даже не ошибки, а неуместного рвения.

Однако пустота вовсе не была оружием. Она просто была. Возникнув в моей душе на месте вырванных с корнем и использованных для строительства этого мира чувств, она своим существованием заставляла относиться к требованиям «ничтожного человека» с максимальным уважением и осторожностью.

Собственно, явление, которое я называю пустотой, было известно демиургам и раньше и имело длинное, непронизимое для человеческого горла название. Впрочем, какая разница, как называть. Пустота она и есть пустота. Она возникает каждый раз, когда демиург, увлекшись и забыв об осторожности, возьмет у человека больше «строительного материала», чем остается самому донору.

При чем здесь человек? А тут все просто. Создатели миров, демиурги, отнюдь не

всемогущи. Точнее, в пределах своего уже созданного мира они действительно почти всесильны. Но это если мир уже создан. Однако в том-то и состоит проблема. Мир без чувств мертв. А отдать собственные чувства невозможно. Точнее, возможно, но это смерть для создающего. Полная, окончательная смерть. Демиург, создающий мир в одиночку, просто растворяется в нем, отдав самого себя. Не могут они создавать миры и объединившись. Впускать кого бы то ни было в свою душу? Позволить кому-то отрезать кусочки своих чувств ради создания его мира? Надолго стать бесчувственным калеккой, лишившись возможности создания своего мира, своего единственного шанса на вечность?

Каждый демиург может создать лишь один-единственный мир. Это их цель, их судьба, и даже ради самого родного, самого близкого, самого любимого отказаться от этого они не могут. И потому подобное самопожертвование не для них. Да и, если допустить невозможное, слишком блеклы, слишком слабы их чувства, чтобы, даже вычерпав душу напарника до самого доньшка, кому-нибудь удалось построить хороший, качественный, живой мир.

И потому они используют другой путь. И служат им для этой цели смертные. Особенно люди. Почему-то именно у нас наиболее ярки и сильны так необходимые демиургам эмоции. Как это выглядит? Все очень просто. Когда тебе всего семнадцать, в твоей душе бушует буря эмоций и мечтаний, влюбленность в прекрасную как мечта девушку — это естественно. Влюбленность легко перерастает в любовь, ведь быть идеалом для подростка совсем нетрудно, особенно если его мысли для тебя — открытая книга. А уж новость о том, что твоя любовь не человек, и подкрепленный парой-тройкой небольших чудес рассказ об истинной природе твоей возлюбленной способны и вовсе «сорвать крышу» у впечатлительного, зачитывающегося книгами в жанре фэнтези юноши.

Так что предложение помочь в создании нового мира, мира, где ты будешь одним из двух его владельцев и создателей, где твое могущество будет ограничено одной лишь твоей фантазией, мира, где ты будешь вечно править вместе с той, в которую без памяти влюблен, — такое предложение просто не может встретить отказ. А «честное» предупреждение о том, что подобное строительство отнюдь не безболезненно и что «вдыхать жизнь» в этот мир ты будешь собственными чувствами, собственной любовью, — такие предупреждения от веку оставались влюбленными без должного внимания. Зря, между прочим. Очень зря.

Самое смешное, что Эльга не солгала ни в едином слове. Все обещанное я и впрямь получил в самом полном объеме. Вот только недоговоренность... Она хуже, много хуже самого подлого и жестокого обмана.

Мир? Мир — вот он. Я и впрямь один из двух его богов — именно так называют демиурга и его помощника после того, как мир сотворен. Кажется, кто-то из жителей мне даже поклоняется... По крайней мере, не так давно Эльга зачем-то показывала мне какую-то пышную церемонию с моими изображениями в главной роли.

Могущество, ограниченное только моей фантазией? Так и есть. Без вопросов. Уверен, Эльга будет просто счастлива выполнить любое мое пожелание, каким бы оно ни было. Это если даже не считать за могущество заполняющую меня пустоту, способную своим прикосновением уничтожить что и кого угодно. Вот только ни особых фантазий, ни желаний у меня теперь нет. То, что у меня от этих чувств осталось, легко выполнимо при помощи обычных человеческих сил.

Вечно править? Я уже устал отказываться от постоянно навязываемых Эльгой вечной юности и бессмертия. Правда, и тут она смогла выкрутиться. Я проживаю обычную человеческую жизнь. Но мое время течет с иной скоростью, нежели время обитателей этого мира.

Я не знаю, как она это сделала. Наверно, просто очередное чудо из тех, что доступны демиургам в созданных ими мирах. Не так давно это заинтересовало меня, пробив корку равнодушия, покрывшую сердце, и я даже попробовал разобраться. Для меня время течет обычно. Осень сменяет лето, затем наступает зима, затем начинается капель весны... Все как

положено, и я не вижу подвоха. При желании я легко могу пообщаться с любым из населяющих наш мир разумных существ, и то время, пока мы общаемся, бежит для нас с одинаковой скоростью. Но за два прошедших здесь для меня года у наших созданий миновало уже двадцать тысяч лет.

Впрочем, неважно. Важна лишь причина, по которой меня не выбросили, как отработанный материал, по завершении строительства этого мира. Причина, по которой Эльга и ее сородичи старательно опекают и лечат людей, оплативших своими душами создание новых миров. А причина эта проста: пустота. Та самая пустота, что приходит в души отдавших свои чувства людей. Она стремится заполниться, забрать назад то, что было исторгнуто из нее, и остановить ее можем лишь мы, пустые оболочки некогда полноценных людей. Ведь если пустота наших душ вырвется или будет выпущена — мир, созданный из того, что некогда ее наполняло, погибнет. А гибель своего мира — это самое страшное, что может произойти с демиургом. Впрочем, демиург погибнет тоже. Пустота — она жадная. Если, конечно, можно приписывать это чувство полному отсутствию всех и всяческих чувств. Моя смерть, или потеря сознания, или даже сон — все это немедленно освободит пустоту. И смерть Эльги, да и не только ее, станет неминуема. Хотя способность уставать, нужду во сне я утратил тоже...

Впрочем, обычно все отнюдь не так страшно. Демиурги создали множество миров и продолжают создавать их и дальше, а катастроф с прорывами пустоты было не так уж и много. Пустоту можно заполнить. Достаточно просто во время создания мира не брать все, не вычерпывать колодец души донора до последней капли, и тогда рано или поздно он заполнится снова. От остатков срезанных чувств прорастут новые ветви, вначале тонкими ощущениями, затем все более и более разрастаясь, они заполнят опасную пустоту и восстановят душу.

Особенно хороша для этого любовь. Когда человек чувствует, что его глубоко и искренне любят, ответная любовь растет быстро, вскоре заполняя собой практически всю душу. Вот почему именно это чувство во время создания нового мира берегут особенно тщательно, стараясь использовать как можно меньше и реже, оставляя человеку максимум возможного «на развод». Любовь — хорошее спасение от пустоты. Жаль, что это не мой случай.

Слишком сильно я любил Эльгу. Слишком велико и обильно было это чувство. И она не устояла перед искушением. Ведь мир, построенный с любовью, наиболее прочен, красив, надежен и удобен. И чем больше любви вложено в его сотворение, тем лучше он становится. Зачерпнув любви, она раз за разом брала из этого колодца, черпала не глядя, в полной уверенности, что там еще много. Она ошиблась. Но осознала это, когда было уже слишком поздно. На поле моей души не осталось деревьев, способных к быстрому прорастанию.

Я вспомнил свои сны-галлюцинации, испытываемые во время создания мира. Разум человека не способен постичь утрату чувств, преобразая происходящее в то, что он может осознать... Потеря чувств — это смерть. Тем более долгая и мучительная, чем более сильно и глубоко было чувство, чем более долго его черпают. Теряя любовь, я умирал три дня. Ее было слишком много. Кажется, это были феи. Именно их тогда создавала Эльга. С тех пор я старательно избегаю этих нежных, трепетных и прекрасных созданий, полных любви ко всему живому. Слишком плохие ощущения с ними связаны. И пусть в душе у меня пустота, но тело слишком хорошо помнит ту боль, которую я испытывал в своих галлюцинациях.

И вот сейчас Эльга пытается убедить меня, что она готова умереть, лишь бы дать шанс на восстановление. Нет, в принципе ее можно понять. Изображая трепетную и беззаветную любовь, проще всего зародить ответное чувство в душе того, на кого она направлена. Эльга явно надеется, что какие-то ростки, какие-то остатки любви все же уцелели в моей душе, и прикладывает все имеющиеся у нее силы, все свои недюжинные актерские способности, чтобы пробудить их. Может быть, я бы и поверил в ее игру. Но способность верить и доверять у меня тоже убита.

Зелоты. Пренеприятная, я вам скажу, раса. Ну то есть для меня неприятная. Все

остальные их как раз-таки очень ценят и уважают. Лучшие доктора и целители, чья упорная вера частенько позволяет им вершить чудеса, в прямом смысле вырывая пациентов из лап смерти.

Ну а я нынче верю только в то, что доказано. И доказательства должны быть абсолютно, стопроцентно несокрушимыми. Особенно если попытка вызвать веру исходит от Эльги.

Она искренне считает, что шанс возродить мою душу все же есть и для этого ей необходимо всего лишь, чтобы я поверил в ее любовь. Возможно, она не так уж и неправа. Эльга умна, и кроме той, первой и единственной, других ошибок я за ней не замечал. Вот только поверить я тоже не в силах. Так она и ходит по замкнутому кругу. Чтобы возродить чувства в моей душе, в том числе веру и доверие, ей надо опереться на любовь, а вырастить любовь без доверия она не может. И хотя прошло уже немало времени, ситуация остается неизменной.

Так оно, скорее всего, и будет тянуться до самой нашей смерти и гибели мира. События почти одновременные. Ну, точнее, вначале умру я — от старости или из-за одной из случайностей, от которых Эльга не сможет или не успеет меня защитить. А потом погибнет она сама вместе со своим миром, уничтоженная вырвавшейся на волю после моей смерти пустотой. Вот такой вот конец света.

Впрочем, она не теряет надежды избежать подобного развития ситуации и изыскивает все новые и новые способы убедить меня в своей любви. Смешно. Ха. Ха. Ха. Не нравится? Как могу, так и смеюсь.

И вот Эльга, кажется, придумала новый способ попытаться доказать мне свою любовь. Странно. Она ведь должна понимать, что я вполне могу исполнить ее желание. Приложив столько сил и терпения — вначале, чтобы убедить меня участвовать в ее проекте, а потом — не освобождать возникшую во мне пустоту немедленно, разом покончив с этой скучной и неприятной процедурой, в которую превратилась моя жизнь, — сейчас она ставит свою собственную теоретически бессмертную жизнь на карту.

— Убить? — переспрашиваю я, поднося окруженную пустотой ладонь к ее груди. В глазах Эльги плещется ужас, но она старательно подавляет инстинктивный порыв отшатнуться.

— Да. — Она часто, но мелко дышит, явно опасаясь, что, вздохнув глубоко, может задеть грудью мою ладонь... точнее, конечно, не ладонь, а окружающую ее пустоту. — Я искала выход. Искала из всех сил. И не вижу его. Ты не веришь мне и не поверишь, что бы я ни говорила и ни делала. Но знай, просто знай: твои чувства, воплощаясь в создаваемом мной мире, пришли ко мне. Так бывает всегда. Чем больше берешь, тем больше получаешь, в этом и есть секрет любви демиургов к помогавшим им в создании миров людям. Именно это, а не притворство из страха, как предполагаешь ты.

Меня гложет твоя совесть, у меня болит твоя жалость, я люблю тебя твоей же отраженной любовью... И ничего не могу с этим поделать. Ни-че-го, — с горечью произнесла она. — Каждый раз, когда ты игнорируешь очередную грозящую тебе смертельную опасность, — заглядываешь в пропасть, стоя на ненадежном карнизе, ныряешь в кипящую акулами лагуну, устраиваешься на ночевку под старыми, готовыми рухнуть от любого вздоха каменными развалинами, — мое сердце замирает от ужаса, что я могла не успеть. И когда-нибудь так оно и будет. И мир, наше детище, наше создание, погибнет вместе с тобой.

Два года или двадцать тысяч лет я искала выход из этого замкнутого круга, круга веры и любви. И все-таки нашла его. Ты не веришь моим словам. Но сможешь поверить, когда они будут подкреплены моей смертью. И тогда, может быть, ты сможешь возродить свою любовь и станешь хранителем этого мира. А даже если и нет — той жажды жизни, которую ты заберешь у меня, должно хватить, чтобы унять твою тягу к смерти. Да и мое бессмертие и могущество, которое ты получишь вместе со всем остальным, должно затруднить тебе попытки самоубийства. По крайней мере, подобные «случайности» вроде падения со скалы

тебя убить не смогут.

Все. Я готова. Рази.

Эльга закончила свою пламенную речь и, выпрямившись, замерла, зажмурившись и даже не дыша. Для нее, как и для любого из демиургов, привыкших в любой ситуации превыше всего ценить собственную жизнь, подобная неподвижность явно стоила больших усилий. Сейчас, когда все ее инстинкты отчаянно требовали немедленного отступления, бегства, телепортации куда-нибудь подальше, сохранение подобной, пусть несколько напряженной и неестественной, неподвижности явно было немалой заслугой.

Несколько секунд, наверняка показавшихся ей вечностью, я также сохранял неподвижность, занятый размышлениями. Предложение Эльги было соблазнительно. Очень соблазнительно. Ее чувства, ее жизнелюбие... Да, они были способны хотя бы частично заполнить терзающую меня пустоту и послужить тем семенем, тем плодородным субстратом, который позволил бы мне возродить свою душу. Но... Что потом? Если я все же смогу взрастить любовь, а Эльги уже не будет? Возродить совесть — чтоб вечно терзаться? И даже не иметь возможности погибнуть, случайно сорвавшись с какой-нибудь горы?

Нет, наверно, я бы все же принял ее предложение, если бы в этот момент передо мной не маячил иной, пусть слабый, ненадежный, но все же более приемлемый выход. А если даже он и окажется обманкой, то что ж... Всегда можно будет вновь вернуться к ее предложению.

Со вздохом я опустил руку, втягивая пустоту в свое тело. Почуввав исчезновение угрозы, Эльга открыла глаза, с недоверчивой надеждой всматриваясь в мое лицо и не понимая причин моего поступка. Я же молчал, вглядываясь в себя и все более и более радуясь, что не поддался на соблазн простого решения. Тоненький, хрупкий, но тем не менее, несомненно, живой росток доверия медленно поднимался над выжженным полем моей души.

Это ведь так просто. Пустота — она ведь тоже живая. Ложь, предательство, обман — вот питательный субстрат, на котором она растет и плодоносит. И тот клочок пустоты, что я держал у ее сердца, почуввав малейший обман, малейшую недоговоренность в словах созидательницы, не упустил бы возможности немного подрасти. А увеличившись, неминуемо соприкоснулся бы с находившейся от него на расстоянии вздоха Эльгой и не остановился бы, пока не поглотил бы ее полностью. Но этого не произошло. А значит, она не лгала. И это давало шанс. А шанс в таком положении — это много. Очень, очень много.

Похоже, Эльга тоже заметила происходящие перемены. Робкая улыбка появилась на ее губах.

— Ты все же поверил мне? Поверил? Смог? — со страхом и надеждой спросила она, вглядываясь в мое лицо.

Я кивнул ей в ответ, и она буквально вспыхнула от счастья. Наползшая на солнце небольшая тучка исчезла в мгновение ока, на сияющих золотом осенней листвы деревьях распустились цветы и оглушительно заголосили невесть откуда налетевшие соловьи.

Я недовольно поморщился, и гомон немедленно стих.

— Это всего лишь небольшое, очень слабое и легкоуязвимое доверие, — предупредил я разошедшуюся созидательницу. — Ничего большего.

— Я понимаю, — серьезно кивнула она. — Я буду очень осторожна и ничем его не нарушу. Только, Дэн, раз ты стал мне хоть чуть-чуть доверять, можно я тебя спрошу?

Я кивнул, наслаждаясь давно забытым и, как казалось совсем недавно, навсегда потерянным чувством.

— Как ты смог продержаться все это время? Все учебники, все авторитетнейшие, тщательно исследовавшие этот вопрос демиурги сходятся в одном: человек, полностью потерявший чувства, в принципе не может сдерживать пустоту. Но ты держался целых два года! Как, за счет чего? Каким чудом ты удержался? Мне просто очень любопытно! — Она сделала жалостливо-умоляющее лицо, искоса поглядывая на меня.

Несколько секунд я размышлял над ее вопросом, но распутившийся в моей душе робкий росток требовал ответить на него, ответить правдиво и полностью, и я решил

подчиниться этому требованию.

— Все просто. Когда вырублены деревья, остается трава. Низкая, почти незаметная, но упорная и живучая трава с длинными корневищами, способная прорасти, как ее ни выкорчевывай, и выдержать любые испытания. Трава, которая есть у любого человека или демиурга. И твой вопрос тому подтверждение. Любопытство. Вот ответ. Мне было просто любопытно.

— М-да... — грустно улыбнулась Эльга. — Не самая плохая основа для мира. Рассказать кому, что идеальный мир, мир, созданный с любовью, столько времени держался на простом любопытстве, так ведь никто не поверит.

— И пусть не верят. — Я безразлично пожал плечами. — Какая разница?

— И впрямь, — согласно кивнула Эльга. — Ровным счетом никакой. Основа как основа. Получше многих будет, пожалуй. Вон сколько продержалась! — И снова радостно заулыбалась.

Месть экстрасенса

— Вот как ты думаешь, чем отличается экстрасенс от мага? — Виктор Степанович Горчаков отодвинул стакан с водкой и, несмотря на все выпитое, взгляделся поразительно трезвым взглядом в глаза своего собеседника.

Виктор Степанович был весьма немолод, однако до сих пор пребывал в прекрасной физической форме, и, если бы не полностью седые, выбеленные временем волосы да не редкие морщины, похожие на росчерки острого кинжала, прорезавшего породистое лицо, никто не мог бы дать этому человеку его шестидесяти лет.

— Ну, если судить по фэнтези-романам, маги — это... У-ух!!! — Саня, молодой парень лет двадцати пяти, аккуратно долил горячительной жидкости в свою кружку и потянулся за небольшим бутербродом с красной икрой. — Они и огненными шарами кидаться могут, и мертвецов поднимать, и вообще что угодно. А экстрасенсы — это так, разве что кошку потерявшуюся отыскать, и то если не шарлатан... не в обиду будь сказано, — добавил он, вспомнив о том, что собутыльник как раз-таки и является одним из представителей данной экзотической профессии.

— На правду не обижаются, — равнодушно пожал плечами Виктор Степанович. — Все в общем-то так и есть. Разве что найти мы можем не только кошку, но и что поважнее, но по большому счету ты прав... Но я говорил не об этом. Разница, приведенная тобой, — это взгляд, ты уж прости, полного непрофессионала в данной области.

— На правду не обижаются, — его же словами ответил экстрасенсу Александр. — Да и признаться, мне эти всякие магические заморочки глубоко до одного места. Фэнтези иногда почитываю, бывает, а куда-то в дебри углубляться желания нет никакого.

— Ну так вот, — осторожно прихлебывая из стакана, продолжил Горчаков. — Основная разница между мной и каким-нибудь могучим магом из тех, что описаны в фэнтези-романах, заключается в одном. В количестве доступной магической энергии, маны, как ее еще иногда называют в различных играх. Видишь ли, на Земле этой самой магической энергии — шиш да маленько. Так что будь ты даже самым крутым-раскрутым магом, здесь, в нашем мире, большего, чем отыскать ту самую пресловутую кошку, сделать ты не сможешь... Но это здесь. В иных мирах дела с магией обстоят куда как лучше!

— Это ты с чего решил? — настороженно поинтересовался Александр. — Слушай, я, конечно, все понимаю, профессия твоя опять же, но только не говори мне, что ты в иных мирах бываешь. И вообще, может, тебе хватит? — Он скосил глаза на полупустую бутылку.

— Ладно, раз просишь — не буду говорить, что бываю, — улыбнулся экстрасенс. — Просто хочу тебе кое-что рассказать. Можешь считать, что я тебе сюжет фэнтези рассказываю. Хочешь верь, хочешь не верь — мне особо неважно. Ты только выслушай да запомни. Можешь считать это своей платой за бутылку, ок?

— Ну рассказывай, — ухмыльнулся Саня, откидываясь на спинку стула и

демонстративно наливая полный стакан.

Виктор Степанович улыбнулся и, не обращая никакого внимания на выходку своего собеседника, начал:

— Представь себе, что наша Земля является совершенно уникальным миром. Миром с крайне слабым, практически отсутствующим магическим фоном. Между прочим, магическая энергия является абсолютно необходимым элементом для существования разумной жизни. В общем-то разумная жизнь на нашей планете просто не могла появиться. Но все же появилась. С чем это было связано — мне неизвестно. Может, был какой-то локальный всплеск магической энергии, временно усиливший мана-фон Земли, может, наоборот, когда-то наш мир был самым обычным, с большим количеством маны, а потом в результате какой-то катастрофы начал медленно терять магическую энергию... Не знаю. Да и неважно это для моей истории.

Важно же то, что люди все же смогли появиться. И более того, смогли выжить. Постепенно, видимо под воздействием естественного отбора, мы превратились в невероятно могучих, по меркам иных миров, магов. Но вся эта мощь, все эти силы в нашем мире тратятся только на одно. На выживание. Так что... Опытный, обученный маг в ином мире по сравнению с любым из наших по количеству доступной силы — все равно что страдающий дистрофией пигмей перед Ильей Муромцем. Кстати, обрати внимание, очень и очень многие из тех книг, что ты иногда почитываешь, это подтверждают. Стоит только человеку из нашего мира попасть в иной, как он немедленно обретает огромнейшие магические силы.

И еще. Хочу также обратить твое внимание еще на два расхожих, постоянно упоминаемых в романах штампа. Во-первых, попав в иной мир, наш соотечественник непременно закрутит любовь с какой-нибудь дамой из власти предрежащих. С принцессой там, или с королевой, или с молоденькой и красивой императрицей... Обычно после свадьбы, но иногда и просто так. Это раз.

А во-вторых, часто, очень часто либо в результате какой-нибудь случайности, ошибки, либо из-за происков врагов он возвращается назад, в наш мир, где теряет все или почти все свои невероятные способности и никак не может вернуться назад при всем своем желании. Замечал подобное?

— Ну замечал, — пожал плечами Саня. — И что тут такого? Нравится людям читать об этом, вот и пишут. К тому же в следующих частях книг герои как раз-таки обычно возвращаются.

— Не будем о возвращениях, — улыбнулся Виктор Степанович. — Мечты — это прекрасно. Когда же описание своих мечтаний приносит еще и кое-какой доход от жаждущих продолжения читателей — это прекрасно вдвойне. Но подумай сам, если бы автор находился в другом мире, как могла бы попасть в издательство его рукопись с продолжением?

— Это ж выдумка!!! ФЭН-ТЕ-ЗИ! — для пущей доходчивости по слогам произнес Александр. — Этого никогда не было и придумано для развлечения!

— А разве при чтении некоторых книг тебя не поражало их правдоподобие повествования? — улыбнулся экстрасенс. — Тебе не казалось странным, как можно придумать настолько выверенный, живой мир? Впрочем, дело не в этом. Верить я не заставляю.

Чтоб не затягивать, я же вижу, что тебе уже надоело выслушивать мою болтовню, перейду сразу к выводам. Видишь ли, что бы ни говорили местные маги глупцам-попаданцам, оказавшимся в ином мире, мы нужны там лишь для одного. Недаром местные члены правящих семей обладают куда большим магическим могуществом, чем все остальные маги, кроме тех, кто ненадолго попадает с Земли.

Для того чтобы обладать полнотой власти в магическом мире, необходимо быть самым сильным магом. И достигается это простейшим средством. Портал на Землю притягивает очередного дурачка, которому втюхивается идея о его избранности. Он отправляется в поход «искоренять мировое зло» в компании симпатичной принцески... Знакомятся поближе... А

как только она беременеет, он тут же становится не нужен и даже опасен, после чего бедолага возвращается на Землю с пометкой, которая не позволит «выдернуть» его повторно. И все, что ему остается, — лишь память о тех днях, когда он был величайшим магом в волшебном мире, шрамы, полученные в походе. — Тут Виктор Степанович непроизвольно прикоснулся к щеке, пересеченной тонкой, длинной и неестественно прямой морщиной. — Да в лучшем случае жалкие ошметки былых возможностей, которых едва хватает на то, чтоб отыскать пропавшую кошку... Ну или чего-нибудь в этом роде.

А еще остается желание отомстить тем, кто так подло его использовал. Нестерпимое и почти неосуществимое желание, ведь магической энергии в нашем мире совершенно недостаточно для того, чтобы открыть портал, а попасть в открытый с той стороны для кого-то другого портал невозможно.

— Ну ты и завернул, — покачал головой Александр. В его интонации одновременно звучали нотки уважения к человеку с такой богатой фантазией, и сомнения в здравости рассудка собеседника. Сомнений было больше. — Вот только в твоём рассуждении есть один недостаток, который опрокидывает все построения, — попытался воззвать он к здравому смыслу собеседника. — На кой черт этим твоим гипотетическим магам возиться, выкидывая из своего мира попаданца, когда гораздо проще его прибить втихую, коль мешает. Кинжал в спину или яд в пиво — и никакой возни с порталами, никакой лишней траты сил... Так что не продумал ты это в своей задумке...

— Кинжал в спину? Землянину??? — Виктор Степанович весело рассмеялся. — Я же говорил, что с веками эволюции наш организм привык тратить всю получаемую из бедного магического фона Земли энергию только и исключительно на выживание. А когда человек попадает в другой мир, привычки его организма особо не меняются. Убить землянина в магическом мире — задача, конечно, не то чтобы совсем невозможная... Но есть куча куда более простых дел. Море, например, чайной ложечкой вычерпать или веревку из песка свить...

После попадания в место с большим количеством энергии землянин становится не то чтобы неуязвимым, но близко к этому. Очень близко. Если у задумавшего его убить хоть что-то может пойти не так — оно обязательно так и будет. Служанка, несущая отравленное вино, споткнется и упадет головой на угол стола; на убийцу, занесшего кинжал для удара в спину, упадет сосулька с крыши; тюрьма, в которой сидит приговоренный к казни, обрушится от землетрясения... Ну и так далее в том же духе. Можно подумать, ты в своих фэнтези таких эпизодов не встречал! А даже если каким-то чудом и удастся достать героя, рана, какой бы страшной она ни была, обязательно окажется несмертельной и заживет в течение максимум пары дней. Даже если это будет прямой удар заколдованной лучшими магами секирой по голове! — Тут Виктор Степанович вновь потер пересекающий лицо тончайший рубец-морщину.

— Ха! Рояль в кустах это называется, между прочим, — нетрезво мотнул головой Саня. — И раздражает это в фэнтезятине — крайне. Не бывает такого в жизни. Не бывает!!!

— В нашем мире не бывает, — педантично поправил его экстрасенс. — В нашем, Александр, в нашем.

— Ну, тут, конечно... Задумка-то твоя, так что пиши как хочешь... А мне, пожалуй, домой пора. — Саня поднялся со стула и, пошатываясь, побрел в прихожую.

— Домой, говоришь. — Не делая никаких попыток отговорить парня, Виктор Степанович просто раскрыл перед ним дверь. — А домой-то ты, парень, если я все рассчитал правильно, теперь не вернешься, — тихо прошептал он в спину спускающегося по подъездной лестнице парня.

— А?... Что ты сказал? — обернулся Саня.

— Удачи, говорю, — громко произнес Виктор Степанович.

— И тебе то...

Саня не договорил. Нога молодого человека соскользнула со ступеньки, он пошатнулся, взмахнул руками, пытаясь восстановить равновесие, и кубарем рухнул вниз. Но

в тот самый момент, когда его голова уже вот-вот должна была соприкоснуться с бетонным полом лестничной площадки, вокруг него вспыхнуло яркое золотое свечение, в которое он и упал, словно в воду. Стоило только ему исчезнуть, как по свечению пробежала легкая рябь, и оно стало быстро уменьшаться в размерах. Быстро, но не настолько, чтобы чуткое ухо пожилого экстрасенса не различило доносящиеся из-за него звуки...

Довольная улыбка скользнула по его лицу. Труд всей его жизни оказался не напрасен!

— Приветствую тебя, о Избранный. — Хорошо знакомый голос верховного мага произнес ритуальную фразу, которую он когда-то давно, очень давно уже слышал. Слышал обращенной именно к нему.

— Избранный????!! — Яростный рев Сани и звук отдаленного мощного взрыва были последним, что услышал некогда величайший из магов-провидцев Сентуреи Витторио Горчащий Яд, а ныне простой и далеко не самый сильный экстрасенс Виктор Степанович Горчаков, прежде чем портал закрылся окончательно.

— А еще, кроме кошки, хороший экстрасенс может отыскать Избранного. — Он ухмыльнулся, глядя на пятно черной гари на лестничной площадке там, где исчез Александр, и вернулся в квартиру. — И не только отыскать, но и рассказать ему кое-что... Надеюсь, дорогая Эссейн, что вы дожили до этого момента... И не переживете его!

Он еще раз ухмыльнулся и, залпом допив свой стакан, начал составлять в мойку оставшуюся от посиделок грязную посуду. На душе у некогда великого мага пели фанфары.

Апокалипсис на выбор Похождения Вени Лавочкина, часть 1

Где-то далеко, в мире бесконечной тьмы и вечного света возникло движение. Мольбы, проклятия, пожелания и молитвы миллиардов смертных внезапно достигли ушей богов, и уши эти немедленно завяли от такого количества воплей.

— Итак, братья, что делать-то будем? — одноглазый гигант в широкополой шляпе страдальчески поморщился и прижал поля шляпы к ушам. Именно в этот миг, согласованный рев ролевого клуба «Викинг»: «О-о-один!!!! Победы!!!!» — болезненно ударил по чутким барабанным перепонкам немолодого божества. От такого обращения боковые поля знаменитой шляпы сморщились, и она стала сильно напоминать крайне потрепанную бейсболку с непомерно вытянутым и обвисшим козырьком.

— Да, что делать? — болезненно крикнул одетый в кольчугу воин, в ушах которого в это самое время звенел вопль отряда реконструкторов «Рось»: «Перун!!!» — с которым бойцы отряда бросились навстречу «Викингу».

Все обернулись в угол, где, скрючившись, сидел мужчина тонкого, аскетичного телосложения, в набедренной повязке и с одухотворенным лицом, в данный момент выражающим невероятное страдание. Как имеющему наибольшее количество поклонников, Иешуа Га-Ноцри в данном собрании принадлежало решающее слово. Впрочем, сейчас извернувшись в невероятной позиции, старательно прикрывающему уши не только ладонями, но и коленями и периодически пытающемуся защитить мучимые бесконечными молитвами органы слуха какими-нибудь другими частями тела молодому божеству никто не завидовал.

Христу и впрямь приходилось несладко. Многочисленные вопли «осанна, аллилуйя и аминь» то и дело прорывались сквозь ненадежную защиту ладоней и бесконечным оглушительным хором лились в уши, заставляя бедолагу то и дело поминать нехорошим словом любимую маму, в свое время категорично отказавшуюся сделать аборт и избавиться от внебрачного ребенка.

— Что делать, что делать, — пробормотал он, наконец разобрав крики своих братьев по несчастью. — Апокалипсис, разумеется, — и снова затих, пережидая, пока в голове утихнет хор Валаамского монастыря.

Слово было сказано. Апокалипсис. Последний довод богов, которых вконец достали

проделки смертных. Но какой именно?

— Может, это... — Вперед выбился старательно держащийся за голову и то и дело прикладывающий ко лбу холодный компресс Аид. — Мертвых поднять? Ну, там, зомби кусающиеся, вампиры кровожадные... А? Мозгоеды опять же всякие?

— Мозги — мне!!! — дико проревел в кои-то веки проснувшийся Ктулху. Все присутствующие поморщились. Ключевое слово «мозги» разбудило дремлющего гиганта, искренне мечтавшего обрести что-нибудь подобное, дабы поднять свой ай-кью с уровня «бревно дубовое» хотя бы до уровня «даун обыкновенный». Данное божество поклонников почти не имело, а те, что и были, свои молитвы возносили посредством чатов, е-мейлов и прочей электронной чепухи, в которой древний зверобог совершенно не разбирался, а потому легко и без проблем плевал на нее. Почему и оказался остро ненавидимым большинством из присутствующих. Зависть — страшная вещь!

— Нет, — как всегда молодой и прекрасный, Аполлон гордо проигнорировал нависающую над ним тушу сетевого бога, отвечая на вопрос Аида. — В конце концов, нам не следует уподобляться жалким плагиаторам. Подобный сценарий неоднократно рассматривался во множестве фильмов, да и книг по нему написано немало... Мы все же боги, а не какие-нибудь жалкие писаки! Можем себе позволить быть оригинальными!

Присутствующие загалдели. Мысль «быть оригинальными» собранию понравилась.

Болезненно морщащийся Один — отряд «викингов» как раз продувал сражение реконструкторам, по каковой причине в его ушах стоял неумолчный звук многоэтажных матерных ругательств — застенчиво предложил:

— А может, демонов на них натравим? Ну, там, разверзлись врата ада, и черти вышли на поверхность для того, чтобы установить свою власть... Вполне по христианской символике... Эй, Люци, ты как, поддерживаешь?

— Ась? Что? — Рослый парень с белыми волосами в черной косухе с намалеванными на ней пентаграммами и черными крыльями за спиной, внезапно оказавшийся в центре внимания, торопливо снял с себя наушники. По поднебесью разнеслись громкие звуки тяжелого рока.

— *Rammstein*, — профессионально определил Аполлон.

— *Du hast* слушает, сволочь, — добавил Один. — И дела ему нет до наших проблем!

В это самое время до главного над адом наконец дошли все обращенные к нему пожелания смертных, ранее не пробивавшиеся сквозь завесу тяжелого рока, и он болезненно перекинулся и даже недовольно сплюнул, после чего с нехорошим интересом уставился на одноглазое божество. Продувшие сражение в пух и прах «Викинги», сидя в мертвятнике, как раз изошрялись в том, кто из них выскажет наиболее непристойное пожелание подведшему их божеству, всячески соединяя Одина с представителями иных пантеонов, причем в самых извращенных и наиболее неприятных для грозного божества войны положениях. Самым огорчительным было то, что в этих высказываниях часто упоминался и его нынешний собеседник.

Засмущавшись под пристальным взглядом известного широтой своих сексуальных воззрений черта, Один покраснел и поспешил затеряться в толпе.

— Есть предложение натравить на смертных твоих демонов, — пояснила Афродита. — Так как? Поддерживаешь? Только давай поскорее! — Очаровательную богиню любви крайне раздражал стоящий в ее ушах неумолчный гул охов и ахов из многочисленных фильмов категории «три икса», в названии которых использовалось ее имя.

— Демонов? — Люцифер печально вздохнул и почесал за левым крылом. — Оно, конечно, можно бы... Вот только жалко мне их...

— Тебе? Людей???!!! — изумленно переглянулись все присутствующие. Слышать подобные слова из уст главного ненавистника человеческой расы было довольно странно.

— При чем здесь люди? — даже обиделся от такого наезда повелитель ада. — Демонов. Мы же только в одном месте выйти можем. Кинут на Мегиддо бомбу атомную, и все дела. А где я себе новых демонов брать буду? Так что никакой великой битвы!

— А может, это... Третью мировую устроить? С ядерным оружием? — выступил с предложением Арес. — Оно, конечно, чуть пораньше бы — проще было, однако, если постараться, и сейчас раздуть можно...

— А потом как мир в порядок приводить будем? — холодно поинтересовалась у него Флора. — И кто нам после Третьей мировой поклоняться будет?

— Ну... выжившие...

— Крысы с тараканами? Вы уверены, что они смогут мутировать настолько, чтобы обрести разум?

— А может, тогда астероид уроним? — Трудно было поверить, что божество, обладающее столь внушительным животом, может говорить столь пискляво. Боги понимающе переглянулись и печально вздохнули. Покровитель богатства, Мамона, увы, не отличался высоким умом, зато питал неизбывную страсть к продукции Голливуда.

— Так что же будем делать? — простонал держащийся за голову Кришна. — Братья, нельзя ли побыстрее на что-нибудь решиться? У меня уже голова от этих барабанов раскалывается, а если мои поклонники немедленно не заткнутся, я сам лично спущусь на Землю и популярными методами разьясню, что кроме хари у меня еще имеются руки, а также ноги и, самое главное, хорошо поставленный удар правой!

— Я так понимаю, что вся проблема в том, чтобы радикально уменьшить количество смертных, тем не менее не изничтожая их полностью, при этом по возможности максимально безопасным для мира способом? — поинтересовался вынырнувший на минуту из нирваны Будда. Часть нирванской атмосферы просочилась вслед за ним, наполнив поднебесье характерным запахом конопляного дыма.

— Да!!! — Зевс решительно громыхнул молнией, торопливо втягивая носом сладковатый дымок и завистливо косясь на китайское божество. В такой-то нирване ему небось абсолютно фиолетово на все эти непрерывные вопли, мольбы и ругательства.

— Так почему бы вам не спросить их самих? Должен заметить, у людей потрясающая фантазия, — невозмутимо заметил Будда, выпуская изо рта клубы сладковатого дыма.

— Спросить? Людей? — ошарашенно повторил за ним Сварог.

— Ну да. Слышал я, что среди многочисленных молодежных движений появилось у людей нынче и еще одно: ролевики... Хотя нет, не то. Готы... Тоже не то... А!!! Вспомнил. Сюрвайверы! Они ко всяческим концам света готовятся. Вот и поинтересовались бы у кого-нибудь из них, какой предпочитают.

Все ошарашенно замолчали. Такая идея еще никому в голову не приходила. А Будда, выпустив еще один клуб дыма, раздумчиво кивнул и хотел добавить что-то еще, но тут дверь в нирвану распахнулась снова, послышалось веселое девичье хихиканье, затем из клубов дыма послышалось: «Пусик, ну куда же ты пропал?!» — и несколько очаровательных женских ручек, проявившись на миг из-за туманной завесы, уволокли бога-философа назад.

— Гм, а и впрямь, — раздумчиво произнес Аллах. — Ввиду большого количества психически неуравновешенных поклонников, именующих себя шахидами, этот вечно «замаскированный» (то есть носящий маску и запрещающий делать свои изображения, чтобы, по официальной версии, не смущать остальных видом прекрасного лица, а по версии Диониса, как-то раз подпоившего его до такой степени, что маска была-таки снята, — чтобы не пугать их) бог был слегка глуховат от многочисленных взрывов «в его честь», однако все необходимое он таки расслышал. — Имеет смысл посоветоваться.

Идея понравилась всем. Дабы избежать какого либо влияния заинтересованных сторон, бросили жребий, определяя, кому же из смертных выпадет честь выбрать апокалипсис для всего мира. Жребий выпал. И выпал он...

Гном-сюрвайвер Веня Лавочкин был очень занят. Ровно минуту и тридцать шесть секунд назад на его ногу совершила незапланированную посадку тяжелая бронеплита, и в данный момент времени Веня вот уже более полутора минут высказывал этому нехорошему миру все, что он, благородный гном-сюрвайвер, о нем думает.

Мир испуганно затих, не считая допустимым прерывать столь высокохудожественную речь, насыщенную красочными гиперболами, щедро украшенную многочисленными эпитетами и в высшей степени оригинальными глаголами. Так же в этой речи наличествовали многочисленные предлоги, союзы и соединительные частицы, которые и являлись единственными ее частями, которые могла бы пропустить цензура.

Пока многоуважаемый гном отводит душу, мы вслед за пронирыливым Гермесом, который как раз сейчас потрошит компьютер городского ОВД в поисках досье на капитана местного ОМОНа Вениамина Сергеевича Лавочкина, немного ознакомимся с его биографией.

Итак, гном-сюрвайвер Веня Лавочкин. Надо сказать, что на ролевых играх, посещаемых и весьма уважаемых Веней, всех, кто впервые с ним знакомился, обычно очень изумлял его рост. Действительно, ведь не так уж и часто можно встретить на улице гнома двух метров пятнадцати сантиметров росту. Да и не на улице тоже... Гномы, они немного поменьше будут... Находились даже такие сумасшедшие, что предлагали благородному Вене покинуть хирд отважных гномов, перейдя в стан презренных троллей — дескать, там он с его ростом будет уместней.

Веня Лавочкин на подобные провокационные советы не отвечал ничего. Только потом, когда очередное бесчувственное тело относили в мертвятник, он ласково поглаживал резиновое лезвие своего топора, печально размышляя, что будь он «при исполнении» и не с резиновым топором, а хотя бы с дубинкой из того же материала, одним мертвятником эти жалкие приспешники Темного не отделались бы.

В общем, гномом Веня был убежденным. Не менее убежденным он был и сюрвайвером. И впрямь. Жить всегда, жить везде, и пусть тараканы обзавидуются, а натовцы сдохнут — таков был девиз этого достойного мужа, с которым он и приступил к благородному делу постройки третьего бункера. Пара замаскированных в глухих челябинских лесах бункеров у бравого капитана уже имелась, но он по известному сюрвайверскому обычаю рассудил, что «запас карман не тянет», и с поистине гномьим упорством и трудолюбием копал третий.

В конце концов, надо же ему было где-то разместить спертую по случаю с территории разборочного завода баллистическую ракету с ядерной боеголовкой! Ракета была устаревшей модели, однако Веня логично предполагал, что запаса прочности, вложенной в нее советскими инженерами, вполне хватит, чтобы дать прикурить наглым оккупантам, которые, несомненно, постараются захватить благословенную Россию, как только великий и ужасный Пушной Зверек начнет перемещаться со своего обычного места на Северном полюсе в более теплые края.

Наконец, исчерпав две трети своего запаса ругательств, Веня вновь потащил солидный кусок лобовой брони от ИС-2 (списанным танком он разжился на все том же конверсионном заводе и доставил в лес самовывозом), который он намеревался использовать в качестве входного люка для практически уже построенного бункера. Не то чтобы он реально опасался, что его убежище будет подвергнуто атомной бомбардировке, нет. Просто в челябинских лесах часто встречаются невероятно озверевшие мародеры, так и норовящие спереть у честного сюрвайвера какую-нибудь крайне необходимую для выживания вещь, а потому надежная бронированная дверь являлась воистину предметом первой необходимости.

Правда, были у него некоторые сомнения, что листа прокатной стали толщиной в двенадцать сантиметров достаточно для того, чтобы остановить сурового челябинского мародера, которому вдруг срочно понадобится баллистическая ракета. Но за бронепоезд «Заря коммунизма», который с тысяча девятьсот двадцать второго года стоял на запасных путях конверсионного завода, старый жлоб-сторож со склада требовал аж целый ящик водки. Расстаться же с таким количеством стратегической жидкости Веня не мог, «бо самому трэба для поднятия боевого духа и настроения».

Да и прокладывать рельсы в лес, дабы транспортировать паровоз самовывозом, было нежелательно с точки зрения маскировки. Вот и приходилось обходиться танками.

Богатырски хекнув, Веня приподнял до крайности неудобную покатую бронеплиту и вновь попер ее ко входу в бункер. И в этот самый миг у него над ухом раздался чей-то приятный баритон:

— Здравствуйте, уважаемый Веня...

Ничего больше загадочный голос произнести не успел, — Веня Лавочкин свято блюл первую заповедь сюрвайвера: «Никто ЖИВОЙ не должен знать, где находится твой бункер» — и к тому же очень неплохо стрелял на звук. Так что голос умолк, подавившись девятимиллиметровой свинцовой пилюлей, а проклятая бронеплита вновь приземлилась на многострадальную ногу Вени. В течение еще трех минут окружающий лес восхищенно наслаждался богатством Вениного лексикона.

Наконец, слегка успокоившись и подув на пострадавший ноготь (да, сила легких у Вени тоже была богатырская), великий гном-сюрвайвер решил осмотреть труп так не вовремя заявившегося пришельца. Но к его невероятному изумлению тела на месте не было!!!

— Та-ак... — рассудил он, разглядывая молодую травку в том самом месте, где должен был лежать застреленный им надоеда. — Промahnуться я не мог. А это значит, что тело должно тут быть! Но его нет! Что бы это значило? Одно из двух: либо его кто-то утащил — но тогда здесь должна была остаться кровь, либо он исчез сам. Но как? Вот ведь вопрос! М-дя... Тут надо думать!

Думать Веня умел и любил. Особенно любил он думать под хороший коньяк, желательно французский, за который обычно сходил подкрашенный самогон из Бердичева, однако и простая русская водка, пара ящиков которой в качестве предмета первой необходимости давно лежала в бункере, вполне могла помочь в этом вопросе.

Спустя пару бутылок, опустошение которых не заняло много времени, в гости к Вене пришла мысль. Она долго стучалась в укрытую прочным глухим гномьим шлемом голову, пока задумавшийся Веня не прихлопнул ее коротким взмахом мощной руки, приняв за настойчивого комара. Расплющенная мысль диссоциировала под невероятным давлением через стальную преграду шлема и таким вот оригинальным способом попала по назначению. Мысль была проста.

— Раз трупа нет и его никто не уносил — значит, он ушел сам! — удивленно произнес Веня вслух и замер, ошарашенный открывшимися перед ним перспективами. — НАЧАЛОСЬ!!! — понял он.

Среди прочтенных им книг о различных вариантах прихода северной лисички были и такие, в которых песец приходил именно в результате воскрешения множества мертвых.

— Надо поскорее доделывать бункер и позаботиться о безопасности строительства, — решил Веня и опрометью бросился за демонтированным с того же ИСа крупнокалиберным танковым пулеметом.

— Ну вот, — удовлетворенно выдохнул он, водрузив ужасающее оружие себе на плечо и проверив короб с зарядами. — Ну что, подходите, зомби тупые, побеседуем? — гордо заорал Веня куда-то в глубину леса.

— А вот обзывать не надо! — сердито ответил ему уже знакомый баритон.

Длинная очередь из ДШК выкосила в лесу небольшую полянку.

— И стрелять тоже!!! — немного истерически потребовал все тот же голос. — Я бо...

Его слова были прерваны очередной длинной очередью: Веня наконец-то заметил прячущегося за деревьями невысокого парня с кудрявой головой, одетого в белый хитон, и от души угостил залетного грека свинцовым дождем.

— ...цев, и я требую к себе уважительного отношения!!! И вообще, это, во-первых, просто невежливо, я даже представиться не успел, а ты сразу стрелять. Ну что я тебе такого сделал? А во-вторых, бесполезно — мое тело состоит из эфирных планов тонкой материи и неуязвимо для этого грубого оружия! — обиженно заметил пришелец. — В отличие от моего хитона, — печально добавил он, разглядев, во что превратили пули его одежду. — Между прочим, это была новейшая модель от знаменитого Вила Кардьена!!! Единственный

экземпляр. ЭКСКЛЮЗИВ, если ты, конечно, знаешь, что обозначает это слово!

— Но-но-но... — грозно произнес Веня, приподнимая ствол ДШК. — Ты говори-говори, да не заговаривайся. Надобно-то тебе чего?

Убедившись, что явившийся к нему мужик, замотанный в обрывки простыни от какого-то Карданного Вала, во-первых, неуязвим для пуль, а во-вторых, вроде вполне безобиден ввиду общей хлипкости телосложения, Веня решил немного подождать с испытаниями своей новой, недавно откованной секиры на его черепе. В конце концов, может, удастся его припрячь к строительству? А то уж больно неудобно переть эту чертову бронеплиту в одиночестве. А уж потом, как закончит бункер, можно будет и секирку обновить...

— Я был направлен к вам, уважаемый Веня, с предложением от большого количества метафизически проявленных сущностей тонкого плана, в просторечии именуемых богами, для выяснения вашего мнения как случайно выбранного респондента с правом реша...

Осмелюсь прервать пересказ речи Гермеса — да, это был именно он, быстрокрылый покровитель воров, путников, торговцев и мошенников (ныне — защитник коммивояжеров), ибо убедительнейшая речь, составленная по всем гипнотическим правилам тайной науки энелпи, может оказать опасное воздействие на менее устойчивых людей, нежели достославный Веня Лавочкин. А потому, дабы сохранить душевное здоровье читающих сей рассказ, вынужден я сделать небольшую купюру.

Впрочем, и впрямь небольшую. Всего через пару минут этой речи Веня понял, что еще немного такой галиматши, да на трезвую голову (а что такое два пузыря для опытного гномасюрвайвера? — так, чуть-чуть больше чем ничто, но куда меньше чем что-нибудь), и он окончательно перестанет адекватно воспринимать окружающий мир. В конце концов, ну что такое какой-то помощник, который небось и работать-то как следует не умеет, по сравнению с собственным психическим здоровьем? Ничто, форменное ничто и даже меньше.

Веня обвел взглядом полянку в поисках предмета, которым можно было бы успокоить разошедшегося оратора. Увы, верная секира находилась в бункере, и бежать за ней означало еще как минимум минуту издевательств над головой и слухом благородного гнома. Это было совершенно неприемлемо! И тут взгляд Вени остановился на сиротливо примостившейся под нетолстой сосенкой бронеплитой.

Будущую дверь было жалко. Однако свое психическое здоровье Вене было куда как жалче. В конце концов, на складе конверсионного завода имелась еще парочка танков КВ-85, что в плане толщины брони тоже было вполне приемлемым вариантом.

Подняв так и не состоявшуюся дверку, Веня осторожным, крадущимся шагом бывшего охотника начал приближаться к увлеченно болтающему, словно глухарь на току, кудрявенькому типу, который как раз в этот самый момент произносил следующую фразу:

— Итак, рассмотрев все доступные варианты, мы пришли к выводу, что необходимо кардинальное элиминирование основной части человечества, проживающего в данном мире, известном под самоназванием «Земля», в целях восстановления благоприятной аудиозкологической обстановки Занебесья, ныне неконгруэнтно нарушаемой многочисленными обращениями проживающей на Земле доминирующей расы людей. С этой целью нами запланировано мероприятие под кодовым названием «апокалипсис», однако ввиду крайней несогласованности суждений различных заинтересованных сторон было решено положиться на мнение заинтересованного представителя расы людей. Честь стать этим представителем выпала именно вам. Итак, какой способ апокалипсиса вам наиболее симпатичен? Следует ли нам поднять мертвецов, затопить землю водой из растаявших ледниковых шапок или спровоцировать ядерную войну?

На последних словах Веня приобернулся, чтобы проверить шахту с баллистической ракетой, после чего полным подозрения взглядом уперся в спину Гермеса. Несмотря на то что снаружи шахта казалась в полном порядке и даже посаженная на запорный люк для маскировки двадцатиметровая голубая ель все так же спокойно продолжала расти на своем месте, грязные намеки бога воров по поводу его «последнего аргумента» Вене совсем не понравились!

— Или, может быть, у вас есть свои, оригинальные разработки? Говорите, боги слушают вас и готовы исполнить ваше желание-э-э... — Едва Гермес произнес последнее слово, как подкравшийся наконец на достаточное расстояние Веня со всего маху опустил бронеплиту на курчавую голову греческого бога.

Увы. Коварный Гермес оказался наглой обманкой! Массивный кусок прокатной стали высокой прочности прошел сквозь его тело, как сквозь туман, и с пронзительным БЗДЫНЬ!!! опустился на все ту же многострадальную Венину ногу!

Тут уж Веня припомнил все. Неисчерпаемые перлы великого и могучего русского мата сплелись в невероятной композиции, в которой сложным образом соединялись назойливые боги со своим апокалипсисом, баллистические ракеты, которые оные боги должны были использовать совершенно несвойственным для ракет образом, тяжелые бронеплиты, постоянно падающие на ноги честным гномам, и весь этот несчастный мир, уничтожение которого должно было произойти вследствие вышеописанных действий.

Слово было сказано. Несчастный посланник богов лишь изумленно выпучил глаза и поспешил исчезнуть, пока в голову разозленного сюрвайвера не пришла еще какая-нибудь идея. Вместе с ним исчезла и злосчастная бронеплита. Ну а Веня, печально вздохнув, пошел откручивать бортовую броню от полуразобранного танка в робкой надежде, что та сможет продержаться достаточное время в роли двери, пока он не подберет что-нибудь более надежное.

Где-то далеко, за беспечальным краем небес, в мире бесконечного света и вековой тьмы, древнем обители богов всех времен и народов царил уныние. Посматривая на притащенную запыхавшимся покровителем воров, мошенников и торговцев бронеплиту, боги никак не могли решить, каким же образом произвести все указанные в Слове смертного действия так, чтобы учинить хоть какой-нибудь, хоть самый маленький апокалипсис.

Увы, но даже самые развратные и нетребовательные из них категорически отказывались производить с ней все указанные Веней действия, справедливо опасаясь за свое божественное здоровье.

Однако боги не привыкли сдаваться. Задача, поставленная перед ними смертным, была сложна, но нет такой заморочки, которую они не могли бы со временем решить. Ведь боги бессмертны, и когда-нибудь они все же найдут выход! А значит, рано или поздно апокалипсис грянет.

Вот только будет он совсем-совсем не таким, который предсказывают нам множество провидцев, аналитиков и просто писателей. Ведь, увы, никто из них так и не знает, что же в точности сказал знаменитый гном-сюрвайвер Веня Лавочкин посланцу великих богов!

Интересная охота Похождения Вени Лавочкина, часть 2

Великий гном-сюрвайвер Веня Лавочкин скучал. Нет, право, глупейшая была идея — отправиться на охоту. И ладно бы это была какая-нибудь достойная его, знаменитого и могучего гнома-сюрвайвера охота — на бешеных тигров-людоедов, разъяренных слонов или обожравшихся мухоморами до полного озверения медведей. Но нет! Это была примитивная, абсолютно скучная и ничем не примечательная среди подобных себе охота на уток, слабых, беззащитных созданий, которые и простейшего противозенитного маневра выполнить не в состоянии!

Соблазненный предложением своего старинного приятеля: «Уток и водки будет уйма! И настреляешься, и напьешься», — Веня поддался на эту заманчивую, как ему тогда казалось, инициативу и поехал отмечать открытие охотничьего сезона на озеро Айдыкуль — изрядно заболоченное, но тем не менее очень красивое и богатое как рыбой, так и дичью озеро в Челябинской области.

Но, к сожалению, все оказалось далеко не так радужно. Нет, Гена его не обманул, уток

действительно было много. Венин полуавтоматический дробовик двенадцатого калибра даже перегрелся от непрерывной стрельбы, а у ног великого гнома-сюрвайвера выросла большая кучка из двадцати крякв, сорока чирков, несчитаного количества лысых и одной вконец обнаглевшей вороны, сдуру решившей, что она, ввиду своей несъедобности, может безнаказанно гадить на великого сюрвайвера. Порция свинца, прилетевшая ей вдогон сразу после произведенной «бомбардировки», быстро разубедила «серую разбойницу», но было уже поздно, и охотничий камуфляж Вени «украсило» непредусмотренное дизайном позорное пятно, что значительно испортило и без того не самые радужные впечатления.

Но если бы этой мелкой неприятностью все и ограничилось! Увы. Второе отделение программы, а именно распитие aqua vitae из пол-литровых сосудов в хорошей компании, оказалось далеко не таким заманчивым мероприятием, как Веня рассчитывал.

Нет, с количеством водки проблем не возникло. Запасенных приехавшей на пару суток компанией охотников пяти ящиков живительного напитка было вполне достаточно для хорошего отдыха кому угодно. И даже знаменитому гному-сюрвайверу данного количества оказалось вполне достаточно, чтобы слегка расслабить вечно напряженный, готовый в любую минуту отразить внезапное нападение подло подкравшегося врага могучий организм великого воителя.

Но в чем же тогда заключалась причина недовольства славного охотника? Этого, пожалуй, он и сам не мог сказать. Может быть, причина была в том, что из-за привычки к куда более серьезной, сложной и опасной «дичи» ему было просто неинтересно бить медлительных и глуповатых нырков, предсказуемых, жирных крякв и остальных пернатых, совершенно беззащитных перед хорошо вооруженным метким стрелком.

А может, причина была в том, что, едва они успели «раздавить» всего-навсего шестую бутылку (ну что такое для опытного сюрвайвера какие-то три литра водки, к тому же разделенные на четверых охотников?), как он практически лишился возможности полноценно общаться.

Речь его собеседников по каким-то неведомым причинам (наверняка происки злобных врагов) замедлилась и стала невнятной, и вместо дружного, ласкающего слух настоящего сюрвайвера коротко-решительного: «Будем!» или мягко-намекающего: «Ну, за здоровье!» — все чаще и чаще следовали какие-то невнятные, длинные и занудные тосты типа: «Летел могучий орел над вершинами белоснежных гор. Летел над морями. Летел над полями. Попытался и над озером пролететь. Но не вышло это у гордой птицы. Сбили. Так выпьем же за то, чтобы никто и никогда не принял нас за утку, и нам не пришлось выковыривать дробь из задницы!»

Глупый тост. Однозначно глупый. Хотел бы Веня посмотреть на того несчастного, который мог бы принять его могучий организм двух метров пятнадцати сантиметров ростом при ста шестидесяти килограммах литых мышц и прочнейших костей веса за какую-то несчастную утку! Поглядеть, пощупать за шейку, выпить за упокой души...

Но... подобных «экстремальных самоубийц» на всем протяжении длинного и весьма извилистого жизненного пути великого гнома-сюрвайвера пока еще не встречалось. А уж всяких разных весьма и весьма неординарных встреч у Вени Лавочкина было с преизбытком!

О чем он, кстати, и не замедлил проинформировать своих товарищей, предложив вернуться к так понравившемуся ему краткому, мудрому и многозначительному «Будем!» в качестве тоста.

Увы. Его собутыльники (во всех других отношениях и трезвом состоянии — замечательные, уступчивые люди) на этот раз оказались с ним просто категорически не согласны. Они, наоборот, с пьяным жаром начали приводить многочисленные известные им несчастные случаи на охоте, происходившие с будто бы им лично известными людьми.

Затем как-то незаметно разговор от неприятных происшествий и нечаянно подстреленных на охоте людей перешел на интересные и необычные случаи и подстреленных зверей. И уж тут-то Вени Лавочкину равных не существовало.

Станных, необычных и удивительных происшествий в его жизни хватило бы на

приличный героический эпос, в который, впрочем, все равно бы никто не поверил. Чего стоит только недавнее явление к нему типа, активно мешавшего строительству запасного бункера и оказавшегося совершенно неуязвимым для личного оружия самообороны сурового сюрвайвера — танкового пулемета. Сколько он тогда патронов на этого гада извел — это же подумать страшно!

Увы. Данная сволочь, представившаяся Гермесом, не только внаглую проигнорировала обрушенный на нее свинцовый ливень, но и таки ухитрилась спереть единственную имевшуюся у Вени плиту от лобовой брони танка ИС-2, которую гном-сюрвайвер хотел приспособить в качестве двери бункера. Вот уж воистину бог воров и мошенников!

И это только одно из многих странных происшествий, которые последнее время происходили при Венином участии с незавидной регулярностью.

Но ведь не станешь же о таком рассказывать! Во-первых, не поверят, а во-вторых, мало ли... вдруг как раз таки поверят. Не дай бог еще бункером заинтересуются...

Порывшись в памяти на предмет наиболее безобидного и наименее невероятного происшествия, Веня вспомнил историю трехлетней давности, когда по весне он, идя по вечерней зорьке на вальдшнепов², нос к носу столкнулся с вышедшим из-за кустов матерым, голодным после зимы и явно вознамерившимся плотно поужинать медведем.

Расстояние было меньше трех метров, и перезаряжать ружье пулей было совершенно некогда, так что стрелял Веня тем, чем мог — имевшейся в стволе дробью «семеркой». А после выстрела добил смертельно израненного и ошалевшего от такой невероятной жестокости медведя длинным кинжалом, на лезвии которого еще можно было увидеть полустертую от времени и частого контакта со шлифовальным камнем надпись «Meine Ehre heisst Treue»³.

Данный раритет еще его дед принес с полей Великой Отечественной войны как память о недолгой, но плодотворной встрече с офицером СС, который, пребывая в полном восхищении от умения Ивана Афанасьевича Лавочкина стрелять навскидку из нагана, и подарил ему этот кинжал вместе со всем остальным своим обмундированием и табельным оружием.

Собственно, последней фразой, произнесенной немцем после того, как Лавочкин от всей своей щедрой сибирской души преподнес ему небольшой, но памятный сувенир — семимиллиметровую пулю с занесением в грудную клетку, было: «Ich hoffe, du landest in der Hölle, verdammter Kommunist»⁴, каковую фразу слабо разбирающийся в языках потомственный охотник и понял как: «Завещаю тебе все свое имущество, уважаемый Иван Афанасьевич».

Чиниться и отнекиваться он, разумеется, не стал и, споро закопав офицера под ближайшей елкой, отправился дальше искать новых немцев для участия в соревновании по скоростной стрельбе навскидку. С тех пор этот кинжал верой и правдой служил вот уже трем поколениям Лавочкиных в качестве отличного охотничьего ножа.

Фашистский кинжал в очередной раз подтвердил высокую репутацию немецкой стали, без особого напряжения позволив «добрать» тяжелораненого медведя.

Эту историю Веня и преподнес друзьям после их настойчивых требований в качестве «охотничьей истории». Но, увы, ни понимания, ни восхищения его умением и

² **Вальдшнеп** (лат. Scolopax rusticola) — небольшая птица семейства бекасовых, размером чуть меньше голубя. Охотятся на вальдшнепа обычно весной, на утренней или вечерней заре, когда птицы совершают брачные полеты над вырубками, полянами или иными более-менее крупными лесными прогалинами. Поскольку птица некрупная, для охоты применяется дробь № 7 или № 5, то есть довольно мелкая.

³ «Моя честь зовется верность» (нем.), девиз СС.

⁴ «Я надеюсь, ты попадешь в ад, проклятый коммунист» (нем.).

мужественностью данный рассказ не вызвал.

— Медведя «семеркой»? Веня, да ты совесть-то имей. Урежь осетра!⁵ — возмутился Гена, разливая по стопкам очередную бутылку.

— Да чтоб мне в ад провалиться, если хоть слово соврал! — Звучащее в устах собутыльника недоверие здорово оскорбило правдивейшего из всех сюрвайверов и честнейшего из гномов. — Да пусть меня сей же час черти заберут, если это было не так! — громко и отчетливо произнес Веня и внезапно ощутил, что он куда-то стремительно падает.

В приемной властелина ада его всемогущества князя Люцифера было очень шумно!

— Это как понимать прикажете? — грозный крик первого заместителя всемогущего владыки могучего лорда Вельзевула разносился под сводчатыми готическими потолками, с размаху обрушиваясь на покорно склоненные рогатые головы подчиненных.

— Стоило только нашему повелителю ненадолго отвлечься, музыку послушать, и что? Приток душ немедленно уменьшился! По сравнению с прошлым десятилетием показатели упали почти на тридцать процентов! А с позапрошлым? Ныне и половины того потока не собираем! Что, люди грешить перестали? Святость в моду вошла? — раздраженно спросил Вельзевул и ткнул длинным когтем в кнопку включения висящего в приемной телевизора.

Комната наполнилась звуками незамысловатой музыки, на экране замелькали полуобнаженные красотки, и хриплый голос затянул: «...девочка пай, рядом жиган и уркаган...»

Довольно улыбнувшись, Вельзевул взял пульт управления и нажал следующую кнопку.

«В результате массовой драки...» — послышался приятный женский голос, и на экране появилось симпатичное лицо телеведущей одного из крупнейших новостных каналов. Улыбка на лице заместителя Люцифера увеличилась, обнажив длинные острые клыки с канавками для впрыскивания яда. Он вновь нажал на кнопку переключения каналов.

«Немедленно после моего избрания я обещаю существенное повышение пенсий и зарплат, пересмотр и понижение тарифов на коммунальные услуги и электроэнергию, открытие новых дешевых и общедоступных детских садов. Наша партия давно известна своей всемерной заботой о простых людях и отчаянной борьбой с чиновничьими злоупотреблениями...» Невысокий, лысоватый мужчина с горбатым носом и честным, открытым и располагающим взглядом профессионального мошенника решительно рубанул ребром ладони по воздуху.

— Ну вот, — довольно протянул архидемон, нажав на кнопку выключения, и ласково протер экран отключившегося агрегата. — Не стали люди меньше грешить. Не стали! А значит, уменьшение клиентуры — сугубо наша недоработка. Точнее, ваша! — Он вновь сурово оглядел покаянно опущенные затылки чертей.

— Зажрались вы, гляжу, без начальственного присмотра. — Он с силой ткнул острым когтем в далеко выдающееся вперед пузо начальника отдела по лжесвидетельствам, почтенного Нисрока. — Обленились... — Огненный взгляд Вельзевула воспламенил

⁵ **Урежать осетра** — то есть умерить бахвальство. Здесь намек на один весьма известный в охотничьей среде анекдот: // «Двое перепились и бахвалятся друг перед другом. // — Поехал я как-то с мужиками на рыбалку. Ну забрасываю — взяло! Я давай тащить — не могу. Мужики ко мне на помощь. Тянули целый час и вытащили осетра на восемь метров. // — Ну ты гонишь! // — Да я сам измерял, мужики измеряли — восемь метров, не больше и не меньше! // — Не, гонишь. Осетры самое большее пять метров бывают, я сам читал. Урежь осетра-то! // — Нет, восемь! // — Да ладно, давай я лучше тебе свою историю расскажу. Пошел я давеча на охоту. Взял с собой свою канадскую помповушку, которая наповал бьет. Оборачиваюсь — морда лосиная. Я ему в лобешник — бах! бах! А тут из-за дерева егерь выходит, а у меня разрешения на отстрел нет. Ну я в запале ему в лобешник — бах! бах! Я в кусты, а там парень с девчонкой. Ну а мне деваться некуда — мокруха пошла, а тут свидетели. Ну я по ним — бах! Раздвигаю кусты — палатки стоят. Туристы, эти их мать. Что делать? — Бах! бах! Всех пострелял — пять человек. Отдышался, гляжу вверх — мама дорогая! — на косогоре «Икарус» стоит с пассажирами. Все на меня из окон пялятся. 150 человек! Я тебя Христом Богом прошу, урежь осетра, а то я их всех сейчас в расход пушу!»

длинную, тщательно уложенную и напмаженную кисточку хвоста Эзекиила, отвечающего за уличных грабителей. — Форму одежды не соблюдаете... — Коготь архидемона обвиняюще уперся в длинное платье Астарты, главы отдела соблазнительниц.

Мгновенно сориентировавшаяся суккуба удержала на языке так и рвущиеся пояснения о том, что подобная одежда после беспримерного подвига Моники Левински является последним писком моды среди соблазнительниц всех мастей и рангов, и просто немедленно избавилась от вызвавшего начальственный гнев предмета одежды.

Внимательно оглядев обнаженную красотку, Вельзевул прицокнул языком и, одобрительно кивнув, проследовал дальше.

— В общем, так, — подвел итоги разноса первый заместитель князя Тьмы. — Крутитесь как хотите, но чтобы с сегодняшней ночи показатели выросли. Завтра утром проверю. И если улова не будет, задачу станут решать ваши преемники! А то развелось у нас тут начальства... А между прочим, у кочегаров жуткий кадровый голод имеется! Подносчиков дров остро не хватает. Всем все ясно?

Собравшиеся отчаянно закивали. Идти в кочегары, на самую распоследнюю, унижительную даже для мелких бесов должность подносчика дров никому из находящихся в приемной демонов никак не хотелось. И потому, стремительно разбегаясь подальше от начальственного ока, каждый из них был занят мыслями о том, как, каким образом можно за столь малый срок, данный архидемоном на улучшение ситуации, исправить свои показатели.

— Есть, шеф! — Радостный крик Огромоба, черта-взирающего из отдела ложных клятв прервал печальные мысли Нисрока о своей будущей тяжелой и печальной карьере подносчика дров. До конца отведенных Вельзевулом двенадцати часов оставалось не так уж много времени, а, несмотря на непрерывный мониторинг, количество выловленных лжесвидетелей было не так уж велико. К тому же зарегистрировать лжесвидетельство — это одно, а вот дожидаться, пока принесший ложную клятву отдаст концы, дабы утянуть к себе законную добычу, — совсем, совсем другое! А Вельзевул ждать не намерен! Не будет добычи — прощай уютное кресло, привычный и снабженный отличнейшим кондиционером кабинет, вкусные и обильные ужины в «Прокисшем грешнике»; здравствуй раскаленные котлы, тяжелые дрова и строгая диета. Увы и ах, но рядовым подносчикам дров пропуска в спецресторан не положены...

— Что там? — печально пробурчал Нисрок. — Опять какой-нибудь политик заврался? Небось еще и с хорошим здоровьем? Теннисом там увлекается, борьбой... И сколько нам его ждать придется?..

— Нет, шеф! Не придется ждать! И не политик. Охотник какой-то... Здоровенный, — с некоторой даже завистью в голосе протянул Огромоб.

— Что, неужто соврал и его сразу грохнули? — не поверил в подобное счастливое совпадение Нисрок.

— Нет, лучше! — Улыбка широкой и плоской физиономии черта в прямом смысле растянулась до ушей. — Он нас в свидетели призвал! Так и сказал: — «Пусть меня немедленно черти заберут, если солгал».

— Слава всемирнейшему! — радостно выдохнул Нисрок. — Заберем, всенепременнейше заберем! Хороший подарок будет для Вельзевула. А о чем он свидетельствовал?

— Да что медведя дробью номер семь застрелить смог.

— Надеюсь, проверку провели? Вдруг правду сказал? — озабоченно поинтересовался толстый демон, поднимаясь с кресла и начиная творить заклинание призыва грешника. — Нам только протестов светляков за неправомерно унесенного человека для полной... не хватает!

— Да какая тут проверка, — отмахнулся Огромоб, в свободное время нередко присоединявшейся к свите Кернунна, бога-демона безудержной охоты, и потому знавший немало тонкостей этого почтенного занятия. — Семерка — это ж мелочь всякую бить. Ею и

утку-то не взять, перо не пробивает. А тут медведь! А если все по правилам делать, запрос в архивы посылать, то до рассвета никак не уложимся. Сами понимаете...

— Ну, смотри, — завершая заклинание, махнул когтистой лапой Нисрок. — Если что не так будет...

Он не договорил. Сотворенное заклятие начало свою работу, и потолок смотрового зала отдела лжесвидетельств разверзся, пропуская затянутую в охотничий камуфляж мощную фигуру Вени Лавочкина.

Нисрок заранее поморщился, ожидая привычного громкого «шмяк» и как следствие непременно следующего за звуком падения обильного и весьма обидного для чертей потока ругательств. Вот скажите, ну почему смертные так удручающе однообразны в своих выражениях? Стоит им только внезапно упасть, как они немедленно начинают поминать черта, разнообразные вариации своих с ним гомосексуальных отношений и прочие извращения.

И почему люди склонны переносить свои отклонения на уважаемых сотрудников нижнего департамента? В отличие от глупых смертных, черти как идеальные создания не страдают проблемами половой самоидентификации, психическими расстройствами, венерическими, как и любыми другими заболеваниями, не склонны к облысению и всегда находятся в великолепной физической форме! Нисрок горделиво выпятил грудь, подобрал, сколь это возможно, живот и задрал пяточек к аляповато украшенному потолку, готовясь немедленно разяснить это новоприбывшему, как только тело вызванного клятвопреступника соприкоснется с мраморным полом и изо рта его извергнутся стандартные оскорбления.

Увы. Надежда властителя лжецов оказалась напрасной. Не из тех людей был Венья Лавочкин, чтобы неумело падать на задницу! Приземлившись с перекатом по всем правилам боевого самбо, он немедленно и от всей своей гномо-сюрвайверской широкой души зарядил ногой по призывно выпяченному пузу Нисрока. Что поделать, рефлекс такой! Если сюрвайвер неожиданно падает, значит, в этом кто-то виноват! Причем виновный обычно находится где-то поблизости, в пределах ногодосягаемости. И упускать возможность наказать подобного типа за его наглые шутки для благородного гнома-сюрвайвера никак невозможно.

Нисрок гулко икнул, разом выпуская весь набранный в грудь для продолжительной отповеди воздух, и сложился вдвое. Ему стало нехорошо. Собственно, мало кому может быть хорошо, если его со всей дури ударят в живот обутой в армейские берцы ногой сорок восьмого размера! А если учесть, что подобным ударом Венья как-то на спор проломил бревенчатую стенку старой баньки своего приятеля...

Лежа на полу, пузатый демон печально размышлял о жизненных горестях и о том, что должность младшего подносчика дров таки имеет свои немалые преимущества.

Спустя мгновение к нему присоединился и Огромое. Роскошные рога старшего надзирающего отдела клятвопреступлений весьма заинтересовали Веню, который недолго думая, двумя мощными ударами ребром ладони отделил их от головы-носителя, дабы с удобством рассмотреть поближе.

Впрочем, при близком рассмотрении выяснилось, что демонические рога ни по структуре, ни по внешнему виду особо не отличаются от налобных украшений памирских архаров, притом заметно уступая им в прочности, так что особого интереса у знаменитого сюрвайвера они не вызвали. Отбросив их в сторонку, Венья раздраженно огляделся по сторонам.

Он весьма не любил, когда что-либо или кто-либо отрывал его от священного для любого сюрвайвера процесса употребления водки. Если подобное все же случалось, то Венья почитал своим священным долгом тоже оторвать этому кому-нибудь чего-нибудь ненужное. Голову, например. Для того, кто мешает выпить благородному гному-сюрвайверу его масштабов заслуженную тяжким трудом бутылочку-другую «огненной воды», это явно не самый нужный предмет обихода!

Так что осматривался Веня с весьма ясной и конкретной целью — отыскать того будущего калеку, который спер из-под него походный стул, утоптанную землю под стулом, расположенное поблизости озеро, палатку, друзей, а самое главное — отличный бенеллевский дробовик и полный стакан водки, который Веня уже держал в руках! Лежащие и тихо постанывающие после первого знакомства Нисрок и Огромое на роль загадочного злодея никак не годились, поскольку тип, который ухитрился украсть дробовик с плеча и стакан водки из рук сюрвайвера (не говоря уже о такой мелочи, как озеро, палатка, друзья и любимый походный стульчик), был явно субъектом весьма незаурядным, которого с первого удара уж точно не вырубешь!

И тут большое и мрачное пространство озарилось ярким, радостным светом, и посредине него возник тот самый загадочный вор. Облачен он был в белую тунику, за плечами трепетали огромные, сияющие чистейшим светом крылья, в руках он держал украденный дробовик, а на физиономии было нарисовано такое благодатное выражение, что никаких сомнений относительно печальной участи пропавшего стакана водки и возникнуть не могло! С яростным ревом оскорбленный сюрвайвер ринулся в решительную атаку!

Немногим ранее, в тот самый момент, когда Нисрок, еще не подозревавший о печальных последствиях своих необдуманных действий, только начал творить заклинание призыва, в сияющем белизной кабинете архангела Михаила раздался тихий тревожный звонок.

— Что такое? — недовольно отрываясь от полыхающего выстрелами экрана компьютера, спросил архистратиг сил добра.

DOOM-3 он проходил уже далеко не первый и даже не первый десяток раз, однако главному полководцу ангельского воинства данная игра все еще не приелась. Увлеченность, с которой он крошил виртуальных демонов, выглядела несколько странно для столь почтенного иерарха, особенно если учесть периодические выкрики: «Да! А вот тебе и дробь в ягодицу, подлый бес! А тебе, Баал, что нужно? Жизнь моя? Царство Божье? А ху-ху не хо-хо поперек рожи и бензопилой по рогам?»

Впечатление это, конечно, производило несколько... экстравагантное, но безумцев, которые бы рискнули сказать это в лицо первому заместителю Творца, известному своим крутым нравом архангелу Михаилу, нынче в раю не наблюдалось. Вообще, с некоторых пор, а конкретней — с того самого времени, как Бог оказался несколько... занят, поневоле передоверив присмотр за своим Царством великому архистратигу, порядки там здорово изменились.

Издrevле уважающий первейшую заповедь любого хорошего командира: «Солдат должен быть всегда занят», — Михаил и раньше с трудом переносил царящее в раю отсутствие дисциплины, лень и негу и немедленно по принятии на себя регентских полномочий прекратил данное безобразие.

Сводные полки праведников приступили к усиленным тренировкам. Элитные дивизии мучеников, размахивая в такт копьями с наконечниками из закаленной божественной благодати, по три раза в день отрабатывали перестроения под пение богоугодных гимнов.

Младшие ангельские чины под руководством советских летчиков-асов отрабатывали противозенитные маневры и крутили фигуры высшего пилотажа. Рощи эдемского сада заполнились медведями и львами из сводной бригады «Могучая лапа», неустанно отрабатывая партизанские и противопартизанские действия в лесах и саваннах. Пророк Елисей, в одночасье из заурядного проповедника ставший целым бригадным генералом, был счастлив, и под его неустанным надзором мохнатые солдаты демонстрировали чудеса ловкости и умения незаметно подкрасться к любому врагу.

Правда, вначале наблюдался некоторый ропот, впрочем, немедленно прекратившийся после того, как заведующий райской библиотекой Уриил под большим секретом поделился с ближайшими друзьями информацией о том, что могучий архистратиг всерьез принялся за изучение трудов Иосифа Виссарионовича Сталина, обмолвившись, что было бы неплохо

привлечь его в качестве советника по внутренней безопасности. Слухи разошлись быстро, и усердие на тренировках немедленно взлетело до просто непредставимых пределов.

В результате данных мероприятий степень милитаризации Царства Божия на описываемый момент стремилась к бесконечности, а архангел Михаил был практически счастлив, мечтая лишь о том, чтобы поскорей получить долгожданный приказ к наступлению. Но увы. Святой троице было не до его желаний, и потому архистратиг глушил свою тоску по «настоящему делу» виртуальными сражениями.

Впрочем, вернемся к теме нашего повествования. Итак, недовольный тем, что его оторвали от очередного боя, Михаил поставил игру на паузу и обернулся к своему адъютанту:

— В чем дело, лейтенант?

— Осмелюсь доложить, потенциальным противником предпринимаются действия, должныствующие привести к незаконному захвату представителя опекаемой стороны. Согласно донесению группы магической разведки, ими активизирована пентаграмма призыва. Объект призыва — Вениамин Сергеевич Лавочкин, тридцать три года, капитан отряда полиции особого назначения города Челябинск.

Встроенная противниками в заклинание информация о причине захвата — лжесвидетельство под залог души — не совпадает с данными проведенного нами расследования. Объект действительно объявил собственную душу и тело залогом своей правдивости, однако проверка истинности его слов показала что, объявляя об этом, он ничем не рисковал. Ни малейшего отступления от истины в своем рассказе он не допустил, действительно поразив в одна тысяча девятьсот девяносто восьмом году от рождества Христова выстрелом в упор шестилетнего медведя дробовым зарядом, и, таким образом, проводимая в данный момент операция потенциального противника полностью незаконна и требует немедленного ответа с нашей стороны. Какие будут приказания?

— Секунду.

Михаил свернул игру и защелкал клавишами, составляя запрос. Затем он почти полминуты — просто невероятно долго, если учесть скорость чтения и принятия решений архистратига, изучал высветившееся перед ним досье великого сюрвайвера. Наконец он окончил чтение и довольно откинулся на спинку кресла.

— Наш человек. — Широкая улыбка, растянувшая губы архангела, была настолько редкой гостьей на этом суровом лице, что молодому адъютанту захотелось протереть глаза.

— Когда придет его срок, я знаю, кто у меня будет командиром спецвзвода, — мечтательно протянул Михаил. — Ну а пока...

Он коротко крутанул колесико мышки, внимательно перечитал одну из строчек досье и вновь откинулся в кресле.

— Увлечения: стрельба, женщины, ролевые игры, шутеры от первого лица. Из компьютерных игр предпочитает: С.Т.А.Л.К.Е.Р, Халф-Лайф, DOOM, — прочитал он вслух. — Вот и отлично — по-доброму улыбнулся архистратиг. — Выдайте ему его дробовик, дробь — освятить, и более не вмешивайтесь, — приказал он порученцу. — Пусть человек развлечется, как следует! — пожал он плечами, вновь запуская игру.

Спустя еще несколько секунд по земному времени проштрафившийся ангел-хранитель Вениамина Сергеевича был ударными методами выведен из длительного запоя, получил на руки драгоценный дробовик и патронташ с наскоро освященными патронами и наложенным благословением «необходимой бесконечности» — тем самым, при помощи которого некогда были накормлены пятью хлебами пять тысяч человек, и напутственно-начальственным пинком отправлен в сторону ада, где на данный момент и пребывал его подзащитный.

Собравшиеся в зале заседаний низко склонили украшенные роскошными рогами головы. Тяжесть кары, обрушенной на некогда почтенного Нисрока, была способна ужаснуть даже самое зачерстневшее сердце. Впрочем, кара сия была им полностью заслужена, что с

большим энтузиазмом подтверждали многие из присутствующих, осторожно почесывая все еще зудящую шкуру, не так давно чересчур близко познакомившуюся с освященной дробью. Увы, адское пламя хоть и возвращало уничтоженные телесные оболочки, но с некоторыми постэффектами чересчур близкого контакта с мелкими свинцовыми шариками, напитанными божественной благодатью, справиться было не в силах.

— Итак, общим решением бывший начальник отдела лжесвидетельств Нисрок назначается на должность демона-искусителя второго ранга и навечно прикомандировывается к некоему гражданину Лавочкину Вениамину Сергеевичу.

— Пощады... — тихо выдохнул обреченный, горько проклиная тот день и час, когда он решил избежать такой перспективной, милой, спокойной и безопасной работы подносчика дров. Но в разразившемся громе аплодисментов тихого возгласа несчастного никто не услышал.

— Второй вопрос повестки дня, — дождавшись, когда стихнут бурные овации, продолжил Вельзевул, — новый законопроект, КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЮЩИЙ любые призывы людей в ад в их телесной оболочке. Души, души и только души! И НИКАКИХ исключений! Особенно для охотников с дробовиками, ролевиков, сюрвайверов, капитанов ОМОНа и фанатов DOOMA. Пусть говорят себе что угодно и о чем угодно! Пусть хоть закланутся... НИКАКИХ призывов! Кто за?

Над залом взлетел лес рук.

— Единог... — начал Вельзевул и тут же оборвал сам себя: — Астарта, а ты? Ты что, воздержалась? — Он с изумлением взглянул на все так же прекрасную демоницу, осторожно примостившуюся в уголке на самом кончике стула. Демоница была какой-то странной — тихо сидела, мечтательно полужакрыв глаза и невпопад отвечая на обращенные к ней вопросы. Окружающие понимающе переглядываясь, не трогали несчастную — всем было известно, что в секторе соблазнительниц проклятый всеми чертями сюрвайвер задержался дольше всего, пробыв там чуть ли не половину времени, проведенного в аду.

— Нет... Не воздержалась, — открыв затаенные какой-то странной, томной поволокой глаза, с изрядной задержкой отозвалась Астарта. — Я против...

— Против? — От изумления Вельзевул даже потряс головой и поковырял длинным когтем в мохнатом ухе, решив, что ослышался.

— Да, против! Наоборот, призывать... Еще и еще!!! Венечку... Как только он зашел в своем камуфляже, с дробовиком наперевес... Я уже приготовилась вернуться в пламя, но он сказал, что настоящий мужчина женщин не обижает...

— И что?

— И не обидел, — мечтательно выдохнула демоница.

— Кхм... — откашлялся Вельзевул. — В общем, за законопроект проголосовали почти единогласно. Принято! — Третий вопрос повестки дня — ремонтные работы. Как докладывают строительные бригады дэвов, реставрация главного дворца его темнейшества займет еще не менее...

— Слушай, а Веня-то где? — лихо опрокинув в себя очередной стакан водки, заинтересовался Геннадий Валерьевич Вещцов, обеспокоенный отсутствием друга. — Третий тост уже пропускает. Непохоже это на него.

— Отлить, наверно, пошел... Или отдыхает, — откликнулся Филимон Матвеевич Карасиков, для краткости за возраст и охотничий опыт прозываемый Дедом. — Третью бутылку приканчиваем, вот и утомился человек...

— Да что ему эта доза, — решил постоять за честь друга Гена. — Он ее небось и не заметил-то! Ему, чтобы устать, раз пять по столько требуется!

— А вон и Веня идет, — не поддержал беседу Дед. — Я говорю же, отлить ходил. Хотя нет, — приглядевшись, поправился Филимон Матвеевич. — Мешок какой-то прет, тяжелый, похоже.

Молча подтащив к небольшому костерку свой и впрямь, кажется, весьма тяжелый и

необычной формы и размеров груз, Лавочкин сбросил его с плеча и, тяжело выдохнув, немедленно ухватил наполненный стакан. Выпил его так же молча, потом с некоторой осторожностью сел на свое место, отрезал кусок копченого сала и с удовольствием его съел.

— Ну где ты был? — не выдержал наблюдавший за этим Гена. — Куда ходил? Четвертый тост, между прочим, пропускаешь! И что это у тебя такое? — Он кивнул в сторону сброшенного Веней груза.

Сейчас, при свете костра, было видно, что это не совсем мешок, а большой кусок дорогой парчовой занавеси ярко-алого цвета, в который были уложены довольно массивные предметы.

— А... — безнадежно махнул рукой Веня. — Какой смысл рассказывать, все равно не поверите. Лучше еще водки налей, тогда, может, и расскажу, и даже покажу кой-чего. — Он слегка пнул свой мешок, и Гена обратил внимание, что когда-то отличная ткань ныне вся покрыта какими-то подозрительными пятнами, разводами и подпалинами.

— Ну это само собой, — степенно отозвался Филимон Матвеевич, до краев наполняя граненый стакан. — А все же любопытно, что было-то?

Когда Веня закончил свой рассказ, Дед глубокомысленно помолчал, степенно отхлебнул из своей кружки, после чего обернулся к Гене.

— А ты говорил, к водке устойчивый... — с некоторой укоризной произнес он, обращаясь к Вещову. — А ты, мил друг, не волнуйся. — Дед вновь обернулся к Вене. — Белочка, она вещь, конечно, неприятная, но и с ней сладить можно. Ты, главное, ружьецо в сторонку-то отложи да иди поспи маленько. Завтра в город вернемся, врачу покажешься, все хорошо будет...

— Не верите, значит, — ухмыльнулся Веня. — А я ведь правду вам говорю. Коль у меня белочка была, то что это такое и откуда оно у меня взялось? Тоже пушехвостая принесла, скажете?

С этими словами он встряхнул свой мешок, вываливая на поляну перед костром несколько странных, похожих на козлиные голов с пяточками вместо носа, длинными клыками и небольшими, но весьма острыми рогами.

Затем из мешка выпала пара длинных плетей с рукоятками из темного матового металла, украшенного неведомыми значками, багрово сияющими в темноте ночи, и змеями — некогда, видимо, живыми, а сейчас безнадежно мертвыми, неведомо как прикрепленными за хвост вместо кожаного ремня.

После плетей появился короткий ятаган со сбегаящими вниз по клинку каплями багрового огня и яростно пылающими рубинами в рукояти. На гарду ятагана приземлились полупрозрачные женские трусики с небольшим, изящно украшенным нежнейшим кружевом отверстием для хвоста, которые вдруг засмущавшийся Веня быстро убрал в карман.

Ну и наконец, покопавшись в мешке, Веня извлек пару каких-то невзрачных, измятых комков некогда белых перьев. Встряхнув и скептически посмотрев на них, Веня брезгливо бросил эту добычу через левое плечо, но тут же настороженно обернулся. Ему явственно послышался тихий вскрик: «Мои крылья, отдай, гад» — и шум какой-то драки. Однако позади гнома-сурвайвера было только тихое ночное озеро... Впрочем, того, что некогда было крыльями укравшего его дробовик воришки, позади почему-то тоже не наблюдалось.

— Ну так что? Теперь верите? — горделиво переспросил Веня, картинно опираясь ногой на голову, некогда принадлежавшую почтеннейшему Бельфегору, и весело помахивая огненным всеразрубающим ятаганом великого Саргатаноса. — Вот так все и было, как я рассказал! Чтоб мне на этом же месте в ад провалиться, если хоть одним словом солгал!

Настоящее счастье

Выдержки из дневника архимага Веластриса Игнатийского, посвященные его общению с Избранной № 268 Лэрис Пристрастной

День начинался просто превосходно. Этим утром наконец-то закончился синтез

кристалла трансовиума, причем его характеристики по всем параметрам совершенно не уступали природной драгоценности! Более того, по накоплению маны он превосходил природные аналоги как минимум в полтора раза!

Длившийся более трех лет эксперимент завершился полнейшим успехом! Надо признаться, это обстоятельство настолько меня окрылило, что я решил устроить себе небольшой выходной.

Нет, ничего особого, никакого разгула. Я, видите ли, довольно ленив. А настоящий пьяный разгул требует слишком больших и совершенно неокупаемых усилий. Вначале телепортироваться в какой-нибудь крупный город, потом блуждать в поисках подходящей таверны, затем пить дрянное вино, убивать надоедливых наглецов... Затем тратить ману на то, чтобы разносить таверну, усыплять стражу, сжигать прибежавших по мою душу инквизиторов... Это так утомительно! А иногда, если инквизиторы попадают особенно настойчивые, приходится еще и разносить местный собор и сжигать город!

Вы представляете, сколько огненной маны приходится потратить на сожжение хотя бы самого задрипанного городишки? Особенно если учесть, что эти нехорошие люди в последние двести лет повадились строить города из камней и кирпича? На каждую пьянку теперь приходится тратить столько сил, что хватило бы на вызов какого-нибудь слабенького ифрита! Оно мне надо?

В общем, ничего подобного я не планировал. Тихо, спокойно посидеть у камина, может быть, выпить немного хорошего вина, отметить успех... Ага. Так мне и дали.

Вот скажите мне, почему так? Живешь себе в своей любимой башне на опушке леса, заметьте — вдали от всех и всяческих королевств, царств и княжеств. Живешь, никому не мешаешь, никуда не лезешь. Так нет ведь, прутся люди, как будто им здесь медом намазано!

Ладно еще если какой-нибудь соискатель подвига, очередную «принцессу освободить» придет. Технология отработана. Активирую сторожевого голема в виде дракона и наслаждаюсь зрелищем. Голем у меня так себе. Признаться, я нарочно несколько занизил боевые характеристики обычного сторожевика, чтобы у этих твердолобых был какой-никакой, но шанс на победу. А то совсем ведь неинтересно будет. Пых... и все. А так... Отчаянная схватка, безжалостный бой не на жизнь, а на смерть с могучим и бесстрашным стражем, израненный рыцарь поднимается по склизким и разваливающимся ступеням крутой лестницы в башню злобного колдуна и встречает прекрасную принцессу...

Сколько демонессочек я так пристроил... Великая Архидама мне даже постоянный открытый лист сделала на бесплатный и беспопытный вызов рогатых и хвостатых красоток. А что? Я не против. Демоницы, они очень даже... Гм... Ну это я немного отвлекся.

Так вот. Если рыцари — это еще ничего, то вот остальные посетители!.. Ну вот интересно, почему все эти... гм... как бы сказать это помягче? Ну, допустим, мошенники, аферисты, сволочи, придурки, отродья авахтара, вонючая отрыжка Бехремната... Ой, извините, увлекся. Не люблю я их. Так на чем я остановился? А, вот... Почему все эти... ну я уже перечислил, кто именно, так твердо уверены, что живущий в одиночестве в своей башне маг обязательно имеет груды сокровищ и является полным и клиническим идиотом, готовым расстаться с ними за какую-нибудь безделушку или просто жалостливый рассказ?

Ну, допустим, относительно первой части где-то как-то оно, может, и правда. Не бедствую, отнюдь не бедствую. Собственно, при моей профессии нужно быть и вовсе сущим олухом, чтобы не скопить кой-чего на жизнь и эксперименты. Но вот во второй части...

Рассеянные и увлеченные своим делом колдуны, ничего не соображающие в обыденной жизни и легко попадающиеся в ловушку любого мошенника, это не ко мне в башню, а в ближайший уличный театр. Вот там да, там этого добра навалом. В этих пьесках какой-нибудь хитрец регулярно выманивает у черного мага кучу драгоценностей за ничемный булыжник, выдав его за великий артефакт; либо, наоборот, получает квалифицированную магическую помощь за медный грош, а то и вовсе без оплаты, разжалобив белого мага печальным рассказом о своей судьбе.

В реальности же такого не бывает. Глупцы и растяпы в нашем ремесле просто не

выживают. Попробуй-ка заключи контракт даже со слабым демоном самого низшего уровня, не проверив все формулировки раз на двадцать. Мигом окажешься у него в «гостях» в виде дров для адского пламени. Я уж и не говорю о сделках с созданиями более высоких уровней... С ними вообще кроме как на саэгресе — языке, специально созданном для такого общения, где все слова имеют только одно-единственное, неизменное, не имеющее никаких иных вариантов и оттенков значение, — даже и разговоры вести нельзя. Точнее, попробовать-то можно. Побеседуют они с вами с большим удовольствием, благо, что способны вести разговор абсолютно на любом языке вселенной. Вот только что с вами в результате этого разговора произойдет... Высшие демоны — они потому и высшие, что способны оч-чень широко толковать значения обращенных к ним слов...

Впрочем, я опять отвлекся. Гость, точнее, гостя, которая нагло ломилась ко мне в башню, увы, не являлась ни рыцарем (что в общем-то вполне логично, учитывая ее пол), ни принцессой, ни даже мошенницей. Все было намного хуже. Она была Избранной!

Как я это определил? Элементарно. Кем еще может быть рыжая девица с огромной грудью и ногами от ушей, одетая в едва прикрывающую ее выдающиеся во всех смыслах прелести кожаную одежду?

Она нагло вломилась ко мне в башню, и, опознав незваную гостью, я едва-едва успел остановить уже собравшегося было испепелить ее сторожевика. Хорошо хоть боги, придумавшие эту глупую забаву, озаботились о том, чтобы их игрушки узнавались с первого же взгляда! Иначе, успеет дракон все же дохнуть огнем, я мог приобрести себе нешуточную головную боль со смертельным исходом. А оно мне надо?

Избранные — это глупая и грубая шутка, отвратительная игра, придуманная богами нашего мира, в которую они играют с теми несчастными, которые обладают могуществом достаточным, чтобы угодить в их поле зрения.

Каков смысл игры? Берется один глупый иномирянин, наделяется характерным цветом волос (для женщин — рыжие, для мужчин — белые) и нестандартной внешностью (обычно той, какую они сами считают для себя идеальной) и выкидывается в наш мир неподалеку от дома, дворца или башни того бедолаги, который выбран для данного издевательства.

Что в этом такого издевательского? Да все просто. Этот самый избранный с момента переноса находится под полной и абсолютной защитой перенесших его богов, о чем, собственно, и говорят его внешность и аура. И если его кто-нибудь обидит или, не дай Тьма, убьет... Такому несчастному остается только посочувствовать. Фантазия у наших богов богатая... И явно ОЧЕНЬ нездоровая!

А еще у Избранных есть мечта. С каковой мечтой они и прутся к ближайшему могущественному бедолаге в твердой уверенности, что тот поможет ее осуществить. И, таки да, помогаем. А куда деваться? Избранный до тех пор и остается избранным, пока его мечта не осуществлена. Ну или пока жив маг-куратор, выбранный богами на роль очередной жертвы. Бывало и так, наличие под боком создания, за благополучием которого присматривает весь сонм богов разом, это совсем не то, что способно облегчить жизнь честного волшебника.

Правда, есть и «пряник». Тот, кто, не убоившись трудностей и препятствий, поможет очередному Избранному добиться своей цели и все же осуществить свою мечту, получает награду. Счастье. Именно так.

В награду за осуществление мечты те, кто все же сможет прорваться через все закидоны, выбрыки и невнятности очередного Избранного, получают то, что дает им Счастье. Истинное, настоящее, неподдельное Счастье. Он может и сам не знать, что ему требуется, но боги — боги это знают. И дают победителю.

Казалось бы, чего проще? Явился к тебе Избранный (ну или, как в моем случае, Избранница) хватаешь его в охапку, интересуешься, чего хочет (предварительно угостив эликсиром правды, дабы не тратить лишних сил на всякие глупости), быстренько исполняешь — и вуаля! Счастье у тебя в кармане.

Угу. Как же! То, что Избранные частенько сами не знают, чего они желают, это только

половина проблемы. С такими, пожалуй, даже проще. Не так уж и сложно аккуратно натолкнуть их на мысль и внушить какую-нибудь простенькую, легко исполнимую мечту вроде власти, богатства, гарема неземных красавиц и тому подобных вещей.

Гораздо хуже, когда они как раз, наоборот, твердо знают, чего хотят, а вот этого желаемого и вовсе в наличии не имеется.

Раньше-то было проще, мечты были постандартней — свержение Темного Властелина, куча приключений, победы, прекрасную эльфийку (принцессу) в жены или эльфа (принца) в мужья... И все проблемы.

После появления первых трех Избранных коллегия магов даже учредила должность Темного Властелина, на которую, по жребии, раз в пять лет и попадал какой-либо особенно невезучий маг. Отстроили Черный замок, скинулись Силой для заполнения Кристалла Могущества... Потом заключили договора с некоторыми человеческими королевствами о предоставлении принцев и принцесс для матримониальных целей. Сложнее было с эльфийскими лесами, но в конце концов тоже удалось сторговаться...

В общем, на протяжении почти ста лет особых проблем не было. При появлении очередного Избранного ему устраивалась обзорная экскурсия по наиболее интересным местам мира в хорошей компании из представителей разных рас и сбором различных артефактов. Затем они «прорывались с боем» к замку Темного Властелина, Избранный разбивал Кристалл Могущества, и Темный Властелин, облегченно вздыхая, с шумом и спецэффектами «погибал», после чего Избранного женили (выдавали замуж) за обговоренного принца (принцессу), и все были счастливы. Избранный — тем, что его мечта исполнилась. Темный Властелин — тем, что раньше срока скинул с себя надоевшую должность и может наконец-то вернуться в свою башню и продолжать эксперименты. Маг, к которому был заброшен Избранный, божественной награде и избавлению от этакой доуки.

Отработанный ритм сбился около пятидесяти лет назад. Очередная Избранная, вместо того чтобы, как все свои предшественницы, влюбиться в предоставленного ей для этих целей принца, свергнуть Темного Властелина и протанцевать стриптиз на своей свадьбе в эльфийском лесу, оказалась оригиналкой и решительно заявила о приверженности темной стороне Силы.

Проблемы начались сразу же. Вместо традиционных эльфов, гномов и принцев в спутники она пожелала демонов, вампиров, гоблинов и оборотней.

Пришлось изворачиваться. Если с гоблинами и оборотнями особых проблем не возникло, то вот вампиры и демоны...

Немедленно проведав о грозящей им перспективе, вампиры спешно закапывались в свои могилы, притворяясь самыми обыкновенными трупами. Будучи же пойманными, они тем не менее упорно отказывались сопровождать Избранную, злонамеренно сгорая на солнце с наступлением рассвета.

Это препятствие удалось устранить, только отрядив нескольких наиболее сильных погодных магов, скрытно сопровождающих отряд Избранной и поддерживающих над ним постоянную облачность.

Но увы. Усилия оказались тщетны. Несмотря на все приложенные силы и самые могучие подчиняющие заклинания, кровососы категорически отказывались уделять Избранной желаемые ею знаки внимания, довольно убедительно аргументируя это своим мертвым состоянием и, соответственно, полным отсутствием интереса к такого рода процедурам.

В конце концов, не выдержав постоянных неудач, маги просто наложили мощное маскировочное заклятие на серьезно задолжавшего Коллегии дроуского наемника. И с тем проблема была решена. Вампир получился хоть куда! Правда, когда поход завершился, смертельно обиженный таким обращением дроу объявил кровную месть Коллегии, но это были пустяки...

Сложнее было с демонами. Они как раз-таки были очень даже не прочь попутешествовать по миру и поразвлечься с человеческой девчонкой. Проблема была в

другом. В самой Избранной. Находясь рядом со столь сладкой и легкой добычей, совершенно не следящей за своими словами, демоны, даже самые выдержанные из них, какие только призывались опытнейшими и могущественнейшими демонологами Коллегии, просто не могли удержаться от искушения.

— Ну, право, — печально хныкал Аргамог, один из наиболее мирных и уступчивых демонов, издавна сотрудничавший с Коллегией магов, залечивая исполосованную ударами божественных молний шкуру. — Что делать бедному демону, когда прямо при нем некая девица ВСЛУХ заявляет о том, что готова продать душу за гамбургер, бутылку пепси-колы и пачку сигарет? Вот что? Сама суть демоническая буквально требует немедленно составить контракт и доставить ей запрошенные вещи!

А вот тут уже вмешивались опекающие и охраняющие Избранную боги... В общем, демоны в отряде Избранной менялись довольно часто. Собственно, дольше пары дней ни один не выдерживал, а у Коллегии магов в то время серьезно испортились отношения с инфернианским планом.

Однако это были еще цветочки. Ягодки начались, когда Избранная все же добралась до замка Черного Властелина. Категорично отказавшись разрушать Кристалл Могущества, она заявила, что намертво влюбилась в «этого брутального мужчинку» и не успокоится, пока не выйдет за него замуж.

Узнав об этом, великий боевой маг Вечнозеленой Степи, отважный оркский воитель Урог гро Кхаш, в те годы и занимавший хлопотную и неприятную должность Черного Властелина, немедленно бежал.

Искали его всей Коллегией. Как оказалось, прятаться зеленокожий чародей умел ничуть не хуже, чем воевать, и к тому же великолепно владел магией иллюзий и метаморфизмом.

Когда его наконец обнаружили и захватили, эльфийский король Элианамур Третий долго не мог поверить, что загадочная и неприступная красавица, чьей благосклонности он безуспешно добивался на протяжении почти трех месяцев, на самом деле является пожилым оркским магом со скверным характером, которому крупно не повезло с потенциальной супругой.

На свадьбу жениха доставили скованным по рукам и ногам, однако радостную невесту это ничуть не смутило. Заявив: «Готичненько», — она немедленно затребовала себе такие же кандалы, и свадьба состоялась.

Следующая Избранная, особо не сомневаясь, заявила, что мечтает выйти замуж за короля дроу.

Надо сказать, что подобное заявление сильно шокировало всех без исключения темных эльфов, от веку живших при самом махровом матриархате и не подозревавших о том, что мужчина может быть хотя бы правителем Дома, не говоря уже о всей расе. Однако делать нечего. Очередной несчастный, в чем-то провинившийся перед верховной жрицей, был срочно коронован и вместо жертвенника отправился к свадебному алтарю.

Собственно, было очень похоже, что особой разницы между двумя этими алтарями он не замечал и воспринимал ситуацию как очередную, особенно извращенную пытку, которую надо просто вынести, прежде чем присоединиться к своей богине. Но так или иначе, мечта была исполнена.

Потом был небольшой перерыв. Прибывший Избранный хотел всего лишь учиться в магической школе, каковую возможность коллегия магов с облегченным вздохом ему и предоставила. В конце концов, не так уж и сложно возвести всего лишь здание да направить туда учеников поглубже...

Хороших учеников туда не отдавали. Жалко же. Школы и академии давно были признаны весьма неэффективным способом обучения чародеев в связи с высокой важностью постоянного и тесного общения учителя и ученика для более полного раскрытия магических способностей последнего. Чтобы стать хорошим магом, на первом этапе обучения требовалось целиком и полностью погрузиться в магию, жить ею и только ею, что было

просто невозможно при коллективном обучении.

Также не составил проблем и тот факт, что ни малейших магических способностей у данного индивидуума не просматривалось. Тут все было и того проще. Уверенность Избранного в том, что колдовать можно только при помощи некоего странного талисмана под названием «волшебная палочка», очень помогла его куратору. Для артефакторов Коллегии было несложно создать большое количество простеньких амулетов в виде палочки, реагирующих на произнесение кодовых слов его владельцем. В результате мечта была исполнена.

Особенно приятно было то, что и второй, и третья Избранные мечтали все о том же! Так что созданная «по заявкам» школа оправдала себя на все триста процентов. Да и некоторые из молодых отпрысков богатых дворян весьма заинтересовались возможностью почувствовать себя «почти настоящими волшебниками», не прикладывая особых усилий и не обладая ни каплей Силы. Так что данная затея начала приносить довольно устойчивый и ощутимый доход, в связи с чем продолжила свое функционирование и после снятия «избранности» с ее студентов-основателей.

Правда, в желании новопоступивших в школу Избранных присутствовала и одновременная борьба с Темным Властелином. Впрочем, схема борьбы была уже отработана, и после внесения минимальных изменений (борьба почему-то должна была обязательно происходить на территории школы или хотя бы поблизости) их мечты также были исполнены.

Однако потом отдых кончился. Идущие один за другим Избранные желали просто невозможного!

Первая из них хотела выйти замуж за дракона. Маг, которому было выдвинуто это требование, после трех месяцев отчаянных экспериментов по метаморфизму погиб страшной смертью, превратившись в огромную амебу и просочившись в канализацию.

Следующий Избранный решил стать паладином. Богиня любви и красоты, в паладины которой он записался, явилась во плоти к курировавшему Избранного магу, горько каялась, плакалась и обещала небесный гарем, личное внимание и воскрешение по первому требованию, если тот согласится на ритуальное самоубийство, что позволило бы снять с его подопечного метку Избранности.

Перед таким напором славившийся своей любвеобильностью Кальер Эрийский не устоял. Воскрес он через неделю и до сих пор ходит с блаженно-испуганной физиономией, шараясь от любой красотики, случайно оказавшейся в пределах видимости.

Третий Избранный желал продвигать технический прогресс. Но как это сделать, если даже устройство простейшего арбалета он представлял себе крайне смутно, Коллегия магов просто не знала. Зато пил этот Избранный — как не в себя. И ладно бы просто пил. Так ведь не в одиночку же! После полугода такого «продвижения прогресса» курировавший его маг запросил политического убежища в Инферно, мотивируя это тем, что: «Пусть лучше мою печень сожрут демоны, чем цирроз. Быстрее, и мучиться буду меньше».

Впрочем, жрать его демоны не стали. Напротив, довольно быстро продвинувшись в их иерархии, беглый маг занял место одного из властителей, прославившись своей ненавистью к изобретателям и непереносимостью алкоголя.

И вот сейчас настала моя очередь. Заранее готовый к самому худшему, я оповестил о случившейся беде Коллегию, поднял по тревоге дежурную команду спутников-героев, отправил срочное сообщение своему другу Краниэлю, в данный момент исполняющему обязанности Темного Властелина, и, налив в бокалы вина (себе с экстрактом валерианы, госте — с эликсиром правдивости), стал ждать неизбежного.

Эх... А утро так хорошо начиналось!

Ужас! Да что это такое! Как другие-то маги от этого бедствия спасались? Мои запасы эликсира правдивости подходят к концу, валерьянка закончилась два литра вина назад, а поток желаний этой молодой ... *(слово тщательно вымарано и восстановлению не*

поддается), то есть я хотел сказать Избранной, все не останавливается!

И ладно бы по делу! Но желания «выцарапать глаза этой сволочи Надьке», которая увела у нее «клевого парня», получить «автомат» по «стат. анализу», поскольку «препод — зверь и гей, всех девчонок валит», «скататься на Мальдивы с каким-нибудь миллионером и выложить фотки в «Одноклассниках», чтоб все подруги обзавидовались» при всем желании нельзя было счесть настоящей мечтой.

Стоп! Тихо! Вот оно, кажется... Ну же, ну?

— Что ты сказала? — попросил повторить я ее еще раз, боясь, что ослышался.

— Ты че, глухой, что ли? — недовольно буркнула Избранная, но, заметив мой молящий взгляд, сменила гнев на милость. — Говорю, что неплохо было бы на следующих ХИ-шках эльфийскую королеву отыграть... У меня как раз такое шикарное платье есть со стразами от Сваровски, да и колечко в тему — вот, зацени. — Она сунула руку мне в лицо, едва не разбив нос тем самым кольцом.

Ничего, кстати, особенного — золотой ободок, в котором собственно золота было меньше половины, и какая-то сверкучая стекляшка, по всей видимости долженствующая изображать бриллиант. Но главное было не в этом! Желание! Я наконец-то узнал ее мечту!

— Так, значит, ты хочешь быть эльфийской королевой? — переспросил я в последний, третий раз, чтобы окончательно сформировать требование и отчаянно боясь, что она передумает.

— Хочу, — хлюпнула носом Избранная и потянулась за очередной (предпоследней!) бутылкой. — А толку-то? Витек наверняка опять свою мымру в королевы пропихнет, тут без шан...

Договорить я ей не дал.

— Да будет так!

Для пущей торжественности я встал с кресла, одновременно материализуя на себе полное облачение архимага Коллегии, и ударил об пол возникшим в руке магическим посохом, заканчивая ритуал «признания мечты». Ну то есть попытался ударить. Увы. Вина было выпито уже немало, что сказалось как на моей координации движений, так и на состоянии башни. Так что удар посохом пришелся не на благородный дуб, которым был выложен пол моего кабинета, а на одну из бутылок, во множестве валявшихся на этом полу, что изрядно подпортило впечатление.

Впрочем, это было неважно и впечатления на пьяную Избранную не произвело совершенно. Громко икнув, она продолжила добивать бутылку коллекционного марлейского, совершенно не обращая внимания на мои действия.

— Как хоть называть-то тебя? — спешно спросил я, стремясь закончить все формальности до того, как она окончательно упьется.

— Лариса Подольская... Ой, то есть Лэрис Пр... — Тут она снова икнула, отбросила пустую бутылку и, откинувшись на спинку кресла, тихо засопела носом.

— Как-как? — отчаянно переспросил я, пытаюсь получить необходимые мне сведения и одновременно опасаясь потревожить ее сон, а то кто их, этих богов, знает, сочтут еще, что я «предпринимаю враждебные действия по отношению к подопечной», и прости-прощай человеческий облик. А я к нему как-то привык и никакого желания превращаться в какую-нибудь малосимпатичную (и симпатичную тоже) зверушку не испытываю.

— Хррр... — было мне ответом, и когда я совсем уж было отчаялся, тихим шепотом донеслось: — ...сная.

— Лэрис Пристрастная? — подобрал я первый пришедший на ум вариант сочетания известных мне слогов. Ответом было сонное сопение.

Впрочем, молчание, как известно, есть знак согласия, а потому, облегченно вздохнув, именно под этим именем я и внес попавшую ко мне Избранную в Хроники Акаши, и именно с этого момента и начался отсчет ее подвигов и исполненных мечтаний в нашем нескучном мире... чтоб его создателю в деревенский сортир провалиться!

Я считал, что вчера все было плохо? Нет, я правда так считал? Должен признать, я ошибался. Сильно ошибался!!!

Если какой-то маг по своей глупости думает, что хуже Избранной ничего и быть не может, то могу его просветить: еще как может!

Что же это за чудовище такое, спросите вы? Очень просто: Избранная, явившаяся к своему страдающему жестоким похмельем куратору рано утром и немедленно начавшая разборки по поводу имени, под которым она попала в Хроники Акаши, — это гораздо, гораздо страшнее, чем просто Избранная!

— Прекрасная я!!!! Прекрасная!!!! Ну что тут непонятного-то, колдун недоделанный? — Сварливый голос вбивался в самую глубь мозга, причиняя невыносимую боль.

Нет, в целительстве я разбираюсь довольно-таки неплохо, и снять похмелье вполне по моим возможностям. Но увы. Для того чтобы унять терзающую меня головную боль, требовалось хотя бы полминуты покоя. А какой может быть покой, когда на тебя, не замолкая ни на секунду, бешеной криксом вопит растрепанная Избранная. И голос-то какой противный... Так и бьет по ушам!

В конце концов, не выдержав беспрестанных воплей, я окружил себя *коконом тишины* и наконец-то смог вплотную заняться собственным здоровьем. Пара минут — и о, блаженство... Головная боль и тошнота исчезли, как не бывало, и я наконец-то смог мыслить, как и положено архимагу Коллегии, а не жертве неумеренного возлияния.

Снимать *кокон* не хотелось просто категорически, тем более что, судя по покрасневшему лицу, постоянно открытому рту и периодически метаемым в меня тяжелым предметам, Избранная впала в окончательное бешенство. Но выбора не было. Тяжело вздохнув, я развеял защиту и приступил к своим непосредственным обязанностям.

— ...ты, падшая женщина, двурогое вонючее животное, страдающее отвратительной венерической болезнью, которая разжижила твой мозг и сделала тебя невероятно привлекательным объектом для мужчин темнокожей расы, благодаря чему ты только и жив до сих пор, ибо только их заботой о возможности заниматься с тобой любовью лишь и может объясняться тот факт, что столь глупый субъект до сих пор существует в полном противоречии со всеми законами природы...

На мгновение я пожалел, что подаренный богами Избранной переводчик столь несовершенен и не позволяет мне насладиться всем богатством использованных ею ругательств. Увы, но факт. Любая, сколь угодно гнусная и неприличная брань, изрыгаемая устами Избранных, обращалась во вполне безобидные сравнения и эпитеты. По всей видимости, по какой-то своей причине боги явно не желали допускать в наш мир филологические изыски того странного измерения, откуда они выдергивали Избранных. Впрочем, даже в таком сильно искаженном и облегченном виде ее перл был хорош... Очень даже хорош и стоил того, чтобы его запомнить и использовать как-нибудь при случае. Потом. Ну а пока...

— Не к лицу благородной принцессе столь вульгарные изъяснения своего недовольства, — сделав самое суровое лицо, на которое только был способен, заявил я, прерывая поток весьма образных сравнений и эпитетов. — Лица королевской крови имеют иные средства и возможности для изъяснения своего недовольства, нежели примитивная ругань, используемая базарными торговками в ссоре из-за фальшивого меда!

— Чего?!!! — Ошарашенная подобным обращением Избранная замолкла на полуслове, даже выронив из рук тяжелую каргхандскую вазу, которую она только что намеревалась метнуть мне в лицо.

Аккуратно подхватив реликвию телекинезом, я отправил ее подальше в угол, после чего продолжил свою речь:

— Благорожденная невеста эльфийского короля, великого и могучего Элианамура Третьего должна хранить подобающую ее высокому положению чистоту речи и помыслов. Если ваш покорный слуга, — тут я немного склонил голову, — по какой-либо причине имел

несчастье вызвать ваше неудовольствие, то изъяслять его следует в словах, приличествующих вашему высокому положению!

— Э-э-э... Ты чего это? — забеспокоилась Избранная и, подойдя поближе, положила мне руку на лоб. — Температуры вроде нет... Ты это... Ложись, лежи, отдохни маленько... я тебе сейчас похмелиться чего-нибудь принесу... Да, где у тебя тут телефон, мне позвонить срочно надо, а то мой мобильник чего-то не работает...

— Телефон? О чем это ты? — Удивленный подобным резким изменением поведения, я покорно позволил взять себя за руку и, повинувшись ее действиям, улегся на стоящий у стены гостевого зала диван...

— Да так, ничего... Ты, главное, не волнуйся... Белочка, оно не так уж и страшно, главное вовремя «скорую» вызвать... ты не беспокойся, все нормально будет... Блин... У вас вообще в этом мире как дурку-то вызывают? — зло пробормотала она, отвернувшись от меня в сторону и безжалостно терзая длинными ногтями какой-то небольшой прямоугольный артефакт, откликавшийся на ее действия неярким свечением в верхней части и недовольным попискиванием.

Кажется, догадался. Похоже, она принимает меня за душевнобольного и пытается вызвать лекарей. Какое оскорбление! Меня, архимага Коллегии... Нет, сумасшедшие среди нас встречаются, что поделать, специфика профессии... Но пытаться вызвать целителя, будто к самому последнему сбрендившему с перепоя купчишке! С перепоя? Так вот оно что! Нет, это решительно нестерпимо! Такое унижение! Между прочим, по одной из своих специальностей я маг-целитель высочайшего класса, и предполагать, что я мог сойти с ума от банальной передозировки алкоголя?! Да как она только могла такое подумать! Да я...

В общем, примерно это я ей и высказал, после чего мы некоторое время увлеченно выясняли отношения... М-да, я вам скажу... Голос у девочки, конечно, громкий! Не сказать чтобы очень приятный, но громкий, это факт. И ругается она просто виртуозно. Да и агрессивности хватает. Ну да это я еще раньше отметил. Зато на моей стороне было почти полное отсутствие пригодных для метания предметов в комнате и защитный кокон, заодно смягчавший ее визжательно-орательное воздействие на мои уши. Так что выяснение отношений проходило практически на равных.

Затем я изложил ей план наших будущих действий, и мы снова немного поскандалили. Избранная заявила, что она — правоверная феминистка и потому не собирается позволять каким-то мужикам и какому-то глупому пророчеству решать за нее, что именно ей делать, — это раз. А во-вторых, она не менее правоверная пацифистка, в связи с чем не намерена никого ни уничтожать, ни повергать, так что поход на Темного Властелина — это, пожалуйста, без нее! К тому же подобные походы — дело тяжелое, сложное, чреватое множеством неудобств и даже опасностей, на что она решительно несогласная! Так, по походам шляючись, можно ведь и маникюр повредить!

На этом она и уперлась, и все мои призывы к ее благородству, воззвания о стонающих под пятой жестокого Темного Властелина народах, ждущих прихода прекрасной освободительницы, рассказы о зверствах и жестокостях одного так и не смогли сподвигнуть ее на подвиг.

Прости, Краниэль, я сделал все, что смог. Придется тебе и дальше властелинствовать, дожидаясь следующего героя... Дружба дружбой, а своя шкура ближе к телу. Благо, предложение стать эльфийской королевой по-прежнему вызывало у моей Избранной немалый приступ энтузиазма, разумеется, если в придачу к должности не шло опасное для прически и маникюра путешествие по дикой местности.

В общем-то для меня нежелание Избранной следовать стандартному сценарию было в чем-то даже выгодным. Не было нужды возиться с обеспечением ее путешествия, подбором спутников и тому подобными долгими и неинтересными вещами. В принципе, можно было бы хоть сейчас телепортировать ее к эльфийскому двору и играть свадьбу, если бы не одна маленькая проблема. Могучий и благородный король, чье величие потрясает вселенную, а ноги попирают бездну, покровитель угнетенных и защитник обиженных и прочая, и прочая,

и прочая Элианамур Третий был до сих пор абсолютно не в курсе того, что у него отныне имеется невеста человеческого рода. И подобное известие вряд ли могло бы вызвать приступ энтузиазма у прославившегося своими любовными похождениями и изысканным вкусом короля светлых эльфов. Его следовало как-то подготовить к подобной радости. И проследить, чтобы не сбежал, разумеется!

Так что, отправив Избранную в сокровищницу башни, чтобы «подобрать подходящий наряд к свадьбе», я немедленно телепортировался в Коллегию, а затем в компании двух боевых архимагов пошел убеждать жениха принять участие в предстоящей церемонии.

— Не заставите!!! — Отчаянный вопль Элианамура разнесся по полуразрушенным коридорам Большого королевского замка.

Разрушению замок подвергся совсем недавно, буквально десять минут назад, когда Эли, бывший неплохим боевым магом, осознал, что на этот раз старые приятели Краниэль и Вуртазог, а также ваш покорный слуга (только не принимайте сии слова буквально, это всего лишь литературное выражение) зашли к нему вовсе даже не в гости — посидеть за бокалом эльфийского и обсудить достоинства его новой фаворитки, а с самыми что ни на есть корыстными и злонамеренными матримониальными целями.

В общем и целом все прошло довольно-таки спокойно. Захваченный врасплох Эл не смог оказать достойного сопротивления нашим превосходящим силам и сейчас, заключенный в кокон сдерживания, только и мог, что изрыгать протесты вкупе с неприличными ругательствами. Впрочем, в последнем он сильно уступал моей гостье, и ничего нового я для себя, увы, так и не почерпнул.

— Еще как сможем! — Раздраженный категоричным отказом моей гостьи в его уничтожении, вынужденный из-за этого продолжать свою изрядно уже приевшуюся ему карьеру Темного Властелина, Краниэль усилил нажим. — Все мучаются, а чем ты лучше? Я вон который год на этом чертовом темном троне вынужден задницу отсиживать, пока ты тут со своими красотками развлекался! Нет уж, теперь твоя очередь тоже пострадать во имя родной Коллегии!

— Протестую! Это насилие над личностью! — взвизгнул король эльфов, одновременно пытаясь активировать пентаграмму переноса куда-то в глубины инферианского плана. Кажется, она была нацелена в какой-то из суккубских доменов.

Вовремя заметив его поползновения, я немедленно пресек попытку бегства и подбавил силы в начинающий расползаться от отчаянных рывков Элианамура сдерживающий кокон.

— Взгляни на это с другой стороны, — попытался воззвать к разуму эльфа известный своей рассудительностью Вуртазог. — Сегодня Избранная пришла к Велу, а завтра, может быть, наступит и твоя очередь? И что ты тогда будешь делать, если сейчас откажешь ему в помощи? Как выкрутишься без помощи Коллегии?

Этот аргумент заставил Элианамура всерьез призадуматься. Он замер, кося слегка подкрашенным по последней эльфийской моде миндалевидным глазом в сторону затухающей пентаграммы, и по его идеальному лицу пробежала легкая тень сомнений.

— К тому же ну что такого от тебя требуется-то? — немедленно продолжил свою аргументацию Вуртазог. — Подумаешь, свадьба. Со смертной же! Лет пятьдесят, ну максимум — семьдесят, и ты вновь свободен! Да тебе некоторые наряды дольше шьют! Что, уж даже такой небольшой срок ради Коллегии потерпеть не способен? Да и потом, вовсе не обязательно терпеть столько времени. Года через два-три, когда аура развеется, подошлешь к ней какого-нибудь фаворита посимпатичней, и адью... хочешь — сам гуляй, хочешь — требуй развода, дескать, рога в двери проходить мешают и корона на голове не держится... А тебе за самопожертвование благодарность Коллегии будет, — продолжал соблазнять его наш дипломат.

Тут Эл всерьез призадумался. Благодарность Коллегии в нашем мире значит немало. Очень немало. Но и брак с Избранной тоже вещь довольно весомая. Сомнения явственно отражались в его глазах. Наконец он решился.

— Саармский лес вычистить можете? — отчаянно встряхнув головой, с видом мученика, идущего на смерть ради благополучия своей родины, поинтересовался он. Тут настала уже наша очередь призадуматься.

Саармский лес был давней болью и заботой эльфийских государей. Эта местность серьезно пострадала во время Четвертой межмировой войны и до сих пор оставалась необитаемой из-за диких магических эманаций. Вопрос этот был сложным и опасным. Вычистить лес было вполне возможно, пара-тройка месяцев совместной работы нескольких архимагов вполне могла вернуть нормальную жизнь на эту территорию.

Вот только нужного количества архимагов светлые эльфы не имели, и в эльфийской казне не было достаточно денег, чтобы оплатить наш наем на столь долгий срок. Частично столь задранные цены объяснялись геополитикой: большей частью состоящая из людей и орков, Коллегия вовсе не желала столь резкого усиления и без того довольно могущественного светлоэльфийского государства. А заполучив обратно имеющий хороший выход к морю Саарм, эльфы, отличные мореходы, могли всерьез пошатнуть сложившееся в нашем мире равновесие.

С другой стороны, сейчас мы и впрямь требовали от Элианамура весьма и весьма немалой жертвы, так что с нашей стороны было вполне логично предложить ему достойную компенсацию. Да и обещанная благодарность Коллегии, как уже говорилось, дорогого стоит. На Саармский лес, пожалуй, как раз потянет. Так что, переглянувшись с друзьями, я нехотя кивнул, подтверждая наше согласие помочь при очистке и обрекая себя как минимум на пару месяцев каторжной работы с тонкими потоками. Терпеть подобное ненавижу, но выбора не было.

— Ладно, согласен я на свадьбу, отпускайте, — не менее неохотно протянул Элианамур, печально разглядывая разнесенный в пух и прах в ходе «предварительного убеждения» тронный зал. — Она, эта Избранная-то, хотя бы красивая? Не то чтобы это важно, ради Саарма можно хоть на корове жениться, но все-таки?

Я пожал плечами:

— Стандарт. Будто ты Избранных не видел.

Эл печально вздохнул. Обычные для всех Избранных монументальные «женские достоинства», рыжина и стержность отнюдь не соответствовали вкусу предпочитающего тоненьких, миниатюрных и деликатных блондинок эльфа. Но выбор был сделан, и слово дано. Отпираться он не собирался. В самом деле, ради Саарма можно было и потерпеть. Я еще раз прикинул поджидающий меня объем работы и вздохнул не менее печально, чем новоявленный жених. Синхронный вздох вырвался и у Краниэля с Вуртазогом, которым в тот момент, видимо, пришли в голову аналогичные мысли.

— Где свадьбу-то праздновать будем? — обвел взглядом развалины своего дворца Эл. — Тут работ по восстановлению не менее чем на месяц, и то, если гномов на работы зазвать. Может, вы невесту на месяцок-другой в какой-нибудь квест отправите, а? Пока я тут прибираться буду? К примеру, Темного Властелина там уничтожить или еще чего? Артефакт какой-нибудь достать? Если надо, у меня в сокровищнице кое-что завалялось, могу предоставить.

Лицо короля эльфов, увидевшего возможность отложить неприятное событие, несколько оживилось. Краниэль также немедленно обернулся в мою сторону, всем своим видом выказывая искреннюю надежду на мое согласие. Темный Властелин буквально пылал острым желанием уничтожиться в своем нынешнем качестве как можно скорее и ради этого готов был оказать мне абсолютно любую помощь и поддержку. Эк как бедолагу приперло. Пришлось немедленно остудить его.

— И не надейся. От квеста эта Избранная отказалась категорически и не стесняясь в выражениях. Дескать, и прическа может помяться, и маникюр испортиться... Я уж ее всяко убеждал — нет, и все. А насчет свадьбы — у тебя что, дворцов мало, что ли? Вон малый дворец стоит целехонький. Или, если хочешь, могу хорошего джинна подкинуть, он тебе за ночь такой дворец возведет, пальчики оближешь!

— Нет уж, вот чего не надо, того не надо, — недовольно поморщился Элианамур. — Знаю я эти джинновские дворцы. Возводятся за ночь, рушатся за минуту. И все норовят на голову! Лучше уж по старинке, к гномам обратиться. В их постройках хоть не опасаясь, что от малейшего топота тебе балки на голову рухнут! В малом замке праздновать так в малом... могли бы и поделikatней со зданием обходиться. — Он еще раз обвел взглядом царящую вокруг разруху.

— А ты мог бы тогда и сопротивляться поосторожней, — не остался в долгу Краниэль.

— Ну как хочешь, — не отвечая на выдвинутые обвинения, пожал я плечами. — Не хочешь джинна — не надо. В общем, готовься завтра к свадьбе. Чтоб все как полагается: толпы народа, эльфийки с цветами, много алкоголя и крепкий стол, чтоб не рухнул, если невесте вздумается на нем потанцевать. Ну да ты знаешь правила для свадеб Избранных. — Эл печально кивнул. Правила он и впрямь знал неплохо. — И чтоб никаких ревнивых фавориток поблизости или подставных двойников. А то знаю я тебя! Не дай бог осуществление Мечты сорвешь, — на всякий случай предупредил я эльфа. Тот печально кивнул. Похоже, подобные мысли и впрямь забредали в его голову, так что предосторожность была отнюдь не лишней.

Свадьба прошла в лучших традициях: шумно, весело, с язвительными шуточками и пьяным стриптизом невесты на столе... В общем, именно так, как и положено стандартной свадьбе стандартной Избранной. В тот момент, когда на макушку едва стоящей на ногах из-за выпитого алкоголя полуобнаженной после стриптиза невесте наконец-то водрузили сверкающую алмазами корону светлых эльфов, в моей голове раздался громкий и торжественный звон сотен хрустальных колокольчиков, свидетельствующий о том, что моя миссия выполнена и очередная Избранная обрела свою мечту.

С облегченным вздохом я немедленно телепортировался в свою башню, парой заклинаний высшего уровня восстановил в ней привычный и дорогой моему сердцу порядок, налил себе вина и уселся в таком мягком, удобном и обжитом кресле, любуясь на завораживающую пляску огненных языков в камине. Любимая башня. Отличное вино. Спокойствие. Никаких Избранных рядом. Эта страница моей жизни завершена и больше не повторится уже никогда. Какое счастье!

Светлана Уласевич

Эксперимент

Сюжет данного рассказа пришел ко мне во сне, поэтому со спокойной душой и с чистой совестью заявляю, что все персонажи в нем вымышленные и какие-либо совпадения случайны.

Секретная химическая лаборатория, 13.00

На мой стол упала записка, я обернулась и увидела подмигивающего Алека. «Разверни ее!» — прочитала я по его губам. Ах, Алек! Какая же ты прелесть! Завидев мою довольную улыбку, Алек ухмыльнулся и послал воздушный поцелуй. В этот момент в комнату вошел заведующий лабораторией, и Алек поспешно отвернулся, чтобы не скомпрометировать нас. В закрытом научно-исследовательском институте служебные романы не поощрялись. За амуров на рабочем месте увольняли. Муж и жена не могли работать в одной лаборатории. Ну а выходить с работы можно было только по одному, с интервалом в пятнадцать — двадцать минут, либо выезжать на грузовой машине, если договоришься с шофером. Машины отбывали с базы так же редко, но если кто-то выбивал себе место в грузовике либо фургончике, то мог выехать сразу с восьмью — десятью людьми. Некоторые шоферы могли вывезти и больше народу. Главное, опять же договориться с водителем на определенное время, чтобы не сбить график отбытия другим сотрудникам. Тяжелее всего приходилось

последним. Сидеть в институте три часа после окончания рабочего дня — любой взвоят. Чтобы никому не было обидно, мы чередовались, кто уходит первым, а кто последним. Но и тут были свои нюансы. Замужних женщин старались пропустить вперед, незамужние могли и подождать. Так уж повелось, что мы с Аликом уходили последними, вот и сблизились.

Шеф вышел в коридор. Я развернула сложенный вчетверо листик и уставилась на чистую бумагу. «Капни индикатором!» — прочла я по губам Алекса. Ну конспиратор. Капнув фенолфталеина, я увидела проявившиеся на листе алые буквы: «Я люблю тебя! Выходи за меня!» — и мое сердце радостно забилося. Я взглянула на настороженного и, кажется, волнующегося Алекса и, улыбаясь, кивнула.

Вернулся начальник, я спокойно, чтобы не выдать себя поспешностью, положила листик на стол и прикрыла сверху книгой. Едва начальство вновь отлучилось, я капнула на бумагу концентрированную серную кислоту, уничтожая надпись. Бумага почернела и слегка деформировалась. На всякий случай остатки листика я разорвала на множество кусочков, самые чистые из которых выкинула в свою мусорку, а более-менее подозрительные смыла в туалете. Конечно, когда мы с Аликом поженимся, уже ничего не скроешь, но пока наши отношения следует подержать в секрете. Ни ему, ни мне не хочется рисковать карьерой.

— Мамаев, Андрохина, зайдите ко мне в кабинет, — возник в дверях шеф, стоило мне вернуться в лабораторию.

«Неужели нас засекли?» — проскочила в голове испуганная мысль. Но нет, не могли так скоро. Или они заметили нас раньше, а теперь просто собираются уведомить. А может, вызывают по работе? Стараясь никак не выдать собственной нервозности, я направилась следом за начальством. Сзади неслышно шел Алик.

В кабинете у начальника было на удивление светло. Шеф указал на круглый стол, предлагая нам самим выбрать места. Мы с Аликом сели через два стула. Не рядом, чтобы не акцентировать внимание на наших взаимоотношениях, но и не демонстративно напротив, чтобы не выдать себя показательным безразличием. Через стул или два самое то. Не слишком далеко, чтобы начальнику не приходилось мотать головой, разговаривая с нами, но и не слишком близко, чтобы беречь собственное пространство. Дверь открылась, и вошли еще три сотрудника из биохимической лаборатории. Чем они занимались, было для нас загадкой, в которую не следовало лезть. Традиционные сплетницы, обитающие во всех научных учреждениях, здесь бы не прижились. Хранители секретов долго не живут. Здесь действуют немного иные законы, и даже стукачи профессиональные. Но не в этом суть. Шеф улыбнулся и тоже присел с краю стола. Тут в комнату вошел довольно представительный мужчина среднего роста. Если бы я встретила его на улице, то ни за что бы не запомнила. Передо мной стоял классический пример заурядной, сливающейся с толпой внешности. Но что-то меня настораживало. Как исследователь я нутром чуяла подвох. Обычно самые невзрачные и обыденные вещи несут в себе открытия.

Мой шеф при приближении этого человека несколько напрягся и, взявшись за пульт, спросил:

— Уже можно начинать?

— Если все пришли, — тихо уточнил незнакомец.

— Пришли, — поспешно кивнул начальник, отчего-то нервничая.

— Это хорошо, — холодно улыбнулся незнакомец и, протянув руку к технике, сказал: — Я сам введу всех в курс дела.

Шеф послушно отдал ему пульт и сел на свое место. Незнакомец включил телевизор.

— Прежде всего я должен сказать, что круг осведомленных должен был быть больше, но в последний момент мы передумали. Всю до конца информацию будете знать только вы как будущие руководители проекта. Прочим сотрудникам ее знать необязательно. Итак, начнем. — С этими словами он включил телевизор. На экране отобразился зеленый луг, на котором паслись кони. — Как вы уже знаете, в некоторых странах апробация созданных лекарств и некоторых веществ проводится на старых лошадях. Однако недавно нам удалось снять несколько иные кадры.

На экране появилась картинка, где четыре свиньи отчаянно грызли друг друга, стараясь добраться до шеи. Животные вели себя как хищники, а не как травоядные. Они рычали, прыгали друг на друга, толкались, пытаясь повалить на землю и загрызть. От увиденного у меня побежал холодок по спине — так неправильно и непривычно было видеть милых розовых хрюшек агрессивными и злыми. Зрелище выпачканных в крови пяточков вызывал тошноту. Незнакомец выключил телевизор и обернулся к нам.

— Думаю, достаточно, — произнес он. — Как вы уже поняли, поведение свиней совершенно атипичное. Скажу больше. Это экспериментальные хрюши. Мы хотим вас привлечь к расследованию данного явления. Ваша задача — выяснить, чем вызвано такое поведение. Вирус это либо какое-нибудь химическое вещество. А также найти пути борьбы с ним.

— Что в нашем распоряжении? — осторожно спросил Алик.

— Кусочек свиной кожи и мяса из задней части.

— А кровь? — подал голос один из биологов. — Она есть?

— Нет.

— Плохо. В ней может храниться полезная информация.

Мужчина скривился, словно говоря: «И сам знаю».

— Мы постараемся ее добыть, — произнес он. — Но вы, полагаю, догадываетесь, что наш агент не поставщик мяса, поэтому ориентируйтесь на то, что есть.

— Сколько у нас времени? — подала я голос.

— Три месяца, — коротко ответил он.

— Это очень краткие сроки! — возмутился все тот же биолог.

— Значит, вам придется сделать все возможное и невозможное! — холодно ответил мужчина. — Для лучшей организации дела вы будете жить и работать в отдельном специально оборудованном здании. Еду вам будут приносить специальные служащие. Связь с внешним миром только по особо важным причинам. Все ясно?

— Да, — раздался нестройный хор голосов. Похоже, коллегам, как и мне, нравилась эта идея все меньше и меньше. Однако что делать? Раз сказали — значит, вперед. Что-либо изменить уже поздно.

Нам дали два часа на сборы и отпустили с работы. А через четыре часа мы в институтском автобусе выезжали за город. Быстро мелькали за окном темные чащи елового леса и кромка серой асфальтированной дороги. Как жаль, что я абсолютно не ориентируюсь, в каком направлении мы едем.

— Что ты обо всем этом думаешь? — тихо спросил севший рядом со мной Алик. Сотрудников собрался полный автобус, и большинство устроились парами по тем лабораториям, в которых работают, поэтому наше с Аликом соседство не вызывало никаких кривых взглядов.

— Не знаю, — честно призналась я, обдумывая его вопрос. — У меня почему-то очень сильно екает под ложечкой и какое-то дурное предчувствие.

— У меня почему-то тоже, — ответил Алик. — А ведь я, в отличие от тебя, хорошей интуицией не обладаю.

— Да уж, — вздохнула я. — Знать бы, что нас ждет.

В это время автобус свернул на проселочную дорогу, запрыгав по ухабам. Я схватилась за ручку над окном.

— А мы недалеко уехали, — заметил Алик. — Возможно, у нашего здания даже канализация будет общей с городом.

— А это здание и не может быть далеко. Если в него спокойно завезут химиков и биологов на три месяца на полном пансионе, то оно самодостаточно. В то же время для химических и биологических лабораторий нужна отдельная от городской системы канализация. Строить новую в тмутаракани — крайне невыгодно в денежном плане. Так что, скорее всего, канализация данного здания действительно будет соединяться с городской институтской канализацией.

— Меня другое беспокоит: почему мы раньше об этом здании не знали?

— Ну если это какой-то секретный объект, то нам много знать и необязательно. А в некоторых случаях даже вредно.

— Ты права, — согласился Алик. — Ого! Смотри!

Прямо за следующей елкой открылся вид на довольно просторное приземистое здание. Лес хорошо его скрывал со стороны дороги. И подозреваю даже, сверху оно будет не шибко заметным. Мое сердце снова тревожно екнуло. Автобус снизил ход и стал медленно парковаться.

Пройдя по узенькой тропке, мы оказались перед небольшими стеклянными дверями. За ними был холл, руководитель группы направился в правый коридор. Через двадцать метров мы оказались в другом холле без окон и дверей. От еще одного холла его отделяла металлическая решетчатая дверь и пара кнопочек. Нам навстречу выскочила кругловатая розовошечная вахтерша.

— Манька, готовь пропуска, ученые приехали, — с каким-то сельским говором крикнула она.

Регистрация прошла довольно оперативно. Похоже, досье на каждого из нас было подготовлено заранее, что, в принципе, логично. Пройдя стальные двери, я вдруг отчетливо представила, что в следующий раз пройти через них могу только через три месяца. Руководитель группы расселил нас по комнатам, которые сильно напоминали гостиничные номера. Вход в каждую был по пластиковым ключам. Нам дали час на обустройство и отдых. В двадцать два ноль-ноль общий сбор в конференц-зале и знакомство с лабораторией.

Новый институт меня приятно поразил. Лаборатории радовали своей укомплектованностью и полностью соответствовали всем стандартам. Мне доводилось бывать в командировках в Швеции, Германии, Австрии. И теперь, когда я осматривала свое будущее рабочее место, у меня возникало ощущение, будто я снова за границей. Разнообразие методов исследования приводило в восторг. В некоторых институтах годами стоишь на очереди и ждешь приборы. Здесь же были даже самые дорогостоящие, в том числе и те, которые так трудно было добыть у нас.

— И что ты обо всем этом думаешь? — тихо спросил Алик, когда мы возвращались с планерки в свои комнаты спать.

— Завтра будет виднее, — пожала плечами я. — Одно ясно: надо попробовать начать с элементного анализа. А там уже будем плясать.

— Я тоже так думаю, — улыбнулся любимый.

*Засекреченная лаборатория,
следующий день, 6.00*

Ученые — творческие люди, и, как у всех творческих людей, их работа начинается в разное время. Кому-то комфортно встать в четыре-пять утра и провести эксперимент, кто-то просыпается только к обеду и проводит за исследованиями вечер и первую половину ночи. Что поделаешь, если ритмы мозговой активности у каждого разные. Плюс засекреченной лаборатории был именно в том, что мы могли сами организовывать свой график.

Я жаворонок. Нет ничего лучше, чем встать рано, выпить чашку крепкого кофе, совершить пробежку и сесть работать. Все еще спят, и никто тебе не мешает, природа только начинает просыпаться. Выйти из института я не могла, но предоставленным тренажерным залом воспользовалась вовсю. Вместе со мной занимался только один из биологов и знакомый биохимик по имени Важек.

Заспанный, зевающий Алик появился в лаборатории уже тогда, когда я подготовила образцы для анализа.

— Это все мне? — зевнул Мамаев.

— Да, Алик, вперед, — улыбнулась я. — А я пока, если не возражаешь, пойду поем и посплю.

— Конечно-конечно, дорогая коллега, — улыбнулся он.

Сколько я проспала, не знаю, но разбудил меня удивительно озадаченный Алик.

— Марина, — потряс он меня за плечо. — Марина.

— Чего тебе, л... — приоткрыла я глаза и тут же прикусила язык. Блин! Чуть не выдала нас! А здесь же камеры повсюду! Надо быть начеку. Итак, я чуть не назвала его «любимым», надо обыграть произнесенную букву «л». — Чего тебе, лодырь?

— Я потрясен результатами анализа. Никаких посторонних веществ или инородных элементов не обнаружено. Единственное, меня поражает повышенное содержание в тканях серебра, меди, свинца и ртути.

— И что ты думаешь?

— Отравление ртутью может вызывать приступы повышенной агрессии и помутнение рассудка.

— Но что там делают остальные металлы? Все они в большей или меньшей степени обладают биоцидными свойствами. Они могли содержаться в лекарствах, которые давали свинкам, чтобы их вылечить.

— А могли быть частью препаратов, вызывающих столь атипичное поведение.

— Или содержание данных металлов можно объяснить экологией среды, в которой они выросли.

— А что говорит тебе интуиция?

— Мне кажется, что это вирус, но надо разрабатывать все версии.

*Засекреченная лаборатория,
две недели спустя, 16.00*

Я отвернулась от компьютера и протерла глаза.

— Послушай, Алик, чем больше я разбираюсь в этом деле, тем больше мне кажется, что это просто вирус. Надо посоветоваться с биологами.

— Они ничего не говорят.

— Но это наш общий проект! К тому же утаивая друг от друга информацию, мы просто ничего не добьемся.

— Ты права, надо попросить об общем сборе.

Только мы так решили, как в дверь раздался стук и появившийся следом биолог, руководитель лаборатории, взволнованно произнес:

— Извините, но нам, кажется, надо с вами поговорить.

— И мы того же мнения, — ухмыльнулся Алик. — Как насчет общего сбора через час в конференц-зале?

— Это хорошо, но теперь идите за мной. Это лучше показать, чем рассказать.

Мы последовали за Виктором. Я думала, он поведет нас в лабораторию, но он завернул в сторону больничного крыла. Мы миновали спортзал, кухню и вошли в медпункт. Когда руководитель биологической группы направился в сторону изолятора, я насторожилась:

— Что происходит?

— На второй день нашего пребывания на базе один из наших сотрудников делал вытяжку и случайно пролил на себя раствор.

— И вы промолчали? — возмутилась я.

— Ну мы соблюдали всю технику безопасности и утилизировали все по правилам. К тому же мы тогда не знали, что это вирус...

— Вы все равно должны были сказать нам! — разозлился Алик. — Мы же команда. Зачем вы умалчиваете о таких вещах?

— Простите, привычка, — вжал голову в плечи Виктор Николаевич. — Я не хотел никому вредить или о чем-то умалчивать.

— А что с сотрудником?

— Смотрите, — указал Виктор на закрытый блок, в котором в истерике бился взрослый человек. — Безумие и повышенная агрессивность прогрессировали стремительно. Мы заметили, что в человеческом организме он развивается еще быстрее, чем у животных.

— А какой вид?
— Он уникальный мутант. Хотел бы я видеть того, кто его создал.
— Что будем делать? — поинтересовалась я.
— Нам нужно лекарство, — вздохнул биолог.
— Предлагаю встретиться всем в конференц-зале через двадцать минут. Обменяемся информацией и выработаем стратегию. Надо подключить наших органиков-синтетиков и биохимиков.
— Можно еще попробовать сделать какое-нибудь лекарство с теми катионами металлов, что мы нашли в организме свиньи.
— Не факт, что они помогли. Но есть риск, что от того пациента заразился еще кто-то. Биолог вздохнул, но промолчал.

*Засекреченная лаборатория,
полтора месяца спустя, 14.00*

Ситуация на базе резко ухудшилась. Почти у половины ученых (а это около двадцати человек) обнаружили признаки заражения экспериментальным вирусом. Десять мужчин вступили в стадию сильнейшей агрессии. Погибло уже пятеро. Среди них три женщины. Нападения были внезапными, и они, как наиболее незащитные, пострадали первыми.

Мы объединились и целыми днями стараемся найти противоядие, но пока, как назло, ничего не получается. В процессе исследований удалось выяснить, что причиной заболевания первого человека оказался не несчастный случай в лаборатории, а нечто иное. Скорее всего, кто-то из персонала специально нас заразил выделенным на первой неделе вирусом. Смутные подозрения указывают на помощника представителя секретной службы, который нас сюда доставил. Больше этот человек на базе не объявлялся. На наши просьбы о помощи никто не отозвался и не выслал нам ни подкрепления, ни лекарств. Спросили только, какие успехи в разработке противоядия, и попросили подробно записать признаки и стадии заражения «агрессивным вирусом». Мы с Аликом работаем в поте лица и стараемся лишний раз не появляться в общественных местах. То, что нас бросили на произвол судьбы, бесит неимоверно.

*Засекреченная лаборатория,
два месяца спустя, 14.00*

Сегодня заболело тридцать человек, шестнадцать уже мертвы. Командир группы биологов заперся в своей лаборатории и отказывается выходить до окончания проекта.

Его сотрудники — биологи разделились на два лагеря. Одни заперлись в лаборатории и работают в поте лица, надеясь найти противоядие. Вторые также заперлись у себя в комнатах в надежде выжить.

С нами связался руководитель проекта, тот самый с неприметным лицом, спросил, как продвигается разработка противоядия. И сообщил, что не откроет двери лаборатории до тех пор, пока мы не найдем лекарство. Мы сообщили, что у нас больше половины людей больны. Он посоветовал нам поторопиться с решением, так как помогать не собирается. А заболевших использовать в качестве подопытных кроликов. Проблема в том, что зараженные пытаются впиться нам в горло. Я теперь сплю с пистолетом под подушкой. Обстановка на базе ужасна. Меня до глубины души поражает то, что правительство оставило нас, ученых, на произвол судьбы. Если они хотели посмотреть, как вирус будет убивать в человеческой среде, то зачем задействовать для этого ученых с коэффициентом умственного развития выше ста двадцати? Что за бессмысленная трата генофонда? Или они надеются, что мы сильно испугаемся и найдем противоядие? Так бред это все! Не находятся результаты так быстро!

Я не выдержала и швырнула в камеру вазу. В комнату вскочил перепуганный Алик.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

Все ли со мной в порядке? Все ли со мной в порядке?! Да разве он не видит, что нет?! И

тут меня словно громом поразило. Я же не была раньше такой агрессивной.

— Ты чувствуешь то же самое, что и я? — вмиг севшим голосом уточнила я.

Под моим пристальным взглядом любимый поежился и судорожно сглотнул.

— Ты спрашиваешь про ощущения, как будто мне хочется тебя убить? — хрипло уточнил он, понимая, к чему я клоню.

— Да, — кивнула я.

Алик задумался и приложил руку ко лбу.

— Да, Марина, что-то похожее проклевывается, и температура, кажется, поднялась.

Мне захотелось выть и ругаться. А еще разнести эту базу на тысячу осколков. Господи, ну и за что мы так вляпались?! Ведь все, чего я хотела, — это просто тихо и мирно жить, любить мужа, растить детей. Зачем мне научное исследование, отягощенное страхом за собственную жизнь?

— Сколько у нас с тобой еще времени?

— День или два, — всхлипнул Алик. — А дальше мы сойдем с ума.

— Служба закрылась. Это они сначала забрали наши разработки, а теперь стараются убрать свидетелей, а заодно и на людях проверить.

— А может, они заразили нас, чтобы поскорей стимулировать процесс создания противоядия?

— Я не знаю, что это за вирус и как он развивается в организме. Биологи утаили, но ждать я никого не намерена. Я не уверена, что мы успеем найти противоядие, хотя попробовать стоит.

— Марина, а что будет, если мы его не найдем? Мы же уже два месяца бьемся, а тут — два дня!

— Алик, ты хочешь умирать?

— Нет.

— Тогда за работу.

Засекреченная лаборатория,

два месяца пять дней спустя, 11.00

— Ну как? — обернулась я к Алику.

— Пока безрезультатно, — ответил он, углубляясь в расчеты. — Я не знаю, что еще придумать. Пробую сейчас взломать компьютер биологов.

— Знаешь, милый, иногда хочется ругаться матом и разнести все в пух и прах. А еще лучше отправить этот вирус тем, кто нам так удружил. Пусть бы сами с ним сражались.

— И что ты предлагаешь? — хмыкнул Алик, барабанив по клавиатуре. — Подать жалобу?

— Да хотя бы слить вирус в канализацию, он относительно стойкий.

— Но погибнут тысячи людей! Мы же клятву давали не вредить!

— А прерывать нашу собственную жизнь легким росчерком пера справедливо? Где же вездесущий эксперт? Как они могли натравить на нас нашу же работу? Уже за то, что они отнеслись к нашему интеллекту так расточительно и наплевательски, надо отплатить. Пусть зараза вырвется на волю. Если она не заразит кого-то из наших обидчиков, то возникающая волна эпидемий привлечет иностранных коллег. И секретное оружие перестанет таковым являться, изобретут противоядие.

— Марина, опомнись! Это в тебе вирус говорит. Мы же клятву давали.

Я вгляделась в лицо любимого. Он по-прежнему оставался человеком. Даже сейчас он в первую очередь думал о других, совершенно не осознавая, что его собственная жизнь висит на волоске.

Эти пять дней мы работали как проклятые. С утра до ночи в поисках лекарства. Сколько мы экспериментальных образцов попробовали — не счесть. С каждым днем я наблюдаю за любимым и боюсь, что вот-вот в нем пробудится великий садист. Такое напряжение сильно напрягает. Я уже боюсь повернуться к Алику спиной.

*Засекреченная лаборатория,
два месяца десять дней спустя, 11.00*

Вирус во мне развивается гораздо медленнее, чем в коллегах. Может, причина в моем сильном иммунитете? А может, мы с Аликом нащупали верный путь? Уже восемь дней назад мы должны были свихнуться, но этого не происходит. Мы все еще человечны и сдерживаем свои порывы.

Из ученых осталось в живых только пять человек. Причем в данный момент двое находятся в лазарете и пытаются выбраться оттуда, чтобы убить нас троих. Я, Алик и Виктор, руководитель лаборатории биологов, пьем экспериментальное лекарство, основанное на хелатном комплексе серебра с органическими лигандами. Пока помогает. Есть надежда, что мы успешно завершим эксперимент и отправимся домой. Мы с Аликом сыграем свадьбу и уволимся. Или сначала уволимся, а потом сыграем свадьбу. В любом случае я сыта по горло такой работой.

Я готовила результаты для отчета, когда в комнату ворвался Виктор. С криком: «Убью, сучка!» — он кинулся ко мне.

Я мгновенно отпрыгнула и попятилась назад.

— Виктор, что случилось?

Мужчина не отвечал, только смотрел плотоядным взглядом и постепенно подкрадывался ко мне.

— Виктор? — позвала я. — Виктор, ответь, что случилось?

— Ты случилась, — прошипел он. — Ты на свет родилась! Убью, дрянь!!!

Биолог оторвал от стены аварийный топор и кинулся на меня. Недолго думая я отскочила к тяге.

— Виктор, вы принимали лекарство?

— Не помогает твоя панацея! — прорычал визави и вновь кинулся на меня. Я видела, что происходит с жертвами зараженных людей, поэтому, не раздумывая, плеснула концентрированной кислотой ему в лицо.

Мужчина схватился руками за голову и истошно завопил. В комнату влетел Алик. Мгновенно оценив ситуацию, он вскинул пистолет и нажал на курок. От звука выстрела задрожала посуда, а на груди биолога расцвело алое пятно. Похоже, из-за боли от ожога Виктор даже не понял, что его подстрелили. Но вот он со стоном завалился на пол и замер. Я отвернулась, борясь с тошнотой. Ожоги от концентрированных кислот — ужасное зрелище. Под трупом расползлась лужа крови, а у меня в ушах все еще слышался предсмертный вдох, в котором смешались удивление, грусть, тоска и какое-то странное облегчение. Наверно, Виктор понял, что пришел конец его мучениям.

Алик подбежал ко мне и обнял за плечи:

— Ты как? В порядке?

— Нет, — замотала я головой. — Он сказал, что лекарство не действует; тогда мы, получается, обречены.

— Ты же сама просила меня быть оптимистом.

— Ученые в лазарете перегрызли себе глотки, — указала я на монитор, показывающий медблок.

— Но мы-то еще живы!

— Как ты себя чувствуешь?

— Уже лучше. Агрессия пропала. Дай-ка сюда то лекарство. Мне кажется, оно помогает.

— Держи.

— Надо готовить результаты и выбираться отсюда.

Через два часа мы стояли перед железными воротами.

— Не велено никого выпускать! — отрицательно качала головой вахтерша. За ней стояли двое парней с автоматами наперевес.

— Но мы завершили проект! — возразил Алик.
— Вот и связывайтесь со своим начальством. А я приказ нарушать не буду!
— Так свяжитесь с ним! У нас все провода повреждены, а сотовый телефон не берет! — возмутилась я. — Скажите, что мы изобрели противоядие!
— А ну марш туда, откуда пришли, тунеядцы!
— Дура! — взревела я и кинулась вперед.
Бабулька отпрянула назад, охранники вскинули автоматы, но сильные руки Алика оттянули меня назад.
— Пошли, Марина, — прошептал он мне на ухо. — Пошли отсюда.

*Засекреченная лаборатория,
два месяца двадцать дней спустя, 12.00*

Вернувшись в исследовательские лаборатории, мы сожгли тела умерших в маленьком крематории, оборудованном для уничтожения зараженной одежды и трупов животных, провели полную дезинфекцию помещений и принялись ждать.

За нами так и не приехали, зато сегодня ворвались в поисках крови зараженные охранники и вахтерша. Я и не подозревала, что, когда хочешь жить, можешь так легко убить.

Когда мы стали оттаскивать трупы в крематорий, из вентиляционных шахт пошел странный газ.

— Что это? — испугалась я.

— У меня такое чувство, что это «вирус агрессивности» в больших концентрациях, — пробормотал Алик. — Кажется, в наших жизнях не заинтересованы. Зато им интересно, вырабатывается ли на этот вирус иммунитет.

— И что ты думаешь по этому поводу?

— Время покажет, — пожал плечами Алик.

*Засекреченная лаборатория,
три месяца спустя, 12.00*

Оказалось, что повторное заражение возможно. Причем протекает оно в еще более тяжелой форме. С каждым днем мы становились все агрессивнее и агрессивнее. Хотелось всех убить, раздавить, уничтожить.

Мы прекратили спать с Аликом в одной постели. Мне стало страшно поворачиваться к нему спиной; когда он входил в комнату, я напрягалась. С каждой минутой нервы натягивались как струна. Я прямо чувствовала, как доводит вирус мой организм до предела.

— Марина, — обернулся ко мне бледный Алик. — Можно тебя попросить пристрелить меня, если я на тебя нападу. Я не могу позволить себе убить любимую.

Я взглянула на дорогого мне человека, молча кивнула и зарядила пистолет.

— Ты меня тоже пристрели. Иногда проще умереть, чем жить, зная, что сделал.

Мы сели в кресла и стали смотреть друг другу в глаза. Странно вот так любоваться любимым и чувствовать, как утекает жизнь, понимать, что мы будем последним, что увидит другой на этом свете.

Через три часа из носа Алека хлынула кровь — последний признак заражения. Я тоже почувствовала на губах металлический вкус, и внутри вспыхнула ярость. Убить, разорвать, растоптать. Я взглянула на свою половинку в последний раз и взвела курок.

Алик, сидя напротив меня, зеркально повторил мои действия. Вместе навсегда. Не так я хотела выйти за тебя замуж. Родить детей. К сожалению, все перечеркнул этот эксперимент. Чувство тоски и сожаления заглушила слепая ярость. Минута до срыва, тридцать секунд. Мы направили пистолеты друг на друга. Алик дернулся и кинулся вперед, я нажала на курок и краем сознания отметила, что его выстрел прогремел почти одновременно...

Эпилог

*Засекреченная лаборатория,
три месяца спустя, 21.00*

В конференц-зале напротив друг друга в креслах полулежали мужчина и женщина. Баллистическая экспертиза констатировала два самоубийства.

В это время глава проекта «секретный ход» получил письмо на электронный ящик:

«Здравствуйте, уважаемый руководитель, бросивший сорок прекрасных специалистов на произвол судьбы. Вы надеялись, что в экстремальных условиях, когда под угрозой собственная жизнь, мы разработаем противоядие? Увы, но есть вещи, которые нам неподвластны, мы не боги.

Наверно, вы считаете, что незаменимых людей нет, но это не так. Хорошим генофондом и мозгами не разбрасываются ради экспериментов. Возможно, вы сейчас скажете, что мы неудачники, раз не смогли спасти собственные жизни? Там были лучшие светила науки и удивительные умы, а чтобы вырастить новых вам потребуется около десяти лет. Но если вы так не считаете, то предлагаю вам самим попробовать свои силы.

Вы думаете, что моя последняя разработка — противоядие от нашего вируса, но это не так. Когда вы не пустили нас с Аликом на свободу, я уничтожила начавшее помогать лекарство, заменив его неудачным образцом. Кроме того, я заразила этим вирусом оставшихся в лаборатории биохимиков и биологов, а также животных и выпустила их на свободу. И даже если крысы не смогут добежать до города (в чем я очень сомневаюсь), то голуби еще никогда не подводили. Надеюсь, вы оцените мой прощальный привет. И помните, нет на свете более коварного и предприимчивого врага, чем обиженная женщина.

Жду вас на том свете, Андрохина Марина Юльевна».

А через неделю город охватила странная болезнь...

Фамильный перстень

Все имена и события в данном рассказе вымышленные, и автор не несет ответственности за случайные совпадения.

Я с сожалением смотрел, как догорает моя квартира. Нервные пожарники сновали туда-сюда и матерились. Выскочившие на улицу соседи боялись за свои дома и на чем свет кляли мое ротозейство.

Я же стоял и недоумевал, как такое могло произойти. Уходя, я всегда отключаю и воду, и газ, и все электроприборы.

Ко мне подошел полицейский:

— Вы хозяин квартиры?

— Да.

— В доме еще был кто?

— Нет, я живу один.

— А где Сорокин Владимир Витальевич?

— Это мой дядя, он умер полгода назад и оставил эту квартиру мне в наследство.

— Соболезную, — кивнул полицейский. — Вы извините, что задали этот вопрос, но мы должны были проверить.

— Я понимаю. Пожарные не сказали, от чего произошло возгорание?

— Пожар произошел из-за стоящего на плите чайника. Уходя на работу, вы забыли его выключить, вода выкипела, из открытого окна подул ветер, штора попала на конфорку — и вот вам результат. Ничего не осталось.

— Погодите! Я не пользуюсь железным чайником и всегда закрываю перед уходом окна!

— Видно, в этот раз забыли, — пожал плечами собеседник.

Нет, привычкам не так легко изменить. Да и не спешил я сегодня, спокойно собрался на

работу, проверил все приборы, воду и отключил газ. Точно! Я еще оцарапался о край плитки, поворачивая вентиль. Я взглянул на белеющую на руке царапину. И пользуюсь я электрочайником. Посудину из нержавейки оставил в память о дяде, который после смерти моих родителей заменил мне и отца и мать. Полтергейст какой-то! И тут меня осенило.

— Скажите, а в каком часу произошло возгорание? — спросил я у полицейского.

— Соседи почувствовали подозрительный запах где-то в три часа дня, а вызвали пожарную в пятнадцать тридцать.

— В это время я был на работе. А если бы я забыл отключить газ и закрыть окно, то несчастье произошло бы раньше.

— Подозреваете, что в вашу квартиру пробрался посторонний? — прищурился полицейский. — Однако я сомневаюсь, что вор поставил бы чайник на огонь, чтобы заварить себе чаю или кофе. Тем более что замки не взломаны.

— Может быть, в квартиру пришел тот, кто раньше здесь жил? Я не знаю, был ли у дяди с кем-нибудь роман. Внебрачных детей у него не было.

— Вы говорите, что квартира у вас уже полгода, — произнес полицейский. — И за это время никто не объявлялся. Очень сомневаюсь, что прочие законные наследники пропустили бы оглашение завещания или не опротестовали бы его. У вас есть враги?

— Нет.

— Так не бывает. Даже у святых были враги.

— Ну я про них не знаю, — пожал я плечами.

— У вас месяц назад разбилась машина?

— Да, я попал в аварию. Это случилось за городом. Второй водитель нарушил правила, не справился с управлением и врезался мне в бок.

— Вас тогда раскрутило и скинуло в кювет. Вы чудом спаслись.

— Не чудом, просто хорошая машинка, сконструирована так, чтобы беречь водителя.

— Вы уверены, что эти случаи не связаны? Может, вам приходили угрозы?

— Нет, это просто случайности. Нелепые несчастные случайности.

— Что ж, тогда не буду больше вас задерживать.

Полицейский отошел к машине, а я с грустью наблюдал, как пожарные завершают тушение огня. После пожара квартиры практически нежилые. Их трудно восстановить. Впрочем, попробовать стоит.

Я взглянул на фамильный перстень на руке — единственная, уцелевшая память о дяде. Кольцо досталось нам еще от прадеда. Когда-то его как старший сын носил мой отец, потом реликвия перешла к дяде. И вот теперь ко мне, а потом — к моим детям. Довольно тонкая оправа из почерневшего серебра и красиво ограненный александрит в форме слегка вытянутого ромба. К каждой стороне камня прилегал узкая полоска, вырезанная из красного янтаря либо почти черного мориона. Камни чередовались, и ромб александрита оказывался в красно-черной оправе, где противоположные стороны были одного цвета.

Будь перстень чуть изящней, выглядел бы женским, а так успешно балансировал на грани. В зависимости от освещения александрит менял цвет, становясь то красным, то зеленым, то синим. Сейчас камень мягко мерцал серо-голубым светом. Прелесть перстня была в том, что он абсолютно ни за что не цеплялся при ношении, словно был сделан не для украшения. Глядя на изделие, отчетливо представлялось, что он сделан для мужской руки, хотя и довольно изящной. В детстве я часто задавался вопросом: почему его не сделали шире? Ведь я очень сомневаюсь, что у моих предков, потомственных крестьян, были тонкие пальцы.

Пожарные попрощались со мной и уехали, а я сел в машину и отправился в свою старую квартиру. Хорошо, что я еще квартирантов не нашел. А то пришлось бы искать приюта у друзей.

Припарковал машину возле дома, свинтил боковые зеркала, а то на прошлой неделе у меня их сняли. Попал на триста баксов плюс день езды на общественном транспорте, что само по себе неприятно. И пошел что-нибудь купить в супермаркет.

Побросав различные полуфабрикаты в корзину, я стоял в очереди, когда ко мне подошла женщина с двумя детьми: годовалым человечком на руках и четырехлетним мальчишкой рядом.

— Можно за вами занять?

— Да, конечно.

Вдруг ребенок на руках проснулся и, взглянув на меня, разразился криком. Стоящие по соседству бабушки недовольно заозирались и осуждающе закивали головами. Молодая мама извинилась и попыталась укачать ребенка, но тот, глядя на меня, продолжал орать благим матом. Краем глаза я заметил, что его четырехлетний брат пристально за мной наблюдает. Перехватив мой взгляд, он вдруг по-взрослому покачал головой и произнес:

— У тебя за плечами зло.

Я поежился под пронзительным взглядом ребенка. Его мать ахнула и, обернувшись ко мне, быстро заговорила:

— Не слушайте его, он большой фантазер. То ему мертвая бабушка видится, то барабашки всякие.

— Я не вру, — спокойно произнес мальчик. — Они действительно существуют, точно так же, как кукла у тебя в животе.

— Какая кукла?! — возмутилась мать. — О чем ты говоришь, Паша?

— О сестричке.

— Этого не может быть! Не сочиняй!

— Я говорю правду, — ровным голосом ответил Паша и, оглядевшись по сторонам, указал на продавщицу. — У нее тоже в животе кукла.

Мать встревоженно глянула на кассиршу, а та, побледнев, кивнула:

— Это правда.

— А в кулачке она стиснула тысячу рублей, — продолжил Паша, указывая на девушку.

Женщина вновь взглянула на кассиршу, та протянула дрожащую руку и показала зажатую в кулаке купюру. Она и сама растерялась, увидев ее достоинство. Мать детей вдруг расплакалась.

— Да что же это такое! — прошептала она. — Что же мне с тобой делать?

— Не расстраивайся, мам, — попросил ее мальчик. — Я не один такой. Рома вон тоже все видит, потому и плачет. — И он указал на брата.

Я никогда не был суеверным, но от слов ребенка у меня мурашки поползли по спине. Не потому, что за себя испугался, нет. Было жутковато видеть, как в детских глазах плещется вечность.

Пробив свои продукты, я поспешно собрался и ушел. Во-первых, не хотел нервировать мать детей, которая столкнулась с печальным событием. Вряд ли ее детям будет сладко по жизни. И еще неизвестно, не родит ли она третьего экстрасенса. Странно, раньше я в эту чушь не верил, считая шарлатанством и способом нажиться на людях, но четырехлетнему ребенку мои деньги нужны были как собаке пятая нога. И тем не менее он что-то видел. Может, это все действительно существует?

Я набрал номер друга.

— Серый, привет, ты говорил, что знаешь одну колдунью? Мне с ней встретиться надо, но только с настоящей. Через полчаса к тебе подъехать? Хорошо, буду.

Наспех собравшись, отключил все электроприборы, газ и на всякий случай даже воду, проверил права, деньги и поехал к другу.

Вечером движение довольно оживленное, а темнота — коварная штука. Я не слишком хорошо в ней вижу, поэтому всегда предельно концентрируюсь и стараюсь не превышать скорости. Передо мной гаишник тормознул машину. Фух! Повезло! В прошлый раз жертвой стал я.

Друг жил на окраине города в шикарной новостройке с подземным гаражом.

— Привет, — улыбнулся он мне. — Оставляй вещи, и сейчас сходим к Валентине.

— Валентина? — удивился я.

— Да, — кивнул Серый. — А ты что, ожидал чего-нибудь в духе Эльвиры или Элеоноры?

— Стыдно признаться, но да.

— Напрасно, большинство из них самые обычные люди. Ну что, готов? Тогда двигаем.

Валентина, потомственная колдунья, оказалось шатенкой тридцати лет с моложавым, крайне миловидным лицом и располагающей улыбкой. Никакого дикого экзотического макияжа, который обычно ассоциируется с темной магией и мистикой, никаких томных взглядов или угрожающего голоса, лишь простое:

— Здравствуйте, проходите. Чай будете?

Вот так просто? Я прямо поразился.

— Не откажемся, — улыбнулся тем временем друг.

Валентина поставила на огонь чайник и открыла буфет, где на полке выстроились в ряд сразу десять коробочек с чаем. Колдунья, задумавшись, достала центральную и, открыв, сунула мне под нос:

— Знакомьтесь.

— С чем? — не понял я.

— С чаем, — улыбнулась колдунья. — Думаю, вам понравится. Прежде чем пить чай, следует его понюхать. Познакомиться, так сказать.

Я осторожно сунул нос в банку. Запах мне понравился. Черный чай с оттенком бергамота и шоколада. Он меня успокаивал и навевал мысли о детстве.

Валентина разлила по чашкам ароматную заварку и поставила перед нами тарелку пирожков. Не понял, мы к ней есть пришли или вопросы решать?

— Я не всех гостей угощаю! — вдруг прошипела ведьма, словно прочитав мои мысли. Ее красивые глаза мгновенно стали жесткими и пронзительными. Никогда бы не подумал, что теплый карий цвет может быть таким холодным. — Сергей мой друг, и потому я отнеслась хорошо к вам, но сомневаться в моих способностях или думать о них с долей иронии и скепсиса я не позволю! Я вас к себе не тянула.

— Простите, — выдавил я, чуть не подавившись пирожком. Вкусным, между прочим. — Я не хотел. Просто это все для меня в новинку.

Теперь эта женщина меня пугала. Нет, внешне она не стала страшнее, но было жутко подумать, что все мои мысли и метания были перед нею как на ладони.

— Что ж, — вздохнула колдунья. — Перейдем к делу.

Под внимательным взглядом Валентины я поежился. Такое чувство, словно через тело рентген прошел. Ужас какой! Колдунья тем временем щадить меня не спешила.

— Ты знаешь, что это? — спросила она, кивком указывая на мое кольцо.

— Это мой фамильный перстень, — ответил я, — достался мне от прадедушки.

— То, что это фамильный перстень, — правда, — кивнула Валентина. — Но это не твой перстень.

— Что?! — опешил я. — Да как вы смее! Это достоверная информация!

— Стоп! — перебила меня Валентина. — Смотри. — И она протянула вперед руку с массивным серебряным кольцом. Незнакомый мне черный матовый камень в центре завораживал. — Вот это — мой фамильный перстень, который передается из поколения в поколение. За этим перстнем я пойду хоть на край земли, я вернусь за ним с того света. Понятно?

— Да, — облизнул я вмиг пересохшие губы. Слова колдуньи меня пугали. Просто мурашки по коже. Неимоверно хотелось отодвинуться от перстня колдуньи и потереть свой.

— Так вот, — продолжала тем временем колдунья, — тебя потому одолевают несчастья, что перстень этот тебе не принадлежит. Твой дед отобрал его у дворянина, а тот был колдуном.

— Что? — опешил я.

— Твой прадед участвовал в раскулачивании и забрал это кольцо у

высокопоставленного человека. Я чувствую сильную магическую ауру от перстня.

— А это не может быть отпечаток ауры моих предков? — решил я блеснуть интеллектом.

— Нет, — решительно мотнула головой колдунья. — Твои предки — простые люди, крестьяне. Твой прадед был очень настырным и леноватым. Он не имел своего надела, вот и поддержал идею раскулачивания и передачи собственности малоимущим. Это же кольцо принадлежало черным магам. Людям очень непростым. Александрит — камень с дурной славой. Он двоякий. С одной стороны, считается, что он — символ процветания и успеха. Его мог приобрести только очень богатый человек; с другой — он приносит своему владельцу несчастья. Александрит обладает мощной энергетикой и приходит к людям сильным духом, он испытывает хозяев на прочность, ставя в трудные жизненные ситуации. Вспомогательные камни тоже не простые: красный янтарь в основе полезен только магам, морион пригоден только для черной магии. Он хорош для некромантов. Твоему предку надо было десять раз подумать, прежде чем связываться с его владельцем. У этого перстня есть душа, и он хочет вернуться к своим первоначальным хозяевам. Если ты не вернешь кольцо, то умрешь.

— Валентина, извините меня, пожалуйста, но мне дико все это слушать. Я никогда не слышал, чтобы мой прадед участвовал в раскулачивании и грабил колдунов. Меня с детства учили, что нельзя воровать чужое.

— Никто из твоих родных не умер своей смертью. Верно? — строго спросила колдунья.

— Да, — признался я.

— Это знак. Вам бы задуматься. Верни кольцо настоящим владельцам, и все пройдет. Тебя не будут преследовать неудачи, ты проживешь долгую и счастливую жизнь.

— А если не получится?

— То ты умрешь. Вокруг тебя уже сформировалась воронка смерти.

Я вспомнил слова ребенка в супермаркете, и внутри все похолодело. Похоже, Валентина говорила правду. Кольцо на пальце вмиг стало холодным и неприятным. Если из-за него умерли мои родители, то лучше его уничтожить. Да и где найти в России потомков раскулаченных колдунов, тем более что дедушка не оставил никаких записей?

— А если я уничтожу кольцо?

— На тебя падет проклятие, — спокойно пожала плечами ведьма.

— А проклятие можно снять?

— Нет. Проклятия чаще всего перекалывают на другого, и я этим не занимаюсь. Послушай, Владимир, мой тебе совет: пойдешь в библиотеку, подними архив и найди выживших потомков колдуна, потому что если его род прервется, то и твой их не переживет. Верни в семью реликвию. Тем более что она — не простое украшение. Перстень использовался для работы и обладает душой, он убивает всех, кто завладел им нечестно.

— А может, ты по кольцу можешь описать, хотя бы как приблизительно выглядит владелец? — спросил Сергей. — Пожалуйста, Валентина.

— Ладно, я попробую, — вздохнула колдунья. — Дай, пожалуйста, перстень.

Взяв кольцо, она зажала его между ладонями, закрыла глаза. Три раза глубоко вздохнула и замерла. Я следил за ней, едва дыша. Наконец Валентина вернулась в нашу реальность и заговорила:

— Без кольца ее силы уходят. Аура жизни очень слаба. С ней что-то не так. Но тебе повезло, Владимир, она живет в этом городе.

— Видишь! — обрадовался Сергей. — Она в нашем городе!

— Да уж! — вздохнул я. — А ты попробуй найди в Минске среди двух миллионов людей нужного, не зная его имени или адреса!

— Ну гораздо хуже было бы, если бы владелица перстня оказалась в Москве или Нью-Йорке, — хмыкнул Сергей.

— Есть у нее какие-нибудь приметы? — взмолился я.

— Поищи в старых вещах твоего деда. Он вел дневник. Отыщи его — и найдешь ответ. И кстати, квартира твоя сгорела из-за проклятия. Предок колдуна на тебя ополчился. После того как вернешь перстень, освяти квартиру и продавай. Они отстанут от тебя. А пока приди домой и пообещай вернуть кольцо, духи дадут тебе отсрочку. И покорми своего домового во второй квартире, он молодец, настоящий боец. Уже полгода твою квартиру охраняет. Поставь ему стопарик водки.

В этот момент дверь открылась и вошла девочка лет пяти. Одну свою руку она держала на уровне пояса, словно на чем-то везла.

— Мама, — обернулась малютка к Валентине. — Полкан кушать хочет.

— Какой Полкан? — опешил Сергей. — У вас же уже месяц, как собака сдохла!

— Полкан не умер! — возмутилась девочка. — Вот он!

И указала на пустое место рядом с собой. У меня мурашки по спине поползли. Девочка, получается, видит призраков?

— Танюша, Полкану больше не нужна еда. Отпусти его.

— Ладно, мам. А мы скоро поиграем?

— Да-да, уже скоро. Сейчас я закончу с дядями, и мы поиграем.

— Если этот дядя разберется со злом за плечами, у него начнется новая жизнь, — хмыкнула кроха и пошла прочь.

Мы попрощались с Валентиной, и я поехал домой. Друг предложил зайти в гости, но у меня кусок в горло не лез. Хотелось побыть одному.

Квартира меня встретила привычной тишиной. Вспомнив рассказ колдуньи о домовом, я на всякий случай с ним поздоровался и налил стопарик водки.

М-да, мрачную мне задали задачку. И как же ее решать? Где найти дневник прадеда? И существует ли он на свете? Умел ли мой прадед, потомственный крестьянин, писать?

Есть не хотелось, и я лег спать. Странно устроена жизнь. Ты себе спокойно живешь и не обращаешь на это внимания. Но стоит только осознать, что остался маленький, строго отмеренный кусочек бытия, как все начинает видаться в ином свете. Понимаешь, как хочешь жить, осознаешь, что многое не успел сделать.

Спокойно уснуть не получалось. Голову бередили тревожные мысли, сердце одолевали нехорошие предчувствия, и я крутился в постели, как уж на сковороде. Пробило полночь, и на грудь навалилась странная тяжесть.

Внутри все запаниковало. Я не суеверный человек, даже больше атеист. Но стоило мне столкнуться с мистикой, как стало жутко. Отовсюду мерещились шорохи, возникало чувство, будто за тобой наблюдают. Хотелось, как в детстве, спрятаться под одеялом и не высовываться. Давно я так не боялся темноты. А каково живет тем детям, что видят тонкие миры? А Валентине и ее дочери? Наверно, жутко было впервые понять, что тебе доступно нечто неизведанное.

Я почувствовал на ногах странную тяжесть, захотелось закричать, но горло пересохло от ужаса. О Господи! Я стал вспоминать услышанную в детстве молитву. Но погрузился в сон.

Мне снилось, что я иду по деревне. Народ почти вымер, никого нет. Впереди заброшенная изба. Каким-то странным чувством я понимаю, что мне нужно именно туда. Дверь со скрипом открывается. Около окна стоит человек и что-то убежденно доказывает сидящим перед ним крестьянам.

— Нет, Михаил, — качает головой один из дородных широкоплечих мужиков. — Я не пойду на пана Зареческого. Зла мы от него не видели. Зачем же ополчаться против хорошего человека?

— А как же коммунизм?! Светлое будущее?! Как мы можем его построить, когда над нами довлеет эксплуататор?!

— Он не эксплуататор, Миха, — заметил второй селянин, и две женщины одобрительно кивнули. — Он нам справно платит за труд и не требует работать больше положенного. Да и сам не чурается выйти в поле и подсобить. Это голытьба без кола и двора

хочет всех раскулачить да себе добро присвоить, но только толку-то? Чтобы богатство удержать, работать надо. А они тунеядцы и алкоголики!

— Да ты против коммунизма идешь, Кузьма?! — взвился Михаил, в котором я опознал своего прадеда.

— Я тебе свое мнение говорю! — рявкнул Кузьма. — Ты посмотри на коммунистов! Кто они? Пьяницы и тунеядцы, которые прикрылись славной целью, чтобы наворовать чужое добро!

— Да ты сам кулак!

— Да, я — кулак! Кулак, потому что пашу от зари до зари! Я свои деньги потом и кровью нажил! А что сделал ты, Михаил? Что ты оставил после себя, кроме выводка детей? Я работал на поле, а ты спал!

— Неправда! — взревел Михаил.

— Ты нас быдлом назвал?! — взревели четверо костоломов, стоящих позади прадеда.

— Я говорю, что думаю!

— Это плохие мысли! Не пролетарские!

— Мы за тебя после Зареческого возьмемся!

— Быдло завистливое! — сплюнул Кузьма.

— Поговори мне еще! — кинулись на него спутники прадеда. Завязалась драка, бабы заголосили, дети заплакали и кинулись к выходу. Остальные мужики бросились разнимать сцепившихся.

— Но-но! — растащили их они. — Не дело друг другу носы квасить.

— Так кто со мной пойдет на Зареческого? — спросил прадед.

Мужики понурились и отодвинулись от Михаила подальше.

— Ты уж извини, Михаил, но мы тебе в этом не помощники. Колдун он.

— Не бывает на свете колдунов! Это все сказки!

— Ты еще скажи, что и Бога нет! — всплеснула руками дородная баба.

— И его тоже! — кивнул Михаил. — Если бы он был, то почему мы все не равны?

— С Богом или нет, — выступил вперед один чернобородых мужиков, — а пан Зареческий мою дочь вылечил. Только благодаря ему она и жива. Я не пойду.

— Трус!

— Трус не трус, а как-то ему пан Вихляев коня нестоящего продал, так потом у того пана вся живность вымерла! — заметила одна из селянок.

— Да брось ты сказки рассказывать! — взвился Михаил. — Кто со мной?

— Тебе надо — ты и иди, — хмыкнули односельчане. — А мы на себя гнев колдуна брать не будем, да и не делал он нам ничего дурного.

Я проснулся в холодном поту. Почему-то увиденный сон навевал ужас и кошмарные предчувствия. Интересно, что это было? Видение прошлого или плод моей разыгравшейся фантазии? Впрочем, если фантазия, то она сработала довольно странно. Мой дед и отец очень уважительно отзывались о Советском Союзе. А по сну выходило, что далеко не все гладко было в стране и советском строе. Да и прадед, если честно, показывался далеко не с лучшей стороны. Видно, правду говорят, что у медали две стороны.

Мой взгляд упал на полупустой стопарик. Хм, может, мне домовый показал эту информацию? В последнее время я склонен верить всему.

Если то, что мне приснилось, правда, то мой прадед раскулачил какого-то пана Зареческого. А как мне найти его потомков в Минске? Валентина говорила, что последний из них женского пола, а это еще хуже. Фамилию при замужестве могла сменить несколько раз. Что же делать? Вспомнился друг, который говорил, что его девушка — историк. Вроде ее работа состоит в том, чтобы разыскивать в архиве всяческие истории, а за отдельную плату она может найти родословную. Может, ее попросить? Почему бы и нет? Я заплачу.

Информацию о потомках Зареческого искали девять дней. Что интересно, так в этот период все преследующие меня несчастья, казалось, взяли тайм-аут. Словно проклятие действительно поняло, что я работаю над возвратом перстня.

Конечно же найти нужного человека оказалось не так просто, но и не так сложно, как я вначале полагал. Сложнее всего Лене, девушке друга, было разобраться с перемещениями по Советскому Союзу дочери пана Зареческого. Сам пан и двое его взрослых сыновей умерли в тюрьме в промежутке между допросами при загадочных обстоятельствах. Вдове с четырьмя детьми было приказано выметаться из дому в чем есть. Пани Зареческая, в девичестве пани Лещинская, подалась к своему брату, но и того к тому времени раскулачили...

Лене удалось найти потомков пана Лещинского и его личный дневник. Исходя из рукописей, младшая дочь пана Зареческого умерла от голоду через три недели после гибели отца. Младшего сына, ребенка пяти лет, избил ногами «слуга пролетариата» за то, что мальчик ел под забором казенную траву. На следующий день малыш умер. Не считая автора дневника, остались мать, грудной младенец и дочь пятнадцати лет. И вот тут след прерывался.

Про события прошедших лет никто из потомков ничего не помнит. «Нам строго-настрого приказали забыть кто мы, — говорили они. — Обидно. А ведь наши предки кровью и потом защищали эту землю. И чем она нам отплатила? Остались одни обрывки воспоминаний и былой роскоши». В дневнике пана Лещинского, тоже, как назло, не хватало дюжины страниц. Однако по приблизительным прикидкам нам с Леной удалось узнать, что девочку-подростка выдали за убегающего во Францию графа Семашко. Дальнейшая судьба их неизвестна. Пани Зареческая с грудным младенцем тоже затерялась на страницах истории.

Один из потомков Лещинского вспомнил, как дед рассказывал ему, что его тетя, дабы увести след большевиков от убегающей за границу дочери и зятя, сменила фамилию и прикинулась крестьянкой. Однако про грудного младенца ничего не было слышно.

— Может, он умер? — предположил я, прорабатывая версию. — В то время смертность была очень большой.

— Тогда непонятно иное, — поморщилась Лена, постукивая карандашом по губам. — Кто тот потомок, что в Минске? Нигде в дневнике не сказано о возвращении четы Семашко на родину. И потомки Лещинского этого не помнят.

— Но это время белых пятен в истории, — заметил я.

— Белые-то белые, но Лещинские говорят о дальних родственниках во Франции.

— Так, может, Валентина ошиблась и мне надо ехать во Францию?

— А если девочка умерла при родах?

— Тогда должен существовать ее потомок.

— А если и младенец не выжил? — грустно вздохнула Лена.

— Это твои домыслы.

— Да, но мне почему-то кажется, что, если тебе сказали искать потомка в Минске, значит, он тут.

— А если она проездом?

— А что мы знаем про грудного младенца? А если он выжил?

— Это было бы чудом!

— И тем не менее. Здесь в церковной книге есть запись о браке между крестьянкой Рубановой и неким Самосейко.

— Рубанова — это пани Зареческая?

— Да, но только она одна. А Самосейко стал одним из уважаемых на деревне большевиков. Возможно, женщина таким образом помогала вырасти своему ребенку?

— А где же он сам?

— Не он, а она. Эта была девочка.

— А какая разница?

— Большая. Девочки едят меньше, ее могли удочерить.

— Но только не в голодное время! В то время и своим не хватало, не то что чужим.

— А если они были заинтересованы в ребенке? — спросила Лена.

— В смысле? — опешил я.

— Ну допустим, в округе еще жил колдун, и ему было выгодно взять девочку и вырастить себе невесту. Магические силы должны были удвоиться в ребенке.

— А если нет?

— А у нас есть другие предположения? Смотри, колдуны округи должны были знать друг друга. Подобное обычно тянется к подобному.

— Допустим, все так, как ты говоришь. Но где нам найти нужного колдуна? Вряд ли в летописях он указал род своей деятельности.

Лена задумчиво теребила старый, потрепанный дневник.

— Смотри, здесь на обложке легкие оттиски. Возможно, если мы закрасим ее карандашом, то прочитаем надпись на последней странице.

Я последовал ее совету, и уже через час мы уже читали торопливо написанные строки:

«Сегодня ко мне опять обратилась сестра, просила присмотреть за Татьяной. Ее отдали на хутор черной ведьме. У колдуньи есть сын, с которым они когда-нибудь поженятся. Коммунисты боятся ссориться с Марьяной. Даже ее предков прозвали Ворожей. Я видел пару раз колдунью. Взгляд у нее тяжелый, и рядом с нею охватывает странное паническое чувство. Однако Танюше она нравится.

Сестра уходит след на север...»

— Видишь! — обрадовалась Лена. — Я оказалась права!

— Да, только где нам найти потомков уже этого колдуна?

— Все там же, — улыбнулась собеседница. — В архиве!

На поиски потомков Татьяны и сына колдуна ушло еще пять дней. В результате передо мной лежало три адреса неких Ворожейкиных (после двух войн фамилия колдуна слегка изменилась). И это счастье! Окажись это какой-нибудь Иванов или Сидоров — и мне пришлось бы туго. До этого дня я никогда не думал, насколько люди похожи на бактерий. Возьми одну родительскую пару — и через несколько поколений получишь целую армию. К счастью, по первому адресу проживали однофамильцы, по второму — сводные братья моей цели.

И вот я подъехал к дому наследницы пана Зареческого. Простой панельный дом старого типа, обшарпанный подъезд, худая кошка на крыльце тщательно вымывает переднюю лапу.

За дверью не спешили. Я еще раз нажал на звонок. Наконец по ту сторону двери раздалось осторожное:

— Кто там?

— Ворожейко Татьяна Александровна? — спросил я. Девочку назвали в честь бабушки.

— Да, а что вам нужно?

— Я бы хотел отдать вещь, принадлежащую еще вашему прадеду.

— Я не открываю незнакомым людям.

— Ах, простите, меня зовут Сорокин Владимир Алексеевич. Я уже был у ваших сводных братьев. Хотите — позвоните им. Они все объяснят.

— Минуту, — бросили из-за двери и куда-то ушли.

По-видимому, Татьяна созванивалась и разговаривала с братьями. Через пятнадцать минут она снова подошла к двери и сказала:

— Я сейчас занята, если так хотите вернуть мне что-то, давайте встретимся на нейтральной территории сегодня в семь часов?

— Хорошо. Где?

— Давайте в пиццерии в двух кварталах отсюда.

Законная владелица перстня оказалась хрупкой, невысокой девушкой с бледной кожей и тонкими кистями. В осанке угадывалась порода, которую не смогла ни вытравить, ни разбавить примесь крестьянской крови. Окинув меня холодным взглядом, она спросила:

— Что вам надо?

Я протянул ей старый, потрепанный дневник пана Лещинского и рассказал все, что случилось со мной до встречи с ней. Девушка внимательно слушала. При виде кольца она

встрепенулась, повертела в руках, словно изучая и примеряясь к новой вещи, а затем робко надела на палец. В тот же миг нас словно ветерком обдало. Щеки сидящей напротив красавицы порозовели, круги под глазами стали менее заметными. Такое чувство, что перстень питал ее силой и энергией.

— А теперь отпустите меня, — попросил я. — Снимите проклятие. Я вернул вам перстень, и, как видите, даже с процентами, — кивнул я на дневник.

Девушка улыбнулась и покачала головой:

— Я не знаю, как снять с вас проклятие. Я не практикую данных вещей. Бабушка умирала два раза, и последний раз мучительно. Я хочу быть счастливой, любить и быть любимой, прожить обычную жизнь.

— А такое возможно? — изумился я. Как человек, обладающий даром, может притвориться нормальным?

— В жизни все возможно, — очаровательно улыбнулась Татьяна. — В любом случае вас уже не должны преследовать несчастья.

— Спасибо, — слегка склонил я голову.

— Вам спасибо, что вернули его. Я много о нем слышала, когда была маленькой, и мечтала когда-нибудь отправиться на его поиски. Я готова была пойти за ним хоть на край света, а он вернулся сам.

Как и сказала Татьяна, несчастья меня больше не беспокоили. Более того, мне стало везти. Возможно, есть на свете такие вещи, как кармический долг. В любом случае я понял, что ни при каких обстоятельствах нельзя желать людям зла или их обижать, ведь никогда не знаешь, когда это вернется к тебе бумерангом. И не придется ли за это платить твоим детям.

Я отремонтировал дядину квартиру и сдал ее жильцам. Каждый вечер я стал подкармливать и хвалить домового. В результате, когда я бежал в квартиру, зная, что забыл выключить газ или воду, находил их выключенными либо перекрытыми.

А что касается Татьяны, то к добру это или к худу, но я пригласил ее на свидание. И уже через год перстень снова стал фамильным, но уже на законных основаниях. Так закончилось столетнее путешествие кольца с собственной душой.

Сын кровного врага

Часть первая

Жертва

Алику арр Аллуену еще никогда не было так страшно. В какой-то момент исчезло чувство счастья и безопасности. Пропало все. Казалось, он уже вечность не видел рядом ауру матери или отца и не ощущал связывающую с ними нить. Это пугало.

А еще его приводил в ужас стоящий над ним незнакомец с какой-то чужой, враждебной аурой. Еще не развившиеся глаза ребенка видели лишь размытый силуэт невероятно высокого широкоплечего существа, но тело чувствовало исходящую от него магию и силу.

Лежащий на земле и кричащий младенец рядом с высоким горным эльфом казался новорожденным щенком, прибившимся к дорогим сапогам в поисках защиты. Малиш арр Ноу, потомственный дворянин, вторая ветвь главы рода лесных эльфов, поежился и посмотрел на сородича, предводителя самого гордого и сурового клана горных эльфов. Красивые черты лица, немного резковатая линия губ и уставшие, почему-то безмерно печальные глаза выдавали возраст и нелегкую судьбу мужчины.

В глубине души Малиш люто ненавидел Шарка инн Сардо, но боялся мрачного эльфа еще больше. Дрожал перед его славой умелого и опытного воина, бескомпромиссного правителя и вообще неординарной личности. Малиш недолюбливал всех, кто превосходил его в физическом либо моральном плане. На их фоне Малиш ощущал собственную ущербность и несостоятельность, а это сильно раздражало. Еще больше дожимало Малиша

затянувшееся бездействие лорда инн Сардо.

— Ну что? Будете наступать щенку на горло? — нетерпеливо спросил Малиш горного эльфа и посмотрел на младенца, лежащего у ног собеседника...

Младший Аллуен был последним кровным врагом Шарка инн Сардо. Отец и мать Алика Аллуена погибли в лесу. Несчастный случай: внезапный пожар на торфяных болотах. Спасти королевскую чету не удалось. Остался маленький наследник Аллуен. Если с ним что-нибудь случится, Малиш арр Ноу как ближайший родственник унаследует все имущество, титулы и власть рода Аллуенов.

Сейчас Малиша назначили регентом племянника. Но зачем пользоваться всеми благами несколько лет, а затем все отдавать юному выскочке, когда есть древний обряд откупа? И всего-то надо взять ребенка и положить к ногам смертельного врага. А тот сам разберется с соперником на наследство. Со смертью последнего Аллуена исчезнет и древняя вражда между лесными и горными, что опять-таки укрепит род и оправдает регента в глазах сородичей.

Малиш нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Шарку всего лишь нужно наступить плачущему младенцу на горло и раздавить трахею. Или сломать шею. Всего лишь. Но Шарк, глава клана инн Сардо, почему-то медлил, мрачно смотря на истошно плачущего младенца. Этот крик стал уже порядком раздражать Малиша. Он и сам бы наступил, но нельзя. Право кровного врага, чтоб его!

— Понимаю, если б это была девочка, — нервно облизал губы Малиш, желая поторопить отчего-то задумавшегося горного эльфа. — Тогда бы вы могли забрать ее и воспитать себе наложницу. Но это мальчик. Наследник! Из него вырастет следующий Аллуен. Таких надо давить в зародыше.

— Я знаю, как надо поступить со щенком! — внезапно рыкнул лорд инн Сардо, опалив Малиша негодующим взглядом. В следующую секунду горный эльф снова невозмутимо смотрел на разрывающегося в плаче у его ног младенца.

Для того чтобы раздавить горло ребенка, надо сделать всего лишь шаг. Один шаг... В голове Шарка вертелась мысль, что когда-то у ног старшего Аллуена вот так же рыдал его похищенный сын... Только тогда происходящее не было обрядом искупления, а была просто очередная пакость старшего Аллуена. В то время еще бездетный враг не подумал, какую рану нанесет Шарку.

Глава горных эльфов казнил всех, кто был виновен в похищении его любимой жены и младенца, лично зарубил недосмотревших телохранителей. Вот только умерших никто не вернет. И он сам не успел прийти на помощь...

Своего сына со сломанной шеей Шарк нашел в мусорной куче около замка лесных эльфов. Вороны выели ему глаза. Его малыш, его крошка. Как любил он смотреть в глаза своего наследника и видеть в них собственное отражение. Нет больше его маленького мальчика.

А жена... Ее, мученицу, посмертно причислили к лику святых. Вот только зачем ему святая за гранью, когда вполне бы хватило грешницы, но живой...

Тогда над истерзанными останками сына и любимой он поклялся, что сделает все возможное, чтобы Аллуен захлебнулся в собственной крови. Шарк не начинал эту древнюю вражду, он никогда не понимал и не поддерживал бессмысленного кровопролития, но Аллуен сам втянул его в древние разборки, первым задел за живое. И вот глава рода лесных эльфов мертв, его жена тоже, а их ребенок лежит у ног Шарка, и лишь мгновения отделяют младшего Аллуена от смерти. Вот только к чему все это?

Будь заклятый враг жив, Шарк, может быть, и попробовал отомстить, чтобы ненавистный Аллуен на собственной шкуре почувствовал, каково это — потерять тех, кого безмерно любишь. Но мертвые не чувствуют боли, а живые родственники младенца сами сдали малыша. А виновен ли он? Нет. Это не он разрушил жизнь Шарка, не он наслал на главу горных эльфов стерилизующее проклятие. Никогда больше у лорда инн Сардо не будет наследника, если только он не найдет дочь Аллуена, кровь от его крови, плоть от его плоти.

Будь дитя Аллуена девочкой, насколько все было бы проще. Он бы забрал малышку и вырастил ее. Но не наложницу, как предлагал Малиш, а жену, законную жену, которая когда-нибудь принесла бы ему наследников. Вместо ушедшего. Но мальчики не умеют рожать. Да и Шарка никогда не привлекал свой пол.

— Ну так что? — вновь завел свою песню опекун ребенка. — Вы принимаете отданную кровь?

— Куда ты торопишься? — издевательски хмыкнул лорд Сардо, которого начинал раздражать стоящий перед ним трусливый эльф.

— Мой род не знает, куда я отлучился, — облизал пересохшие губы Малиш.

— А-а-а, понятно, — ухмыльнулся Шарк и вдруг, легко подхватив копошащийся сверток, произнес: — Иди, лесной эльф, маленький Аллуен больше не твоя забота.

— Что вы с ним сделаете? — опешил Малиш, не ожидая, что Шарк возьмет ребенка на руки. — Вырастите себе наложника?

Под тяжелым взглядом горного эльфа Малиш арр Ноу почувствовал, что ляпнул глупость. Спина мгновенно покрылась холодным липким потом. За такое оскорбление его могут запросто распоросовать на части и прости-прощай наследство рода Аллуенов. Но визави лишь презрительно ухмыльнулся, словно прочитав его мысли, и качнул головой:

— Что я с ним сделаю — не твое дело. Аллуенов больше не существует, и кровную вражду объявляю законченной, если, конечно, ты не спровоцируешь ее снова.

— О нет! Я не спровоцирую! — пролепетал Малиш, поспешно пятясь. — Не смею вас больше задерживать!

— Малиш арр Ноу, — тихо произнес лорд инн Сардо. — У каждого из нас есть свои тайны, и у каждого есть здравый смысл умалчивать о своих и не замечать чужих.

— Да, лорд Шарк инн Сардо, — кивнул Малиш. — Долгая память — враг спокойного существования.

— Верно замечено, мой дорогой друг, — тонко улыбнулся Шарк. — Нужно жить и давать жить другим. Но время вынуждает меня направляться по своим делам. Даю вам, Малиш арр Ноу, слово лорда Шарка инн Сардо, что юный лорд... — тут он запнулся, не зная имени ребенка.

— Алик арр Аллуен, — поспешно подсказал Малиш.

— Лорд Алик арр Аллуен, — спокойно повторил Шарк, — навсегда перестанет существовать.

И с этими словами горный эльф скрылся в портале. Только когда развеялась дымка остаточного заклинания, Малиш осознал, что облегченно вздохнул. Близость горного эльфа его нервировала. Наверно, потому, что подсознательно Малиш боялся быть убитым. Ничто не мешало лорду Шарку инн Сардо уничтожить младенца, а затем и его самого. Впрочем, последний намек был вполне прозрачным. Что бы впредь ни случилось, Малиш должен забыть о том, что Шарк не убил ребенка при свидетелях. Это отступление от ритуала. Однако, учитывая, сколько горя и неприятностей доставил горному эльфу старший Аллуен, неудивительно, что Шарк решил выместить злобу на ребенке более изощренно. В конце концов, какая разница, придушит Шарк Алика при свидетелях или приколет к стене кинжалами и будет метать в него дротики? В конце концов, если лорд пообещал, что Алик перестанет существовать, значит, так и будет.

— Мне неинтересно, как ты будешь мстить за свою семью, — пробормотал Малиш, — главное, что ты сдержишь свое слово.

Лесной эльф вздохнул и, присвистывая, направился домой. Через несколько часов от огромного валуна, где разговаривали мужчины, отделилась тень и направилась в сторону гор...

Выйдя из портала в свою замке, Шарк осторожно перехватил ребенка, поудобнее устроивая его на своих руках, и направился в личные покои. Миновав гостиную, он вошел в кабинет и положил ребенка на небольшой резной столик около окна. Младенец недовольно

зашевелился, сбрасывая пеленки. И вот на свободе оказались беленькие крепенькие ножки с трогательными ямочками на коленках. Плач прекратился, и теперь младший Аллуен наблюдал за мужчиной спокойными фиолетовыми глазами. У Шарка тоже были фиолетовые глаза. Удивительно, но чисто внешне Аллуен-старший и Шарк инн Сардо были похожи. Оба высокие, темноволосые (несмотря на то что один из них лесной эльф), с волевыми подбородками и красивыми фиолетовыми глазами. Наверно, их семьи за триста лет вражды так изучили своих врагов, что в конце концов стали даже похожими.

— И что мне с тобой делать? — вздохнул Шарк, легонько поглаживая обнажившийся животик младенца.

Ребенок не виноват в грехах родителей. Необязательно, что он вырастет таким, как они. По крайней мере, так когда-то утверждала его жена, защищая семью провинившегося перед короной лорда. «Главное — воспитание», — твердила она. Жаль только, им так и не удалось проверить ее суждения на личном опыте. Дети лорда еще не выросли и не приставлены ко двору.

Почувствовав ласку, малыш засучил ножками и улыбнулся широкой щербатой улыбкой. Еще не все первые зубы вылезли. «Но рот уже ого-го! Зубастое создание!» — умильно улыбнулся Шарк.

В дверь осторожно постучались.

— Войдите, — милостиво разрешил глава горных эльфов.

В комнату просочился гибкий человек в сером плаще. Еще час назад он прятался на встрече двух эльфийских правителей за камнем. Теперь же шпион вернулся, чтобы доложить о случившемся после разговора.

— Малиш вернулся к лесовикам, — хрипло произнес он.

От его голоса ребенок заплакал, и Шарк, сняв с груди кулон, стал медленно качать его на цепочке перед ребенком. Алик арр Аллуен тут же отвлекся и радостно стал пытаться поймать новоиспеченную игрушку.

— И что регент лесных эльфов? — хрипло спросил Шарк. — Он рассказал кому-нибудь о тайне?

— Нет, — отрицательно кивнул головой шпион, — он будет молчать, так как если признает ребенка живым, то лишится свободы, титула и трона.

— Это так, — кивнул Шарк. — Однако перед смертью мы все становимся сентиментальными и каемся в своих грехах. И тогда тайна будет раскрыта. А это должно оставаться тайной. Ты меня понял?

— Да, господин, — низко склонил голову шпион. — Когда Малиш будет умирать, я его добью, чтобы он никому ничего не смог доказать.

— Ты все правильно понял, — кивнул Шарк.

— Служу моему господину, — поклонилась тень и буквально растворилась в воздухе.

«Что ж, Аллуен, — мысленно обратился Шарк к кровному врагу, — ты лишил меня всего. Я не знаю ни одной твоей дочери, по крайней мере, среди законнорожденных. Но одно я знаю точно: твой ребенок ни в чем не виноват. Но сегодня он перестанет существовать. Ты забрал наследника у меня, я же все-таки отниму твоего у тебя».

Шарк еще раз пощекотал животик ребенка, вызвав у того очередной взрыв заливистого счастливого смеха, и позвонил в лежащий на столе колокольчик.

— Милорд? — появился в дверях слуга.

— Принеси мне вина и приготовь для моего сына ванну, — коротко приказал глава горных эльфов.

Если слуга чему-то и удивился, то виду не подал. Коротко поклонившись, он побежал исполнять приказание господина. А Шарк поднял ребенка на вытянутых руках и поднес к свету:

— Ну, здравствуй, лорд Терсен инн Сардо! Мой второй, рожденный втайне ото всех, сын. С гибелью моего кровного врага исчезла угроза, и пора представить тебя семье, а через три года и всему миру.

Часть вторая Настоящий сын

— Папа, папа! — ворвался в тронный зал Терсен инн Сардо. — Я сделал это! Я победил мастера Кодо!

Послы лесных эльфов удивленно обернулись к дверям и увидели высокого гибкого юношу с гривой черных непокорных волос и огромными фиолетовыми глазами. Заметив гостей, парень притормозил и растерял половину своего бывшего задора.

— Ой, пап, извини, — пролепетал он, пятась к дверям.

— Ну что ты! — вдруг тепло улыбнулся лорд Шарк инн Сардо, вставая с трона и поспешно спускаясь вниз. — Я, конечно, занят, но рад слышать такие прекрасные новости. Ну что же ты, малыш, не убегай! Пора знакомить тебя с государственными делами.

И с этими словами горный эльф подошел к юноше и, положив ему на плечо руку, громко сказал:

— Дорогие леди и господа, позвольте вам представить моего сына и наследника лорда Терсена инн Сардо.

Представители лесных эльфов вежливо склонили головы. О печальной судьбе первого сына горного короля было известно всем. Неудивительно, что он так дрожал за своего второго сына и берег его, что только через несколько лет после рождения отважился представить его миру, предварительно уничтожив последнего Аллуена. Да и теперь он частенько скрывал его от дипломатических миссий.

Что, увы, не мешало пышущему неугасимой энергией Терсену переворачивать замок вверх тормашками и влипать во всяческие приключения. Поговаривают, это он облил послов гномьего государства краской и едва не сорвал переговоры с орками, подравшись с сыном одного из вождей. Что именно послужило причиной размолвки — юные горячие головы не признались, однако к концу недели стали неразлейвода. Поэтому в конце переговоров спевшиеся отпрыски великих мира сего дрались уже не друг с другом, а в паре против всех. Что очень порадовало их отцов, пришедших к взаимовыгодному соглашению.

Впрочем, много хлопот наследник горного царства не доставлял. Шарк по праву гордился своим умным, талантливым и справедливым сыном. Лесной народ не держал на Шарка зла за гибель Алика арр Аллуена. В конце концов, не лорд инн Сардо начал древнюю вражду, в результате которой погиб ребенок. А горный эльф заслужил право на покой и счастье.

И теперь, видя Терсена, такого же высокого и широкоплечего, как и отец, послы понимали, что когда-нибудь из этого красивого маленького лорда вырастет достойный правитель. Отец и сын были очень похожи. Не только внешне, но и характером. Лорд инн Сардо сделал все, чтобы его наследник рос таким же спокойным и рассудительным, как и отец.

Оценивая юного лорда инн Сардо, леди Райя арр Аллиен, глава дипломатической миссии и сводная сестра бывшего правителя, подумала, что неплохо было бы породниться с горными эльфами. Возможно, Малиш арр Ноу, нынешний глава лесных эльфов, примется возражать, но главы других кланов ее поддержат. Вот только кого бы предложить юному Терсену?

Дочь Малиша? Так та не отличается ни красотой, ни умом, ни душевными качествами. Вряд ли старший лорд инн Сардо одобрит такую кандидатуру. Свою дочь? Майе еще десять. Она думает не о нарядах, а о шалостях. Рано ей познавать премудрости взрослой жизни. Может, поискать незаконнорожденных дочерей братца? Так хоть на объединенном троне возродится лучшая линия крови. Нельзя позволять Малишу узурпировать власть и укрепить свои позиции. Плохой правитель разрушит государство. Уже сейчас многие лесные эльфы мечтают о таком короле, как у горных сородичей.

Сегодня можно закинуть мысль о помолвке. А там за пару месяцев, может, и удастся

отыскать подходящую невесту. Жаль, братец, после того как проклял лорда Сардо, стал планомерно вырезать собственное незаконнорожденное потомство женского рода. Явно хотел, чтобы Шарку никто не достался. Но, делая гадость врагу, Аллуен уничтожил и собственный генофонд.

Приняв такое решение, Райя обернулась к лорду инн Сардо:

— Ваше величество, мы очень рады заключить мир между нашими королевствами, и в присутствии вашего сына хочется у вас спросить: как вы отнесетесь к тому, чтобы укрепить наш мир более глубокими узами?

— Что вы подразумеваете под этим? — внезапно насторожился глава горных эльфов.

— Брак, конечно, — пожала плечами Райя, поражаясь недогадливости собеседника. — Вражда перестанет существовать, когда два наших рода породнятся.

— Это, безусловно, заманчивое предложение, — кивнул Шарк инн Сардо. — Но у меня были несколько иные планы на наследника.

— Папа! Мне еще рано жениться! — возмутился тот.

— Спокойно, сын, — хладнокровно отозвался отец. — Никто тебя прямо сейчас под венец не тащит. Не правда ли, уважаемая Райя?

— Правда, — кивнула глава дипломатической миссии. — Однако хорошо было бы устроить смотрины через месяц.

— Я еще молод для брака! — упрямо повторил Терсен, яростно сверкнув фиолетовыми глазами и этим напomniaв Райе умершего брата.

— О наследниках никогда не поздно позаботиться, — менторским тоном заметила Райя.

Когда покойный брат слышал от нее такие интонации, то успокаивался и прислушивался. Младший же инн Сардо мгновенно ощерился, теперь уже напomniaв дипломату своего настоящего отца, и прорычал:

— Не пытайтесь на меня давить! Только папа имеет право что-нибудь мне советовать! И больше никто!

Старший инн Сардо не осадил своего наследника, предоставив тому право самому разбираться с дипломатами. Райя мгновенно оценила сложившуюся ситуацию и отступила назад. Если лорд позволяет своему ребенку говорить с опытными, привыкшими добиваться своих целей послами, значит, он уверен в собственном отпрыске. И если наследнику дозволяется самому выбирать свою судьбу, значит, тот уже созрел для осознанных и взвешенных решений. А потому лучше с юным лордом не загрызаться. Вдруг когда-нибудь он это припомнит? А судя по тому, что он кровь от крови Шарка, то юный Терсен все припомнит.

— Я не собираюсь на вас давить, — пошла на попятную Райя. — Просто я подумала, что было бы хорошо нашим королевствам породниться. Пусть не в этом году, так через несколько лет.

— Мой папа тоже холост, почему вы ему не предлагаете? — холодно осведомился Терсен.

Райя судорожно сглотнула и отступила назад. А уместно ли упомянуть здесь о проклятии? Скорее всего, нет. Чего она не ожидала, так это того, что столь юное создание начнет заманивать ее в дипломатические ловушки.

— У лорда Шарка уже есть наследник, — осторожно сказала Райя. — Это вы.

— Никогда не будет лишним завести себе еще одного, — менторским тоном, словно цитируя кого-то из учителей, заметил Терсен.

Райя окончательно растерялась. Вот теперь перед ней встала дилемма: упомянуть о проклятии — значит, напomniaть про былую вражду, промолчать — проиграть младшему инн Сардо. Леди Аллиен уже придумывала иные аргументы в пользу своей идеи, когда ей на помощь неожиданно пришел Шарк.

— Я не могу, — глухо произнес он, глядя в сторону.

— Вот уж не верю! — фыркнул юноша. — Не приbedняйся.

— Я не могу иметь детей, — пояснил Шарк инн Сардо. — Правитель лесных эльфов лорд арр Аллуен наслал на меня стерилизующее проклятие. Я не могу иметь детей ни от одной женщины, за исключением прямых потомков Аллуена. А девочек в царской семье не было.

— Так найдите незаконнорожденную дочь!

— Мой сводный брат их методично уничтожал, — вмешалась леди Райя арр Аллиен. — Боюсь, это сложная задача.

— Но если я правильно понял, вы все равно будете искать потомков бывшего правителя, — хмыкнул юный Терсен. — Вы хотите объединить трон и государства. А это значит, что нынешний правитель вас не устраивает. Насколько я знаю, у лорда Малиша арр Ноу линия матери не такая древняя и благородная, как хотелось бы. И во многих чертах характера он далек от идеального правителя. Вы же, сводная сестра Аллуена по отцовской линии, прекрасно подходите под все параметры правителя, кроме пола. В данный момент вы — главный претендент на трон лесных эльфов помимо самого Малиша. И руку могу дать на отсечение, тому не нравится укрепление ваших связей. Если в ближайшее время вы от него не избавитесь, то Малиш избавится от вас. Поэтому советую вам все-таки поискать подходящих для отца невест или предложить себя.

— Я замужем, — облизнула пересохшие губы леди Райя.

— Это исправимо, — холодно сверкнул глазами Терсен. Его юное лицо вмиг перестало быть детским и приобрело жесткие черты будущего правителя. — А теперь, если не возражаете, я пойду прогуляюсь.

И с этими словами юноша пошел прочь. Пораженная Райя проводила фигуру наследника ошарашенным взглядом.

— Мой мальчик растет, — гордо улыбнулся Шарк. — Советую вам через месяц прислать невест. Пока мой малыш не передумал...

Малиш арр Ноу не находил себе места. Смотрины! Эта хитрая стерва устроила для младшего инн Сардо смотрины! Как дважды два ясно, что она собирается сместить его, Малиша, с престола. Сама метила, да ссыла в долгосрочную дипломатическую миссию к гномам решила многое. Однако и там она нашла единомышленников! Вот же стерва! Где же взять опытного наемного убийцу? Где они, когда так нужны?!

Впредь следует посылать ее только к горным эльфам. Еще не хватало, чтобы амбициозная и расчетливая Райя перетянула на свою сторону правителей иностранных государств и свергла его с престола! Не мытьем, так катаньем! И все-таки какая зараза!

Малиш легким движением руки подозвал слугу.

— Что пожелаете, мой господин? — тихо прошептал он, наклоняясь к уху правителя эльфов.

— Проследи, чтобы ни один ублюдок Аллуена женского пола не остался в живых, — прошипел глава лесных эльфов. — Моя дочь должна быть единственной кандидаткой в невесты.

И с этими словами Малиш вышел. За дверью его ждала наряженная дочь.

— Готова? — спросил он.

— Да, папа, — слегка поклонилась она.

— Корсет платья опусти слегка, — посоветовал отец.

— Но ведь груди вывалятся! — возмутилась девушка.

— Делай что хочешь, но Терсен инн Сардо должен быть у твоих ног. А теперь выше нос — на нас смотрят!

В это время в личных покоях Райя наставляла свою дочь, сражающуюся перед зеркалом с пышным платьем.

— Через минуту мы спустимся в тронный зал на обед с Терсеном инн Сардо и его отцом. У меня к тебе огромная просьба: не вертись, не ковыряй в носу, не пытайся поскорее сбежать из-за стола. Ты должна понравиться юному лорду.

— Для чего? — изумилась Майя.
— Для того чтобы стать его женой.
— Но ты же сама говорила, что у меня еще молоко на губах не обсохло! — возмутилась девочка.

— Это политика, Майя. Если ты не понравишься Терсену, то мы умрем. Мой сводный племянник сделает все, чтобы нас уничтожить.

— Но мне всего десять! Пройдет еще восемь лет, прежде чем возможно будет осуществить брак. Сомневаюсь, что мой сводный дядя будет так терпелив. К тому же его дочери уже шестнадцать. Я не думаю, что Терсен обратит внимание на ребенка, когда рядом оформившаяся девушка.

— Ты уже сейчас можешь соперничать с нею в уме! — возразила мать. — А пройдет немного времени, и ты станешь в сто раз красивее ее.

— Так говорят все родители, — поморщилась девочка. — А что с дочерьми твоего брата? Ты нашла хотя бы одну?

— Узнаешь на обеде, — отрезала мать.

Обед протекал в нервной обстановке. Малиш постоянно косился на собственную дочь и юного Терсена. Майя нервно ела суп, боясь поперхнуться и опозориться перед принцем. Четыре девушки, представленные при дворе горных эльфов как незаконнорожденные дочери Аллуена, вели себя совершенно по-разному. Одна из них постоянно шутила и флиртowała, две другие проявляли сдержанность и некоторую высокомерность. В то время как четвертая старалась быть тише воды и ниже травы. Ее Райя обнаружила в последний момент. Черноволосая красавица с фиолетовыми глазами оказалась дочерью лесника и до последнего отрицала свое родство. Выручили леди арр Аллуен чары нахождения родства. В генах последней девушки она была уверена больше всего, потому и взяла с собой на смотрины безродную со стороны матери кандидатку в качестве запасного варианта. Лия открывшейся перспективе совсем не радовалась и стараласьшний раз не высываться, поживаясь каждый раз, когда на ней останавливался задумчивый взгляд старшего лорда инн Сардо. Райя отметила про себя, что девочку придется оставить здесь в качестве наложницы правителя горных эльфов. Только бы она приняла свою судьбу покорно и без истерик! Меньше всего сейчас нужны осложнения с горными эльфами!

Лорд Шарк инн Сардо не знал, как быть. Сейчас за обеденным столом собрались ближайшие родственники его приемного сына. Если он женится на сводной сестре, то дети от их брака будут хилыми и нежизнеспособными. Будущая династия погибнет. Но если он раскроет Терсену тайну его появления на свет, то лишится любимого сына и наследника. Что же делать?

В это время Малиш арр Ноу искренне негодовал. Юный выскочка не обращал на его дочь никакого внимания! Трон уплывал из-под носа! Даже пигалице Райи досталось больше внимания! Если Терсен женится на ком-то из них, случится катастрофа. С другой стороны, не может же убийца устранить конкурентов прямо за обеденным столом.

Внезапно Терсен заливисто рассмеялся, откинув назад голову, и Малиша как током прошибло. Он и раньше замечал, что сын Шарка уж очень похож на Аллуена-старшего. Но теперь, видя характерный жест своего дядюшки, он ощутил смутные подозрения: а не выдал ли Шарк инн Сардо сына кровного врага за своего? Если так, то Алик не может жениться ни на одной из кандидаток. А какой скандал разразится, если тайна раскроется! Для сохранения своих скелетов в шкафу Шарк пойдет на все. Возможно, даже поддержит кандидатуру Малиша на троне. В обмен на молчание. От таких мыслей настроение у лорда арр Ноу резко улучшилось. Дело сделано.

— Милорд инн Сардо, могу я переговорить с вами наедине? — обратился он к правителю горных эльфов.

— Да, конечно, — кивнул тот и поднялся из-за стола.

Грузноватый Малиш последовал за королем. Эльфы вошли в рабочий кабинет. Шарк подошел к столику и налил в бокалы вина.

— Итак, чем обязан? — холодно уточнил он, подавая гостю бокал.

— Это ведь не ваш сын, — ухмыльнулся Малиш, пригубляя вино. — Вы очень любили свою жену, а разница у младенцев практически отсутствует.

— Не понимаю смысла твоей клеветы, — холодно отозвался Шарк. — Это мой сын. Кровь от крови, плоть от плоти.

— Ой, да ладно! — хмыкнул лорд арр Ноу и решил сблефовать: — Можешь мне не врать. Я проверил мальчика чарами отцовства. Интересная у горного эльфа оказывается наследственность!

— И что ты хочешь за молчание? — устало произнес Шарк, прикрывая рукой глаза.

— Откажитесь от свадьбы, я не потерплю конкурентов на трон! Тридцать тысяч золотых и поддержка во всех моих начинаниях.

Вдруг в животе Малиша что-то словно ножом полоснуло.

— Что это? — испуганно выдохнул скорчившийся правитель.

— Это яд, — спокойно ответил Шарк. — Неужели ты надеялся контролировать меня с помощью шантажа? Никому и ничему я не позволю стать между мной и сыном.

— Это не твой сын! — прохрипел Малиш.

— А вот и неправда! — парировал Шарк. — Я растил его, я ночами не спал, когда он болел, читал по вечерам сказки. Я учил его сражаться и защищаться, политике, танцам, музыке. Он мне самый настоящий сын!

За его спиной раздался всхлип. Резко обернувшись, лорд инн Сардо обнаружил растерянного Терсена. По щекам юноши катились слезы.

— Это правда? — прошептал он. — Это правда, что я на самом деле не твой сын, а Алик арр Аллуен?

Шарк опустил голову. Если ему казалось, что полчаса назад он был растерян, то теперь он был в полной прострации. Что ему сказать? Как назвать ребенка, которого вырастил и выкормил, чужим? Как признаться и в то же время не оттолкнуть? Как сохранить прежние отношения? Первой мыслью было соврать. Но ведь тайна все равно выплывет наружу.

— Так это правда, отец? — повторил Терсен, рыдая. Шарк опустил голову и тихо кивнул:

— Да. Но для меня ты все равно останешься моим сыном, что бы ни случилось. Я люблю тебя, и ты для меня самый настоящий сын. Если ты, конечно, хочешь меня так называть.

— Папа! — прошептал Терсен и, кинувшись вперед, обнял отца. — Папочка.

Эпилог

Леди Райя откинулась на спинку трона лесных эльфов и с наслаждением пригубила вино. Все вышло не совсем так, как она рассчитывала, но все-таки лучше, чем можно было ожидать. Лесные и горные эльфы объединились, и общим правителем стал лорд Шарк инн Сардо. Бывший властитель и ее кровный враг лорд Малиш арр Ноу гниет в земле, а она назначена наместником правителя на своих родных землях. И кто сказал, что женщине не суждено править?

Две лучшие генетические ветви все-таки породнились, но сыграли свадьбу не Терсена, а Шарка и Лии. Теперь девушка беременна, и довольный наследник ждет братика или сестричку едва ли не сильнее, чем счастливый отец и весь горный народ. Бедный юноша еще не знает, что Райя не отказалась от идеи выдать за него дочь. Впрочем, у парня еще восемь лет. А там видно будет...

Озеро Ставрог

Сегодня ты сама себе напоминала средневековую барышню: до того сильно смахивала

эта повозка на карету. Столько трястись поездом и еще теперь вот в этом передвижном средстве, вглубь, в глубь России, в глубь леса, туда, где не ступала нога человека. Тебе тревожно и одиноко убегать с насиженных мест, из родного дома в безопасность, туда, где война не дойдет. А так ли не дойдет? В душе холодно и зябко, как на улице. Где-то внутри растет и множится тревога за близких людей, они тоже пробираются к тебе. В Сибирь. Почему сюда? Сама не знаешь.

За окном мелькают белые березы, а ты все едешь и едешь вглубь. Почему будешь тосковать по ним? Почему только сейчас заметила, насколько необычны черно-белые деревья, насколько милы твоему сердцу? Все как во сне, который снился так много раз. Были там вот такие же березы и терзающая душу тоска, и тревога за любимых. И озеро. Его истинных размеров не знаешь, но во сне оно казалось большим.

Над темной гладью клубится белый туман. Вода холодная, просто ледяная. Начало весны. Ты кого-то ждешь. Ах да! Мужа. В той, прошлой жизни ты дворянка, благородная дама. Вас сослали в Сибирь. Озеро — перевалочный пункт.

«Ставрог, — раздается в голове чей-то голос. — Озеро Ставрог». Как называли его местные жители, ты не слышала, но твердо знаешь, что это название лесного зеркала истинное. Его глубину не знает никто, а ты идешь по воде, приподняв подол дорогого платья, без чулок, босиком... одна, а вода все по колено. Уже почти середина, а дно все мелкое. Должно быть, холодно, а ты не чувствуешь стужи.

— Барыня, — кричат с берега холопы, — вернитесь, негоже вам, касатка, морозиться!

А ты уже ничего не чувствуешь, ничего. Эх, голубушка, оказались твои хрупкие плечи посильней, чем у надежи-мужа. Погиб в дороге от лихорадки. Это крестьяне только что принесли тебе скорбную весть вместе с велением государя «возвращаться назад». На вдову немилость больше не распространяется. Но зачем тебе она, если нет милого?

А ведь ты ждала, ждала своего ненаглядного все восемь месяцев в жалкой избушке на берегу. Каждый день выбегала навстречу и смотрела на дорогу. Теперь уже незачем ждать. Он не придет. И тебе теперь уже ни холодно ни жарко. Эх, Ставрог, Ставрог, что же ты так со мной?

Потому-то ты и не любишь Сибирь.

По щеке скатывается слеза. Ты приходишь в себя и выглядываешь в окно. Берез уже меньше, но они все еще есть. Опять перед глазами проплывает линия событий...

Ты уже не дворянка, комсомолка, товарищ. Едешь в Сибирь. Точнее, спасаешься. Почему так далеко? Снова не знаешь. Эта война пришла внезапно... а новая начнется пятнадцатого ноября две тысячи одиннадцатого года. В голове еще кружится странная дата: девятнадцатого мая две тысячи девятый. Что она означает? Не знаешь.

— Приехали! — доносится крик кучера.

Выползаешь на свет, разминаешь ноги, оборачиваешься, и кровь стынет в жилах. Ставрог! Ты уже была здесь. В прошлой жизни, дворянка. Ждала, как и теперь, но тогда он не пришел и теперь не явится. Твоего мужа немцы убили на глазах, застрелили в спину прямо на берегу озера, так похожего на это. Только там были еще березы. Белые такие, грустные. Мертв, а сентиментальная женская душа все равно замирает в надежде, что он придет. Сердце от грусти и тоски сжимается чуть ли не в кулак. Ты очень хочешь, чтобы он вернулся. И прекрасно знаешь, что напрасно, но почему-то не хочешь верить...

Эх, Ставрог, Ставрог. Опять ты. Зачем ты пьешь мои слезы, сердце, душу? Почему так или иначе попадаю к тебе?

— Приехали! — стучит кучер по дверце. — Вылезай, подруга! Ты что там? Уснула?

Ты спохватываешься и вздыхаешь с облегчением. Великая Отечественная давно прошла. Но... но зато теперь пятнадцатое декабря две тысячи одиннадцатого... Перевалочный пункт. Островок спасения. Ты выходишь наружу, и сердце охватывает паника. Точнее — истерика.

Ставрог, Ставрог! «Старый враг». Чистый, прозрачный, почти звонкий воздух. Безмятежность. Серая стальная гладь. Ставрог кажется круглым как блюдце, но это не так.

Ты берешь вещи и направляешься к старой хижине на берегу. Она уже изрядно покосилась, но ее кто-то давно чинил. Перезимуем. Сердце снова сжимает тоска и тревога за родных. Весной поедешь дальше. И больше здесь никого не ждешь. Нет у тебя мужа... Не успела встретить... И любимого тоже... Но почему тогда сердце охватывает жгучая боль? Почему все равно кого-то ждешь? Ведь никто за тобой не явится. Ты одна. Одна в лесу на берегу озера в незнакомой, но столь нелюбимой Сибири. Только ты и озеро. Тогда почему ты каждое утро все так же выбегаешь из избы и вглядываешься вдаль дороги? Зачем?

Зачем ты пьешь мои слезы, Ставрог? Зачем питаешься горечью? Всегда со мной. Почему?

Треснул порог, поехала крыша. Пытаясь поправить обиталище, под косяком нашла старое почерневшее серебряное колечко. Долго мыла в ледяной воде, пока не оттерла. Закохенели пальцы. Весна. Ранняя. Счет времени уже потерян. Но скоро в путь. На тыльной стороне колечка почти затертые буквы: «Спаси и сохрани». Ты помнишь его? Венчались в костеле... Ты была дворянкой. Этот маленький кружок серебра надели тебе когда-то на палец...

Внезапно кусты затрещали, и на полянку вышло пятеро солдат. Чужих. Добрались-таки! Не скрыться. Один из них нацелил пистолет тебе в грудь. Все, конец. Смотришь в глаза пришельцу и видишь ЕГО. Милый, милый, ты не доехал ко мне мужем, но пришел врагом. Ну давай же, стреляй, милый, разорви эту связь с озером, в котором я ни утонуть, ни забыться не могу. Я хочу, чтобы оно перестало мне сниться, устала вечно хоронить любимых. Убей, разорви эту нить, эту бесконечную связь. Прошу.

Кто-то из спутников что-то сказал моему. Их язык непонятен, но смысл откуда-то известен.

— Подожди, — говорит один, — не стреляй в нее пока. Она хорошенькая. Скрасим досуг.

Остальные горячо поддерживают. Он опускает пистолет и подходит к тебе ближе.

— Нет! — оборачивается мужчина к остальным. — Извините, друзья, но ваш досуг отменяется, я со своим зрением совсем дошел: жену не признал...

Ты просыпаешься в холодном поту и первое время не можешь определить, где находишься. Фу, все нормально: дома. А число? Январь две тысячи восьмого. Подрываешься к атласу. Нет. Нет такого озера Ставрог. Но в душе живет четкое ощущение реальности места и водоема. Так звали его изначала времен славяне. И вот это синее пятнышко на карте так похоже на него!

Пошла на кухню, выпила стакан воды. Открыла кран, долго смотрела на струю, прежде чем решила умыться. Холодная вода бодрила и прогоняла прочь сон и тревогу, так явно ощущавшуюся в сердце. Ставрог, если ты существуешь, сделай так, чтобы мы ни при каких обстоятельствах не встречались. Пожалуйста! Хочется в жизни тепла и мира.

Год

Габриель проснулся со странным чувством тревоги. Последнее время бессмертному часто снился Ницше. К чему это? Мужчина не хотел вспоминать об этом своем неудавшемся эксперименте, окончившем существование в психиатрической больнице. Не любил вспоминать. Но сегодня какое-то странное ощущение тянуло его, как на привязи, на улицу, звало, интриговало, требовало. Габриель не привык игнорировать собственную интуицию и немедленно последовал внутреннему голосу.

И вот он на нужном месте. Что дальше?

Девочка сидела на скамейке и нежно почесывала за ухом огромного старого пса. Животина блаженно жмурилась и подставляла хозяйке еще не тронутые места.

— Ах, если б я могла отдать тебе год собственной жизни, — прошептала маленькая хозяйка, обнимая друга и зарываясь в его поседевшую шерсть.

В тот же миг Габриель почувствовал, как животное начали окутывать золотые нити

жизни, идущие от человека. Вокруг бежали, торопились прохожие и вовсе не замечали зарождения творящегося в парке волшебства.

Бессмертный не выдержал и снова пригляделся к юной колдунье. Нет, он ошибся, уже не девочка, просто очень молоденькая девушка, вероятно едва-едва перешагнувшая рубеж совершеннолетия, что для него по сравнению с предыдущим опытом казалось мизером и мгновением. Как назло, малышка не знала, что творит, не чувствовала пробуждающиеся силы, не осознавала, что у нее получается. Габи еще раз всмотрелся в девушку и не выдержал:

— Ты уверена, что хочешь отдать этому животному год?

— Да, а что? — подняла та большие блестящие от слез глаза.

Она нисколько не удивилась; скорее всего, сочла, что обронила последнюю фразу вслух.

Пес тонко заскулил и подсунул лобастую голову под любимую руку.

— Хорошо жертвовать одним годом, когда имеешь за плечами восемьдесят лет, — тихо произнес бессмертный, — только у тебя их нет. Через два года твоя жизнь оборвется. Собака стара и дышит на ладан. Подумай, стоит ли ради какого-то питомца отдавать половину оставшегося времени? Это неразумно. Не лучше ли потратить их на что-нибудь более подобающее?

— Он ластится так ко мне, потому что чувствует, что завтра умрет, — горько прошептала собеседница и вдруг твердо вопросительно посмотрела Габриелю в глаза. — Ведь так?

Отважная, отметил про себя бессмертный, изучая ее пронизательный вопрошающий и немного дерзкий взгляд. Мало кто в мире, даже среди равных, отваживался так смотреть ему в глаза. И почему-то три четверти из них были женщинами. Видно, инстинктивно не опасались расплаты за свою смелость. После определенных событий *иной* дам не трогал.

Вспомнив про невольную роль плохого вестника, мужчина утвердительно кивнул:

— Завтра утром, у тебя в ногах, когда ты будешь еще спать.

— Обычно животные уходят в какое-нибудь укромное место, чтобы их никто не видел, — спокойно, без лишних истерик произнесла собеседница.

— Этот останется, — хрипло произнес Габриель, сам удивляясь собственному голосу.

— Я отдаю ему этот год, — твердо решила девочка, все еще лаская пса.

— Дура! — не выдержал древний. — Я не шучу! Тебе осталось жить совсем ничего, и ты действительно можешь еще сильнее укоротить свой путь!

— Я вам верю.

— Тогда почему, почему ты отдаешь бесценные моменты своей жизни глупому второстепенному существу, которое, наверно, едва понимает, что происходит и вряд ли оценит!

— Вы не знаете Рекса!

— Да уж куда мне? — язвительно фыркнул мужчина. — Только ты тратишь последние дни на существо, чье бытие скоротечно и похоже на горение свечи! Сейчас есть, завтра нет! Его пребывание в этом мире и так мгновение! Ты удлинишь какую-то секунду, потратив на это половину своего века! Подумай! Найди своему времени лучшее применение! Разве ты дура?

— Послушайте, — вдруг гневно сверкнула упрямица глазами и твердо, по слогам отчеканила: — Это МОЯ собака и МОЯ жизнь, так что не лезьте не в свое дело, пожалуйста! Я отдаю Рексу этот год!

— Что ж, — вздохнул Габриель, разворачиваясь, — наверное, ты знаешь что делаешь.

И пошел прочь. Прочь от этой странной девочки и ее огромной собаки. Он, бессмертный, наслаждался, упивался каждым днем своей долгой древней жизни и не мог понять, как можно пожертвовать одним годом даже из собственной бесконечной жизни, не говоря уже о среднестатистической человеческой. И уж тем более чем о половине оставшегося пути.

Ему тогда было невдомек, что этот огромный лохматый пес прыгнул давным-давно в сорокаградусный мороз в незатянувшуюся полынью, спасая пятилетнюю хозяйку; что потом он на протяжении всей жизни хвостиком ходил за ней, ограждая от неверного шага; выслушивал, когда ей было плохо, сочувствовал, переживал. Со всеми свирепый и добрый лишь с ней, единственной, кто мог колошматить его как угодно. И он терпел, позволяя творить с собой что угодно. Всегда на ее стороне.

Уходя из парка, Габриель даже не подумал, что через год незнакомка с Рексом окажется на плотине, которую внезапно прорвет. И пес, по максимуму напрягая старые мышцы, из последних сил будет тянуть не умеющую плавать хозяйку к берегу. Он мог бы бросить ее и выбраться сам, спастись, возможно, даже выгадать лишние минуты, но вместо этого упорно тащил коченеющее в ледяной осенней воде тельце, чувствуя, как уходит ее тепло, как ноют и сопротивляются его стариковские мышцы, как труднее и труднее с каждым разом сделать гребок в сторону заветной земли. Бурный поток уносил их прочь. Но он боролся, боролся за двоих.

Егеря не заметили двух бесчувственных, повернутых друг к другу тел девушки и собаки и прошли мимо. Их хватятся только завтра.

И, стоя над умирающими существами, чувствуя, как покидает тела последнее тепло, Габриель дрожал от странной внезапно нахлынувшей ярости, восхищения и какой-то непонятной обиды на весь мир и этих двоих.

Она могла похоронить Рекса год назад, но предпочла умереть с другом в один день, разделив с ним самый удачный период своей жизни. Не отказалась от данного слова, не бросила, не испугалась, не предала. А пес, хоть и не понял, чем пожертвовала для него хозяйка, просто делал, что привык: оберегал и спасал любимое существо.

Бессмертный смотрел на его огромные стекленеющие глаза и широкую лобастую голову, вновь подвернутую под посиневшую ладонь. И вроде дворняга, какая-то огромная непонятная помесь, а сердце самой благородной породы. Даже его хваленый чистокровный Цербер мерк перед этим другом. И девочка простая, но в заурядных человеческих венах текла, оказывается, высшая королевская кровь.

И вечный, сам себе поражаясь, подарил каждому из них по восемьдесят лет из собственной бесконечной жизни...

Сотворение дракона

Хроники Геи

О женщины! Кто вас придумал?!
Если Творец, о ЧЕМ Он думал?!

NN

Итак, все, как обычно, началось с женщины. Точнее, первым был Творец. И тут, по законам жанра, феминистки заявят, что он был женщиной. Шовинисты начнут утверждать обратное. Мы же, не обремененные расовыми и половыми предрассудками, не будем заострять внимание на личности Мастера, а вернемся к повествованию.

Итак, вам, уважаемые читатели, подвернулась уникальная возможность заглянуть в оригинальные хроники разных рас и сопоставить версии одного и того же события не только друг с другом, но и с истиной. Ну что? Готовы? Наберитесь, пожалуйста, терпения! Ибо начнем с высокопарной истории возникновения мира.

Высокопарная история возникновения мира (людская версия)

Вначале создал Творец небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и Тьма над бездною, и Дух Мастера носился над водою. И решил Всемогуший: «Да будет Свет!» И стал Свет. И увидел Творец, что он хорош, и отделил Свет от Тьмы. И назвал свет днем, а тьму ночью. *День первый*.

И решил Мастер создать твердь и отделил воды, что под твердью, от вод, что над твердью. И назвал твердь небесами. *И было это в день второй*.

А на *третий день* Бог создал сушу и отделил ее от воды. И назвал сушу землей, а стечение вод — морями. И потом разбил чудный сад, создав траву, деревья и кусты, приносящие плоды. И все это очень Ему понравилось.

И сказал Творец: да будут светила на тверди небесной для знамений, и времен, и дней, и годов, чтобы освещали землю: большое светило днем, и малое — ночью. Так возникли солнце и луна и звезды, и появились суточные и годовые ритмы. *День четвертый*.

На *пятый день* решил Творец, что пора населить моря и небо живностью — и наполнились воды рыбами и пресмыкающимися, и полетели по поднебесью птицы.

Но мало этого показалось Мастеру, и решил Он разместить в своем саду дивный зоопарк, и вывел всевозможных диких животных, в том числе и драконов. И увидел Творец, что не хватает в Его заповеднике хозяев, и сказал: «Создадим человека по образу нашему и подобию и дадим ему власть над тварями, что в море, и над пернатыми, что в небе, и над всем живым, что наполняет землю». Так создал Он человека по образу своему. И повелел людям плодиться, и размножаться, и наполнять землю, и овладевать ею, и дал им власть над тварями в море, и над пернатыми в воздухе, и над всеми животными, двигающимися по земле. И привел также драконов и наказал им всячески служить и помогать человеку. *День шестой*.

А на *седьмой день* Всевышний отдыхал.

Вторая сторона придерживается несколько иного мнения.

Высокопарная история возникновения мира (версия для несовершеннолетних драконов)

Итак, вначале была Тьма. Что бы ни говорили людские хроники, мы, древнейшие и мудрейшие, знаем, что первое совершенное существо, которое Великий создал по своему образу и подобию из мрака бездны, было Драконом. И было оно ЖЕНСКОГО пола, дабы дать жизнь всему сущему, и впитало в себя всю черноту ночи, всю таинственность, красоту и притягательность мглы, и назвал Виртуоз свой шедевр Тьмою. И расправила драконесса крылья свои и помчалась по бескрайним просторам Вселенной.

Но чтобы не грустила она в пути, создал Маэстро ей спутника, полную противоположность, и назвал новое существо Светом. И была у него чешуя цвета слоновой кости, и сияла она во мраке бездны, освещая путь красавцам-супругам. И слились два Дракона в вечной нити судьбы, вечном танце Света и Тьмы, вечной борьбе Доброты и Коварства. *День первый*.

И родились от этого брака хитрец Сумрак и прелесть Заря. И выбрали они от родителей лучшее, что имели те. Кожа Сумрака была сине-сизой, и тяготел сын больше к мраку. Зорюшка же родилась алой, как страсть, и тянулась она к светлой стороне. И восхитился Творец своими созданиями и сплел из сияния Света еще одного Дракона — золотистую красавицу Солнце. *День второй*.

Но влюбился в себе подобную Свет и забыл про противоположность-жену. И обозлилась Тьма, как и все Драконы, и объявила предателям войну. И поныне, где есть Солнце со Светом, нет места Тьме, а где Тьма — там неуютно Свету и Солнцу. Но стали дети на защиту отца. И теперь между ночью и днем летят в бесконечность Заря да Сумрак. *День третий*.

Но не любит Творец, когда ссорятся дети Его, и решил Он на *четвертый день* разбить

Чудный сад, чтобы отвлечь шедевры свои от междоусобицы. И создал Мастер траву, деревья да кусты. И придумал Маэстро разместить в получившихся джунглях дивный зоопарк, и вывел всевозможных диковинных животных Драконам для пропитания. Но не хватало в заповеднике рабочих, чтобы ухаживать за всей этой красотой и поддерживать ее для Драконов, и создал Виртуоз людей. И велел им служить и подчиняться Перворожденным.
День пятый.

А в *шестой день* Всевышний много чего натворил, да так, что на следующие сутки уже отдыхал. Но мы-то ведь драконы, а не люди, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Это только люди отслеживают, что там творил какой-то Демиург, а у нас есть занятия поважнее.

И в то же время на соседней полочке в библиотеке Драконов зачитана до дыр «взрослая» версия сотворения мира, каковую мы и приводим ниже.

Аналогичный вариант для «всех своих» (то есть посвященных и совершеннолетних драконов)

Итак, как вы уже поняли, вначале царил пустота. Но свято место пусто не бывает, и во Вселенную приехал Мастер. Так как для Гения ничто не помеха, свое первое творение он вылепил в темноте и из сгустка мрака, и это был Дракон.

И конечно же он оказался БАБОЙ! А что вы хотите? Маэстро работал в полной... темени! Вот и забыл добавить кое-какие недостающие детали! Впрочем, надо признаться, Он не учел еще пару душевных качеств, таких, например, как совесть, доброта, отзывчивость, милосердие. Итого, получилась абсолютная ГАДИНА! То есть земноводное в полном смысле этого слова. Но обещав — женись. В общем, что получилось, то получилось. Создатель вздохнул и назвал зверюгу Тьмой (и надо сказать, имечко подошло ей как нельзя кстати!).

Первый блин, так сказать, комом. Но худое начало — энтузиазму не помеха! И Господин решил созидать дальше, а чтобы зловерный «лаваш» не мельтешил перед глазами, Творец создал дракоше землю и небо. Однако Он здорово недооценил свое создание! А ведь оно было БАБОЙ! И естественно, по законам жанра баба стала капризничать, что ей скучно, муторно, одиноко.

И решил Всемогуший отвлечь болезную, а для того создал ей... мужа. И назвал Дракона Светом, а чтобы Тьма сильно его не обижала, Искусник извлек из ящера одно ребро и сделал костяные наросты и шипы по всему телу (*Миф о создании бронезишета*). *Звездные войны. Эпизод первый.*

Но бедняга, в отличие от Мастера, не питал иллюзий относительно ДАМ, и в частности своей будущей жены, редкостной ГАДИНЫ, то есть земноводной в полном смысле этого слова! «О Великий Создатель! — как и все мужчины, взмолился тот. — За что я перед тобой провинился? Почему отдаешь меня этой... женщине?» — «Не бойсь, — прошептал Маэстро. — Исполни свои обязанности прилежно — и из второго твоего ребра я сделаю тебе любовницу!» (*Миф о создании первого договора*).

И был Свет усердным супругом, и родились у них с Тьмой дочь Заря и сын Сумрак. И увидел Мастер, что сие хорошо, и создал в соответствии с обещанием красавицу-Солнце. (*Миф о выполнении первого договора*). И стал Свет целыми днями пропадать у любовницы (*Миф о супружеской верности*). Само собой разумеется, дамы с первого взгляда возненавидели друг друга. Где есть Тьма, нет места Солнцу, и, естественно, наоборот. *Звездные войны. Эпизод второй. (Миф о женской дружбе.)*

Но так как Солнце ТОЖЕ было БАБОЙ, а значит, редкостной ГАДИНОЙ, то есть настоящей ЗЕМНОВОДНОЙ в полном смысле этого слова, то Тьма побоялась связываться с равной, то есть с такой же зубастой, когтистой СКОТИНОЙ, то есть крупным рогатым животным в полном смысле этого слова, и переключилась на благоверного.

Как истинный мужчина, Сумрак понял отца и встал на его защиту. (*Миф о мужской солидарности*). Как настоящая женщина, Заря поняла мать и тоже стала на защиту отца, ибо дочери смерть предка была невыгодна. (*Миф о первом адвокате*). *Звездные войны. Эпизод третий.*

«О великий Творец! — как и все представители сильного пола, взмолился Свет. — Что я тебе сделал?! Мало того, что ты создал мне редкостного характера жену, так еще и одарил любовницей исключительной вредности! Одна требует алиментов, вторая — свадебного платья! За что поставил между двух огней?!» — «Не бойсь», — вновь прошептал Мастер и сделал свое творение человеком (*Миф о возникновении камуфляжа*). — «Господин! — укоризненно качнул головой дракон. — Пусть облик мой изменился, но суть осталась та же! Благоверные легко найдут меня на голой земле!» И Творец создал траву, деревья и кусты, дабы подопечный мог в них надежно прятаться (*Миф о первом полигоне*). *Звездные войны. Эпизод четвертый.*

«Повелитель! — все так же укоризненно качнул головой беглый супруг. — Пусть есть, где прятаться, но я же единственное живое создание на земле! Рано или поздно мои половинки выжгут здесь все на фиг и найдут меня!» (*Миф о женской солидарности*). — «Действительно!» — почесал затылок Виртуоз и создал в маскировку своему творению похожих на него людей (*Миф о появлении людей. Им эту версию не рассказывать!*). А чтобы вся банда не умерла с голоду, Творец создал животных. *Звездные войны. Эпизод пятый.*

Но покой Создателю только снился! «Творец! — услышал он укоризненный голос Сумрака. — Что я тебе сделал?! За что ты оставил меня в вечном террариуме? Мама сцепилась с Солнцем, сестра истинная ГАДИНА, то есть земноводное в полном смысле этого слова. Я хочу зажить наконец по-настоящему, в мире и покое. Сделай мне из двух моих ребер красавицу-жену и прелесть-любовницу!» — «А ты уверен?» — робко переспросил Творец. «Абсолютно!» — заверил его Сумрак. (*Миф об одних и тех же граблях*). И выполнил Всемогуший просьбу создания своего, ибо просите, и БУДЕТ вам! И зажили они все... весело! *Звездные войны. Эпизод шестой.*

А на седьмой день Всевышний наслаждался сотворенным блокбастером. И научился Сумрак (от великой нужды) превращаться в человека и попросил у отца укрытия (*Миф о первом политическом убежище*). И дамы, оставшись наедине друг с дружкой, тоже научились принимать хрупкий, беззащитный облик (*Миф о женской сущности*), и зажили все с тех пор еще веселее. А звезды, которые вы видите ясной ночью в небе, не что иное, как сбежавшие с земли Драконы. *Звездные войны. Эпизод седьмой.*

А теперь вся правда о создании Дракона

Итак, как вы уже поняли, вначале... Земля была безвинна и пуста, и Тьма летала над бездною, и Дух Творца носился над водой... Но это все было потом, а вначале БЫЛА БАБА! Не-ет, не дракон! Госпожа, рожденная по образу и подобию Мастера. Зачем и для чего Он ЕЕ создал, оставим на совести нашего Маэстро.

Главное то, что без ее жаркого и активного участия, как, впрочем, всегда и получается, у нашего Искусника никогда не получился бы Дракон. Собственно, наш Мастак собирался, следуя школьной программе, создать ящерку. Маленькую такую, не больше ладошки.

Но нет бедствия хуже скушающей женщины! ПОМОЩНИЦА, назовем ее так, перепробовала за какой-то час все виды женских истерик и, не получив от погруженного в расчеты благоверного никаких признаков ответа, решила заняться уборкой. То, что красавица перепутала реактивы, стало мизером по сравнению с той чудовищной слизью, которая полезла на следующий день из пробирки Мастера!

Не в силах больше с нею справиться, Великий притащил кастрюльку-скороварку, сгрузил в нее ужасающие последствия своего эксперимента, залил утилизирующей жидкостью, и, так как спиртовка не могла обеспечить длительного прогрева для разложения

органики, Виртуоз отнес свое «творение» на кухню, снял с огня кипящий бульон и поставил в срочном порядке свою бурду.

Благодарная оной подмены не заметила и спокойно сгрузила в кастрюльку ударную дозу специй, нарезанные овощи и мясо, к величайшей радости светящейся зеленой жидкости. Что-то неладное чудо-женщина заподозрила лишь тогда, когда из-под крышки на нее уставилась черная как уголь клыкастая голова. Но позвать мужа женская гордость опять же не позволила. Кто ж признается, что не умеет готовить?

Лишь окончательно умаявшись бить половником вылезающую гадину (возможно, именно этот эпизод лежит в основе злопамятности Тьмы), Прекраснейшая решила запереть «неудавшийся супчик» в противоположном конце замка в странной комнатке с толстой свинцовой дверью. Супруг всегда старался обходить стороной это помещение, наведываясь внутрь лишь в крайних случаях, а посему можно было не опасаться, что «бульон» заметят до того, как леди придумает способ его кустарно «утилизировать». Собственно, почему у покоя были такие толстые свинцовые двери и с какого перепугу размещался он в дальней части здания, красавица не задумалась. Не обеспокоил ее и факт странного отношения мужа к данному помещению.

Так она и поступила. Лишь наутро госпожа застала озабоченного Мастера, лихорадочно обшаривающего кухню.

— Милая, — наконец решил тот обратиться к подруге. — Ты не видела здесь дурно пахнущей кастрюли?

— Какой? — испуганно всполошилась та, надеясь все-таки прикрыть неудавшийся шедевр.

— Той, которую я поставил вместо этого бульона! — извлек Мастер из-под стола недоваренный суп.

— Ой! — обрадованно хлопнула в ладоши красавица. — Так это была твоя кастрюлька?! Как хорошо, что я не вылила ее.

— Куда? — испуганно охнул Искусник.

— Не волнуйся, — весело пожала плечами спутница. — Я заперла твою зверушку в маленькой странной комнатке со стенами и дверью из свинца!

— Кого ты поместила в ядерный реактор? — вкрадчиво уточнил Маэстро, пытаясь прилизать вставшие дыбом волосы.

— Твою зверушку, — беззаботно ответила прелестница. — Черная такая, чешуйчатая, с пастью, полной зубов. Надо сказать, довольно мерзкое создание. Однако череп у нее крепкий! Не взял ни половник, ни чугунная сковородка!

Но договорить ей не дал грохот в дальнем конце зала. Подхватив полы халата, Виртуоз кинулся в сторону домашнего реактора, а уже через пять минут матерился на всех языках мира.

— Дура! — орал он. — Ты только посмотри, что наделала! Эта зверюга теперь растет не по дням, а по часам!!!

— У меня есть новости похуже, — скорбно вздохнула красавица, глядя Мастеру за спину, — твоя зараза еще и летает! И кажется, плюется огнем...

Так появился первый Дракон... Очень злобный из-за негуманного обращения с животными.

(Гринпису не показывать!)

Маленькая женская тайна По мотивам народных сказок

Деревня наша маленькая. Хат двадцать, не больше. Живем в гиблых местах, промышляем сбором пыльцы болотных кувшинок. Замкнутые, отрезанные от мира люди. Естественно, когда пришла моя пора жениться, невест на всех не хватило. Не то чтобы я

уродился каким-то некрасивым или больным, нет. Просто на тридцать ребят родилось всего семь девочек. А любовь — штука коварная.

Собрались мы, холостые парни, выпили за нашу тяжкую долю и решили пойти по селам искать себе невест. Оседлал я нашего старого коника, поклонился дому родному и попросил благословения у приемного отца. А тот и спрашивает:

— И куда ж ты отправишься?

— Да в Дятлово съезжу, — припомнил я самое дальнее селение. Туда-то мои друзья явно не доберутся, и хоть какие невесты останутся.

— Зачем тебе в такую даль тащиться? — улыбнулся батя. — Поезжай-ка, сыне, на Драконьи земли, тут напрямик через болота есть деревня Ёптр-на-Куличках, там лучше поищи свою суженую.

Я, конечно, приемному отцу доверяю, но от этой фразы просто опешил. Никто из нас не рискует соваться на Драконьи земли. Там, говорят, всякие ужасы творятся. Да и чего ждать от территории нечисти, тем более что ею управляет еще большая нечисть! Видя мои округлившиеся глаза, отец засмеялся:

— Ты что? Сказок испугался?

— Да какие сказки?! — возмутился я. — Всем известно, что там живут вампиры, оборотни, вурдалаки, упыри и прочая гадость!

— Ну во-первых, вампиры и оборотни живут на других землях, — тихо произнес отец. — Они раньше с драконом постоянно по поводу территории воевали. Что в княжестве Драко обитают всякие твари — правда, но и на людских землях этой дряни не меньше. Разница лишь в том, что у князей настоящая нечисть не буйствует и на людей не нападает.

— Бойтесь самую главную нечисть разозлить? — хмыкнул я.

— Ты княжну Драко нечистью не называй! — вдруг серьезно вскинулся отец. — Это древнее существо, другая раса, ничем не хуже и даже лучше людей.

— Они коварные и мерзкие! — возмутился я.

— Нет, это не так, — спокойно ответил Рудик. — Драконы очень справедливые и внимательные к своим подданным правители. Сами по себе они довольно веселые существа с хорошим чувством юмора. Они умеют принести с собой радость и уют. Рядом с ними комфортно. Все, что говорят о Драко на человеческих землях, в большинстве случаев выдумки завистников или королевских шпионов.

— Если они такие хорошие, то почему не опровергнут слухи? — фыркнул я.

— А зачем? Знаешь, сколько переселенцев повалит на их земли в поисках халявы? Возрастет число предателей и прочего сброда. А так к Драконам мигрируют единицы. Это либо отчаявшиеся во всем люди, которые согласны подчиняться нелюдю, либо те, кто искренне восхищается Драконом и готов ему служить.

— А ты откуда все это знаешь?

— Я жил когда-то на тех землях.

Впервые я увидел Рудика, моего приемного отца и друга, в ином свете. Да, в деревне его побаивались и обходили стороной. Иногда приносили больного ребенка с просьбой вылечить, но никогда не принимали ближе необходимого. Неужели мой папа происходит из чудовищ, населяющих Драконовы земли?

— Ты один из них? — осторожно спросил я.

— Из кого? — не понял Рудик.

— Ну из нелюдей.

— А-а-а, — понимающе протянул батя. — Нет, я человек.

— И тебе хорошо жилось у Драконов?

— Прекрасно.

— А почему ушел?

— Я влюбился в твою приемную мать, а она очень боялась жить на территории Драконов, вот и пришлось пойти ей навстречу. А потом мы нашли тебя на болоте. Видно, твои родители направлялись в нашу деревню, заблудились и утонули. Пока ты рос, мы не

хотели переезжать.

— Ты поэтому предлагаешь мне поискать невесту в Ёптре-на-Куличках, — перебил я отца. — Теперь, когда мама умерла, ты подумываешь вернуться обратно, но не хочешь оставить меня одного среди людей. Да?

— Не только. Там есть очень красивые и приличные девушки. Из них выйдут хорошие жены. Только помни: до свадьбы держи глаза широко открытыми, а после свадьбы — почти закрытыми.

— Это еще почему? — возмутился я. — Чтобы на нечисти не жениться?

— Да нет, — улыбнулся в усы отец. — Поверь, нечисть в браке еще не самое страшное. Иной раз она получше людей будет. Широко открытыми тебе надо держать глаза, чтобы не прогадать и на сварливой да ленивой бабе не жениться. Они до свадьбы все умницами да красавицами прикидываются, а потом норы свой показывают. А после свадьбы закрой на все глаза — здоровее будешь и брак дольше продержится.

— А если мне нечисть какая попадется?

— Я же говорил: шанс встретить нечисть на Драконьих землях еще меньше, чем на святой земле. Не мирятся они с Драко. Ну а если все-таки и встретишь, то контракт с ней заключи. Мол, я согласен быть хорошим мужем, а ты должна быть верной и послушной женой, защищать наш очаг и детей. Если ты себя как будущего мужа преподнесешь, то она на тебя так и будет смотреть. Правда, нечисть, так же как и нелюди, с человеком обычно не скрещивается.

— А если мне нелюдь попадется?

— И в чем проблема?

— Ну как это, батя! — опешил я. — Я на ней женюсь, а она меня ночью и схарчит!

— В том-то и дело, что нет. Ты же когда в деревню приедешь, женихом представишься, и все на тебя как на жениха будут смотреть. И если уж нечисть положит на тебя глаз, то не волнуйся, не загрызет. Ты, правда, чтобы обезопасить себя на всякий случай, спроси у невесты — может, какие условия у нее есть? Выслушай внимательно и поставь свои. Коли договоритесь, то хорошей женою будет. Нелюдь-то и старится позже, и более здоровая, живучая, выносливая, и счастье в дом приносит. Не бойся иной расы. У них менталитет немного другой. Но в браке, поверь, что человек, что нелюдь — одна беда. Только на вампиршах не женись. У них брачные отношения иные.

— А как я узнаю? Мне им что, как у лошадей, зубы смотреть?

— Да нет. Просто смуглянок обходи. Они волосы в мелкие косички заплетают да бисером украшают. И еще: если тебе какое-нибудь из поставленных условий странным, но выполнимым покажется, ты не бойся, соглашайся. И помни: входить на территорию Драконов нужно с открытым сердцем. Если ты ступишь на их землю без зла за душой, то ничего с тобой не случится.

— Спасибо, папа! — улыбнулся я отцу и, получив его благословение, направился к Ёптру-на-Куличках.

Почему деревня имела в названии географическое указание «на Куличках», я знал и так, но вот наличие «Ёптра» прочувствовал на своей шкуре, глядя, как трясина пожирала мой походный рюкзак. Прощайте, новая рубашка, шелковые штаны, модные сапоги, чистое белье и подарки для будущей невесты. И как я теперь буду девушку очаровывать? Впрочем, еще больше меня огорчила потеря огнива и рабочих инструментов для сбора пыльцы. Кувшинок вокруг было безмерно. Прямо передо мной красовались верстовые столбы с символом дракона на них. С минуту я любовался изображенным в полете ящером. Все-таки красивый герб у этих Драко!

Только я так подумал, как передо мной буквально из воздуха возникли две странные твари. Со слегка вытянутыми, поджарыми, как у гепарда, телами, около метра тридцати в холке, почти скелеты, обтянутые кожей, они злобно оскалились, пригнув головы к земле. Я сразу вспомнил рассказы купцов о необычных стражах границы. Кажется, это именно они. Как там говорил папа: если ты пришел с открытым сердцем, опасность тебе не грозит.

— Я с открытым сердцем, ребята, — пролепетал я, стараясь сохранять собственное достоинство и не испортить последние штаны. — Правда, я жениться хочу! За невестой пришел!

Одна из тварей хмыкнула, но, как ни странно, посторонилась. На дрожащих ногах я бочком-бочком достиг края болота и поспешно направился по дороге подальше от страшных тварей. Вот только стоило мне пройти двести метров, как я оказался перед развилкой. Ну и в какую же мне сторону идти к этому Ёптру-на-Куличках?

Тут один из зверей, словно прочитав мои мысли, подошел ко мне и мотнул на правую развилку.

— Ну коли подсказываешь — спасибо, — поклонился я зверю и потопал в указанном направлении.

Где-то через пару километров предстала передо мной обнесенная частоколом деревня Ёптр-на-Куличках, или Кулички по-нашему. Только я подошел к воротам, как высыпали мне навстречу и мужчины, и женщины с детьми, и девушки молодые. Стоят как на подбор. Я аж растерялся.

— Приветствую тебя, путник, — вышел вперед высокий широкоплечий мужик. — Я Марк, староста деревни. С чем пожаловал?

— Невесту я ищу. Вот сказали, у вас их на любой вкус.

При последних словах девушки тут же оживились и захихикали.

— Да, — кивнул Марк, окидывая рукой стоящих поодаль красавиц. — Невест у нас и впрямь хватает. Да вот тебя-то мы не знаем. Ты сам кем будешь?

— Я из соседней деревни. Болотные Кувшинки называется. Знаете такую?

— А-а-а, — протянул староста. — Ты небось пыльцу собираешь? Старатель?

— Да, — кивнул я.

— Хм, достойная профессия. А вещи где твои?

— На кочке оступился, потоп рюкзак. Впервые в жизни так опозорился, — опустил я голову.

— Ну ничего, — похлопал по плечу староста. — Давай так сделаем: ты сейчас отдохнешь, в баньке попаришься. Девки тебе новую одежду принесут. А вечером соберемся все на главной площади, каждая красавица свое кушанье принесет. Танцы, игры устроим. Ты угощение попробуешь, кандидаток посмотришь, ну а если какая приглянется — так предложение и сделай. Условия только ее выслушай и свои озвучь. А там, как договоритесь. Идет?

— Идет! — кивнул я и направился в баньку.

Вечером собрались девки, одна другой краше. Смотрю и думаю: неужели это на землях Драконов и люди такие красивые? У нас-то таких куколок не встретишь ни в соседнем селе, ни в дальнем. А здесь в одном месте их сразу столько, и все как на подбор! Или, может, это нелюдская кровь так сказывается? Хм, интересно. Тут все нелюди или только частично?

Поворачиваюсь к старосте. Тот смотрит на меня и улыбается.

— Скажи, пожалуйста, — спрашиваю, — а правда ли, что на землях Драконов много нелюдей?

— Ну как сказать... Есть, конечно. А чего нас бояться? — смеется староста, и тут вижу я, что кончики зубов у него слегка заостренные.

— А кто ты, если не секрет? — спрашиваю.

— А так, — поморщился староста. — Мелочи. Поговаривают, в незапамятные времена у меня в предках дракон ходил. Но это было так давно, что я от человека практически ничем не отличаюсь, только интуицию хорошую имею да праздник создавать люблю. А ты что же? Нелюдей боишься? Так ты только скажи, я попрошу только человечкам остаться.

Подумал я, что негоже так нелюдей обижать. Все ж девки нарядились, прихорошились. Еще расстроятся красавицы, подкараулят меня на обратном пути где-нибудь в темном уголке и загрызут. И поминай как звали.

— Нет, — мотаю я головой, — не отзываю красавиц.

— Это правильное решение! — хлопнул меня по плечу Марк. — Поверь: что нелюди, что люди — разницы никакой.

Стремно, конечно, на нелюди жениться. Мало ли что такая сделает тебе? Достоинство ночью отгрызет или кровушку всю выпустит. С другой стороны, папа говорил не бояться. Не тронут они меня, если я их не обижу. Ладно, рискну.

Подошел я к столу и стал каждое блюдо пробовать. Вкусно готовят местные красавицы! А пляшут-то как! Посмотрел я на одну. Смугленькая, ладненькая, глаза как омуты, черные как смоль волосы в косички заплетены. «Да это никак вампирша! — думаю. — Нет, от этой, пожалуй, подальше держаться стоит!» Отец говорил, с ними даже нелюди стараются не связываться. Отвернулся я от соблазнительной красавицы и просто обомлел, сколько за спиной очаровательных барышень. И это все мне?!

Заиграл мальчик на дудочке, и под нее девушка танцевать стала, да так, что глаз невозможно отвести. Высокая, тонкая, под музыку, словно змея, так и вьется, так и вьется. Платки по ветру летят, удивительные фигуры выписывают. А красавица в лунном свете какой-то серебристо-прозрачной кажется. И глаза у нее черные, глубокие и слегка раскосые. Проследил мой взгляд староста, ухмыльнулся и говорит:

— Ну что? Понравилась тебе дочка мельника?

— Ага, — только и смог я сказать.

— Так иди, сватайся, коли любя.

— А чи люб ли ей я?

— Вот это правильный вопрос. Но ты иди и спроси. Ну что ж, красавицы тебе себя показали, а теперь твоя очередь удаль показать. Вперед.

Вышел я в круг и растерялся. Язык к нёбу прилип. Понимаю, что себя разрекламировать надо, а что сказать, и не знаю. Особенно когда на тебя столько красавиц смотрит и хихикает, и хихикает. Набрался я смелости и сказал:

— Мужем я постараюсь быть хорошим, дом уже построил, но если надо — построю еще там, где скажете. Жену буду холить и баловать. Собираю я пыльцу болотных кувшинок. Работу свою люблю и всю душу ей отдаю. Если кто из вас заинтересовался моей кандидатурой, поднимите руки.

Подняли сразу аж двадцать красавиц, в том числе и дочка мельника. У меня от сердца отлегло. Похоже, без невесты не останусь да еще и понравился приглянувшейся. Подошел я к ней и спрашиваю:

— Пойдешь за меня?

Посмотрела на меня девица глубокими черными глазами, и на секунду мне показалось, что зрачки у нее вертикальные. А затем спрашивает:

— А нелюдь возьмешь?

Похолодело у меня все внутри от ее слов, но вспомнил я слова отца и подумал, что не стоит всю жизнь бояться того, чего не знаешь. Если на другой женюсь, всю жизнь эту вспоминать буду да корить себя за трусость.

— Возьму, — киваю я. — Только, может, у тебя условия какие есть?

— Есть, — отвечает дочь мельника, улыбаясь. Присмотрелся я, а зубы у нее белые, человеческие, и еще лучше на душе стало. — Я стану тебе верной женой и буду примерной хозяйкой в доме. Будешь ты у меня всегда накормленным, обстиранным и довольным жизнью. На людях перечить тебе не стану, все желания твои буду исполнять охотно и по первому требованию, рожу тебе много здоровых и сильных детей. Но в обмен есть у меня пять условий. Первое: раз в месяц целый день я буду посвящать только себе. Ты за мной в лес не ходи и не следи, чем занимаюсь. А если вдруг когда увидишь — скажешь мне об этом. Второе: раз в год я у тебя буду брать три стопарика крови. Ты же отдавай мне их добровольно. А если кто у тебя про жизнь нашу семейную спрашивать будет, ты особо про меня не рассказывай, а просто говори: «Жена как жена, в год три стопарика крови пьет!» И запомни: люди — существа завистливые. Что бы про меня ни клявали, ничему не верь, а если сомневаться будешь — лучше у меня спроси. Не надо носить все в себе. Третье:

старайся меня уважать. Четвертое: в браке мы равными будем. Ты мне советы даешь, я тебе совет даю. А ты к ним, пожалуйста, прислушивайся. На людях меня не бей и не принижай, и я тебя на людях позорить не буду. Ну и пятый: береги меня, холь да лелей. Я же тебе взаимностью отвечать буду. А если принимаешь мои условия, то давай и свадьбу здесь сыграем.

Подумал я, что условия нормальные, и решил: была не была. Сыграли мы с Зоей свадьбу тем же вечером. Все Кулички до утра гудели. Брачную ночь я пережил довольно успешно и утром проснулся целым и невредимым. Моя нелюдь довольно свернулась под боком и дарила какое-то странное ощущение покоя и умиротворения.

Направились мы следующим утром домой и встретились на дороге с двумя моими друзьями, что тоже жен везли. Конечно, их невесты по сравнению с моей смотрелись, как утки против лебедя. Гляжу я на их жен, и гордость за свою жену берет.

— Где ты такую красавицу взял? — прошептал друг.

— На Драконьих землях, — ответил я.

— Так там же одни нелюди водятся! — воскликнул Артей.

— Эх тебе приспичило, что даже с нелюдью готов миловаться! — фыркнул Митяй, с превосходством глядя на свою пышную и румяную Дуню.

— Нелюдь не нелюдь, а все-таки людь! — пробурчал я.

Обидно мне за свою жену стало, а она только руку мне слегка пожала да дальше невозмутимо по сторонам поглядывает.

Привел я свою жену домой. Отцу она очень понравилась, и стали мы жить-поживать. В конце первого же месяца моя жена в лес ушла.

— Что? — хохотнула живущая по соседству жена Митяя. — Твою зазнобу на волю потянуло?

— Смотри, чтоб она там в капкан к моему мужу не угодила! — хмыкнула жена Артея. — А то снимет он волчью шкуру и не будет знать, что тебя вдовцом сделал.

— Ты, может, окорок у ворот выложи, чтобы жену назад приманить, — посоветовал мне Артей. — А я так уж и быть, стрелять не буду.

Вышел на порог отец, положил руку на плечо и говорит:

— Не слушай ты их. Завидуют они твоей жене. У них вот в женах то, что в родной деревне не взяли. А у тебя жена — красавица.

Послушался я отца и пошел забор ровнять. Вернулась Зоя глубокой ночью, довольная и умиротворенная. Свернулась у меня под боком и уснула. А на следующее утро такой милой и нежной была, что у меня все вопросы из головы вылетели.

Так прожили мы год. Родила мне Зоя крепенького сына. Жены друзей после родов в два раза толще стали, а моя как была тростиночкой, так и осталась. И в доме все чистенько, в печи всегда еда готовая. Придешь с работы домой — и душой отдыхаешь. Ребенок не орет, как у соседей, а тихонько в колыбельке кряхтит, жена перед носом тарелку сытного супа поставит и, пока будешь есть, плечи разомнет. Ни одного скандала пока не было. Все тихо и мирно. Каждый свою часть контракта выполняет. Вспоминаю я, что кровь задолжал.

— Да, — задумчиво кивает Зоя, — сегодня было бы неплохо мне отведать твоей кровушки.

— Бери, — бравурно предлагаю я, а самого просто трясет от страха. Что же сейчас будет?

— Не бойся, — прошептала Зоя, сделала ножом небольшой разрез на моем запястье, сцедила стопарик крови, выпила его залпом и говорит: — Остальное в другой раз возьму.

Ранку на руке Зоя языком зализала, да так, что следа не осталось. Затем дала она мне отвар какой-то травки для восстановления крови и накормила тушеной с черносливом говядиной. После первого забора крови я успокоился, и стали мы дальше жить в мире да согласии.

Заметил я, что после моей крови жена еще краше выглядит, подвижной, активной становится и ласковой такой, всем мужикам на зависть.

Через неделю позвали меня друзья в кабак отметить годовщину супружеской жизни. Сели мы за стол. Выпили по кружке пива.

— Ну рассказывай, — стали они меня пытаться, — как с женой поживаешь.

— А что говорить? — пожимаю я плечами, помня наказ жены. — Жена как жена, стирает, убирает, готовит. Вот сына родила. За год три стопарика крови выпила.

— Да, не повезло тебе, брат, — говорят друзья. — Лучше б ты холостым ходил, чем с такой женой.

— А ваши-то как? — попытался я перевести разговор в иное русло.

— А моя такая умница, такая умница! — говорит Митяй. — И готовит, и стирает, и слова мне плохого поперек не скажет. Все делает, чтобы мне хорошо было.

— А моя, — подхватывает Артей, — исполняет все, что прикажу. Скажу так — и так будет. Скажу переделать — переделает. Я ее вот где держу! — и показывает кулак.

Сидим мы час в кабаке, распили бутылочку. Вторую распили, третью. Точнее, третью я уже не распивал, так — пару капель за компанию пригубил. Я напиваться не люблю, да и жена моя, будучи нелюдью, все запахи в пять раз лучше чувствует, а алкоголь с табаком терпеть не может. Так чего я буду ее злить? Это пока мы с ней не ссорились, а разозлится — еще ночью горло перегрызет. Условия надо выполнять.

Вдруг резко распахивается дверь, врывается жена Митяя и давай орать:

— Ах ты, кобелина! Уже второй час тут пьешь! А ну пошел быстро домой! — схватила его за ворот и потащила. Митяй попытался сопротивляться, да где там.

— Ты мне, жена, не это! — попытался было возникнуть Митяй, но его пыл остудило ударившее по ушам полотенце.

— Сейчас я устрою тебе не это! — не хуже нелюди прошипела жена. — Устрою дома перекур по полной программе!

Посмотрел я на нее и испугался. Думаю: «Ну-ну! До свадьбы такой тихой и застенчивой была, а тут вот в какую фурию превратилась!»

Посмеялся Артей над Митяем и говорит:

— О! Видишь, каково! А моя жена вот где, в кулаке сидит! Пикнуть боится!

Только так сказал, как срывается дверь с петель во второй раз, и вскакивает жена Артея.

— Вот ты где, скотина! Сидишь, пьешь! А я в это время с ребенком одна как проклятая! А ну пошел домой пеленки стирать да обед готовить!

Схватила оглоблю, огрела Артея и потащила домой.

Посмотрел я на это безобразие и сижу ни жив ни мертв, думаю: «Ну если человеческие женщины в таких фурий обернулись, то что же тут моя нелюдь устроит?»

И только я так подумал, как отворилась дверь и вошла моя жена. Все сразу же насторожились и на нас уставились. А Зоя словно и не видит их, подходит ко мне спокойно и говорит:

— Милый, без тебя так холодно и тоскливо, пойдем, согрей мою постель. И сами согреемся.

Берет меня нежно под руку и уводит домой. А я еще больше испугался. «Ну, думаю, — это у них просто на людях не принято отношения выяснять, а сейчас приведет домой и даст мне жару!» А она мне еду на стол поставила, постельку расстелила и спать уложила. Ложусь и дрожу. «Ну, теперь она меня точно загрызет!» А Зоя смеется:

— Ну что, хватит тебя на супружеские обязанности?

— Для тебя в любое время дня и ночи!

Прошло десять лет. За все это время мы с женой так ни разу и не поссорились. Когда наступил сухой сезон, Зоя тоже устроилась на работу, и втроем мы с нею и отцом вытянули наше хозяйство. Смотрел я на своих друзей, как они надрывались, и думал: «Вот у Артея жена человек, а так его заела, что он мужской силы лишился. У Митяя жена тоже человек, а, по его словам, литр крови выпила. А моя нелюдь по сравнению с ними такой лютюдой кажется!»

Однажды заело меня любопытство, не выдержал я, пошел следом за женой в лес. Смотрю, пришла она на поляну, обернулась змеей, обвилась вокруг старого пня и давай на него шипеть-шипеть. Пришла вечером домой спокойная, отдохнувшая, глянула на меня и спрашивает:

— Ну что, все видел?

— Видел, — киваю.

— И что? — напряглась супруга. — Человека будешь искать?

— Зачем? Я же тебя люблю и ни на какую людь не променяю.

Так мы и прожили с ней душа в душу всю жизнь. Прав был отец: что человек, что нелюдь в браке одинаковы, надо только знать, на чем душу отводить.

Жизнь ворона

Детство

Помню, вылупился я в какой-то пародии на гнездо: одни палки торчат, щели такие, что выпасть раз плюнуть, продувает со всех сторон. Интересно, это так и задумано или мне такие родители неудачные попались? Холодно. Жрать хочется. Вокруг толкуются одни уроды. Сказали, что я и сам такой же. Очаровательно.

Единственным светлым воспоминанием в моем черном детстве были разные блестящие фиговинки, которые мамаша-клептоманка таскала в гнездо с избытком. К сожалению, они хоть и отвлекали, но, увы, не грели...

Отрочество

— Мама! Что значит лети?! Я не умею! Отец?! Едрит твою за ногу! Куда ты меня толкаешь?! Здесь же высоко! Что значит большой уже, засиделся в гнезде?! В вашем скоплении веток и при всем желании не засидишься! Держитесь на соплях, построено хрен знает как! Мороз до костей пробирает. В таком и мазохист не задержится! Вот у ласточек гнездо так гнездо! Теплое, ладное. Что значит, к ним и лети? Я не знаю как, иначе давно бы смылся-а-а-а!

А!!!! Помогите! Падаю! Вытолкнули-таки, сволочи, из гнезда! Никак братья помогли! Тоже сволочи!

Что значит, хлопай крыльями и взлетай?! Дебил?! Сами такие! Какие потоки ловить? Теплые? Я сейчас землю поймаю! Ой! Ветка!

Хм, как ни странно, инструкция «хлопай крыльями и взлетай» работает. И именно так, как сказали. Ладно, я еще басом каркать научился.

— Пап, а почему вы меня из клюва не кормите? Как большой? Вон у воробьев птенец больше мамы с папой, а все равно из родительского рта просит! Что? Сейчас по мозгам клюнешь? Ладно, проехали.

Юность

— Пап, а почему все птицы улетают на юга, а мы нет? Что? Патриоты? Страну ни в горе, ни в радости не бросим? Пап, это, конечно, хорошо, но, к сожалению, греет только душу, а не тело. Пап, а может, у нас просто средств на это нет? Что? Сейчас по мозгам получу? Понял. Замолкаю...

Жрать опять хочется. Холод собачий. И чего мы на юг не улетели, как все умные птицы?! И почему я не родился ласточкой? Вот не повезло так не повезло!

— Нет, пап, тебе показалось. Это не мысли вслух. Что? Еда и тут есть? Ты это про вон ту зеленую жижу на мусорке? Ее имеешь в виду? Не, пап, я передумал, не хочу кушать. Что, мам, сейчас будем грабить кормушку для синиц? Там САЛО?! Все понял, стою на стреме!

Молодость

Весна подкралась внезапно. Она прилетела грачами, с которыми мы подрались на той

же многострадальной мусорке, прокричала мартовскими котами, на которых я, молодой и сильный птиц, опробовал свой клюв и когти. Резко и сильно стукнула по голове, и мозгам в частности. Не понимаю, что со мной, но вокруг, оказывается, целый мир! И он полон любви!

Сновали вокруг красавицы-ласточки, что-то активно делили в луже воробышки, те самые, что недавно клянчили у родителей еду; ворковали голуби, распушая хвосты перед скромными серыми девочками. И я не знаю, зачем и для чего искал в этой толпе ЕЕ.

Меланхолия напала так же внезапно, как и весна. Вокруг серенькие, коричневенькие, сизые, беленькие девочки, и только девушки моего вида все черные и на одно лицо! Вот не прет так не прет! Что ж я голубем не родился? Вон какая белоснежная голубка сидит. Мм, закачаешься!

Ладно, вернемся к своим баранам, э-э-э, точнее, к овцам, тьфу, то есть воронам. Как говорила Коко Шанель: «У каждой женщины должно быть маленькое вечернее черное платье». Будем считать, что у них это самое вечернее платье на все тело. Так, у этой ноги слишком короткие. У этой хвост отсутствует, явно не за просто так оторвали. За все хорошее, полагаю. Та дальняя ничего, но уж больно дзюба⁶ у нее большая. Помню, у маман был такой же клюв. Как даст по мозгам — звезды не сосчитаешь. Мм, это недостаток. Если что не понравится, расплачиваться придется моей черепушке. С другой стороны, если к моей женщине полезет какой-нибудь охальник, то огребет он этим же клювом. Решено! Берем!

— Э, девушка, можно с вами познакомиться? Ай! Больно! За что?! Что значит бабник? Может, у меня к вам серьезные намерения! А гнезда пока нет! Ай! Понял! Щас будет! Что значит, сделано тят-ляп? Не нравится, давайте перестроим лучше! Что я весь черный? Так это я в смокинге. Да-да, в смокинге на все тело! Что? Это у сороки смокинг? У сороки фрак, балда, а у меня смокинг с черной рубашкой! Ничего ты не понимаешь в колбасных обрезках, женщина.

Надеюсь, хоть гнездо она нормальное отгрохает. Ага! Размечтался, наивный! Как и у мамы, клюв из одного места растет. Гнездо еще страшнее, чем то, в котором я родился. А ласточки вон как работают! Красота! Ладно, по крайней мере, на мою жену и дом никто не позарится...

Отцовство

— Что?! Эти маленькие лысые уроды — мои дети?! Ты уверена? Вылитый я? Да ты на себя посмотри, красотка!

Ладно, будем надеяться, что в этой пародии на гнездо наши отпрыски долго не задержатся.

— Что, жрать хотите? Вот вам зеркальце — играйте. Почему у ласточек все хорошо? Ну так к ним и летите! Ах, не умеете? Не волнуйтесь, скоро научу! Ждете не дождетесь этого дня? Ну ждите, я тоже его жду!

Детки обросли перьями, но краше от этого не стали. М-да, наверное, надо было покрасивше себе жену выбирать. Хотя какая-то отрада бы была. Ладно, завтра буду учить их летать. Были бы симпатичней, больше бы жалел. А так будут асами полета...

— Итак, доброе утро, ребятки! Первый пошел! Второй! Что значит высоко?! Лети, я сказал! Сваливай отсюда! Упираешься, зараза? Так, жена, подсоби! Ага! Второй полетел. Третий. Что значит, не буду? Вперед! Да, едрит меня за ногу, я такой вот засранец; детишки, толкайте его! Толкай, четвертый, а то сейчас третьим станешь! От молодец, помог папе! А теперь вперед! Что, хочешь последним быть? Поможешь с остальными? Не вопрос! Ты шестой! Да, четвертый, я скотина! А теперь хлопай крыльями и взлетай! Теплые воздушные потоки лови, придурок! Что, я сам такой? Вот видишь, хоть каркать научишься! Лети, Челленджер, лети! Пятый, ты уже и матом ругаться умеешь? Молодец! А теперь лети! Шестой, тебе помочь или сам спрыгнешь? Фух, заманался!

⁶ Клюв (белорусск.).

Однако ж летят детки! Молодцы! Орлы они у меня!

— Что ты спросил, голубь? Почему эти орлы черные? Так они же в черных рубашках и смокингах. Почему мелкие? Так не выросли еще. А если я отец, то да, орел! Чего маленький такой? Тоже расту еще. Почему жена на орлицу не похожа? Жена, тут на тебя этот сизый наезжает!

Наблюдаю, как благоверная гоняет по двору голубя. Лепота!

— Что, малыш, почему тебя пережеванной пищей, как воробьев, не кормят? Большой уже. Что? Их птенец тоже большой? А в глаз, сынуля?

Хм, а понятливые у меня дети растут! Пусть мы и не красавцы, зато умные!

— Что? Почему все птицы улетают на юга, а мы нет? Так патриоты мы! Нечего вас за границей развращать! Что? Любовь к Родине тело не греет? Иди, полетай. Засунуть свой патриотизм себе в... Ну сейчас я тебя взгрею!

И сам согреюсь!

— Опять жрать хочется? Голодлезен для фигуры, сынуля. Что? Один киль торчит? Радуйся, что другие кости пока не выпирают! Ладно, вон видишь, кашка на мусорке — иди, поешь. Что? Зеленая и воняет? Ты привереда, сынок! Значит, не такой голодный. Я сволочь? А по мозгам? И не жалуйся, что не родился ласточкой. Не повезло тебе, бывает!

Холод собачий. Пойти, что ли, в будку погреться? Или котов погонять?

— Что, сын? Опять жрать хочешь? Видишь синицыну кормушку? Там — САЛО! Стой на стреме! А теперь ты понял, почему умные птицы не летают на юг?

Зрелость

— Не, жена, больше детей не хочу! Что, уходишь к другому? Аллилуйя! А я уж переживал, что никогда не дождусь этого дня!

Соседский мальчишка, гад, подстрелил из рогатки. Ну паршивец, держись! Я тебе глаза выклюю! А ты, мамаша, не гоняй меня полотенцем! Я ваше окно вычислю и на подоконник методично срать буду! Я злой! И живу долго! Знаешь, а на голову тебе гадить приятней! Как это я раньше не додумался!

Ох, блин, не летается! Крыло совсем не шевелится. Не ел уже два дня. Неужели моя жизнь вот так бесцельно прошла и так печально должна закончиться? Я ж теоретически до трехсот лет дожить должен. А, кот, здравствуй, по мою душу пришел? А фиг я тебе дамся! Ай!

Я уже приготовился к худшему, когда меня осторожно подхватили чьи-то руки.

— Что, двуногая, добить решила? Бедный? Это ты меня жалеешь? Красавец? Девушка, ты часом не слепая? Ветеринар?!

Оказывается, человечка, подобравшая меня, оказалась врачом. Крыло выздоровело и стало как новое. За время лечения я жил у нее в большом, светлом, теплом гнезде, как в раю. Звали мою спасительницу Ольга. На самом деле двуногие тоже общаются. Я даже понимать их стал.

Но вот моя человечка подошла к окну и распахнула его настежь. Что? Выздоровел? На волю пора? Я так и знал, что все хорошее быстро заканчивается. Слушай, а может, ты меня себе оставишь, а?

— *Оль-га ?*

Я твоё имя назвал? Да если ты хочешь, я вообще заговорю! Я некрасивый, но очень умный! Что я для тебя красавец?

— *Ольга! Ольга! Ольга!* — а вот тебе контрольный аргумент: — *Ворон хороший!*

УРА!!! Я — домашняя птица! Трёхразовое питание! Постоянная ласка! Пятая сверху открытая форточка — моя! Жизнь удалась! А! Тот самый сорванец, что мне крыло подбил! Ладно, живи. А вот на подоконник ваш я наведуюсь. Будем считать, к деньгам вас благословлю!

Внеурочная работа

Самые интересные вещи происходят с людьми во сне.

Да, именно во сне. Спящими мы совершаем подвиги, признаемся в любви, путешествуем по разным странам, учимся летать, обретаем утраченное, познаем неведомое — с легкостью делаем все то, на что не хватает сил в реальной жизни.

Во сне наша мечта оживает. Та сокровенная мечта, о которой мы забываем в повседневной суете. Порой просыпаешься с улыбкой на губах и с легким сожалением говоришь: «Ах, как жаль, что это был только сон...» Да, сон, но какой реальный! Все было таким настоящим! День прошел, как всегда, в трудовой рутине. В конце дня я, как обычно, заварил крепкий кофе и сел за свой «администраторский» комп ловить вирусы. Сакс! Как сказал нам однажды по секрету лектор: пользователи — что осьминоги: восемь рук и все растут из задницы! Мы тогда здорово смеялись, а потом по истечении пяти лет отправились проверять сию истину на личном опыте. Зря когда-то думал, что программист на небольшой частной фирме — непыльная работенка!

Вроде откуда здесь взяться чрезмерной занятости? Гламурные местные дамы в разнообразных дизайнерских костюмах, солидные, уверенные в себе мужчины за сорок. Все чинно, порядочно и благородно с первого взгляда. С чего тут вирусам быть? Не на порносайтах же все сидят? Первое время искал корни проблемы, старался отследить — все чисто! Однако стандартные пять-шесть троянов в день попадают.

Вот и сейчас в сетке кишело целых десять троянов и еще три какие-то непонятные, но очень противные модификации. А ведь проверка еще не закончена! Сакс! Не офис, а сплошной рассадник зла! Специально сослуживцы, что ли, их приносят, чтобы мне, молодому специалисту, жизнь медом не казалась? Десять часов, а дело к концу и не близится! И чего шеф наказал именно сегодня со всем разобраться?

Начальник меня тоже беспокоит. Странный какой-то! Вроде нормальный мужик, а на меня нет-нет да и поглядывает. И недобро так, скажу по секрету, смотрит! Словно я девка какая! Нет, я, конечно, парень хоть куда! Кровь с молоком! Подкачанный, красивый, одеваюсь нормально, в общем, на прочих программеров ну никак не тяну, но как-то босса свращать не намерен. Мне девчонки нравятся. Ладно еще, когда наши горгоны подкатываются, но мужики — увольте! У меня к этому направлению один подход — матерный и крайне радикальный!

Комп призывно запищал. «Гидра»? Это еще что за хрень? Посмотрим! Ой, какая противная прога! Удалить! Что? Что за фигня?! Мало того что не исчезла, так еще и размножилась! А мы с тобой так! Йопта! Теперь их четыре!!! Стабильно заночую! Если это сон, то уж точно — кошмар программиста! Еще шефа для полного счастья не хватало!

Только так подумал, как дверь внезапно распахнулась и на пороге появился босс.

— Работаешь, мой сладенький? — ласково осведомился он. А вот этого не надо! Увольте!

— Аполлон Аркадьевич, я не по этим делам! — насколько можно вежливо открестился я, непроизвольно вставая из-за компа и пятясь к окну.

Босс недоуменно сморгнул и неожиданно расхохотался:

— Нет, мой мальчик, как объект любви ты меня тоже не интересуешь! — Уф! Слава богу! — Мне нужна твоя юная кровушка, твое нежное мясо, твои сахарные косточки!

При этом тело начальника принялось видоизменяться, расширяясь и увеличиваясь, кожа покрылась какой-то серой чешуей, глаза ввалились и округлились, ногти выросли до чудовищных когтей (фу, помню, у бывшей был такой же маникюр!), зубы удлинились и превратились в иглы, а на голове стали проклевываться гигантские рога, что почему-то навело на мысли о красивой жене руководителя.

— Ну как? — продолжал тем временем вещать шеф. Вот кошмар так кошмар! — Понравилась моя программка? Специально для тебя принес! Извини, не мог больше ждать, уж больно сильно на тебя мои подчиненные облизываются! Ну что смотришь так удивленно? Не тушуйся, иди ко мне, мой милый аппетитный мальчик! Не стесняйся!

Как бы не так, дорогой Аполлон Аркадьевич! Мне мои косточки самому нужны! И, схватив ближайший кувшин с водой, запустил прямо в оскаленную морду! Что я? В собственном сне своему боссу физиономию начистить не могу?! Хватит и так, что прихожу домой, включаю кваку и расстреливаю вас всех, расстреливаю!

— Какой темпераментный мальчик! — прошипел противник и кинулся на меня.

Ну-ну, дяденька, нарвался! Пусть это и кошмар, но мой черный пояс по карате всегда со мной! Недолго думая я развернулся и засадил врагу ногой в грудную клетку. Еу! Как в стену попал! Правда, начальствующее звено отнесло чуть назад, стараясь сохранить равновесие, оно раскрыло кожистые крылья. Я схватил со стола степлер и запустил прямо в ощеренную, капающую слюной пасть. Получай, кровопийца! Второй год на тебя пашу, а зарплата, как в начале! Повышения никакого, в отпуск не пускаешь, а теперь, оказывается, и вирусы на работу таскаешь! Отольются тебе слезы программиста! Получай, тварь! Массивная медная денежная жаба, подаренная бывшей, полетела на встречу со лбом патрона. Впечаталась аккуратно меж рогов. Раздался глухой низкий звон, и директор осоловело замотал головой. Вот и пригодилась бесполезная бандура!

Я оглянулся в поисках, чем бы еще «приласкать» дорогое начальство. О! Лопата! Сбоку у стены стоял набор для огнетушения: железный ящик с песком, лопата и пара пыльных пледов. Что ж, соблюдем технику безопасности! Пришедший в себя шеф кинулся наперерез. Но страх привел меня к спасительному ящику первым. Откинув ногой крышку, я копнул песка и метнул в глаза боссу. И, не теряя времени, приложил ему этой самой лопатой меж рогов, накинул на голову замершего противника пыльный плед и еще раз приложил на счастье лопатой. Затем врезал еще для надежности ему между ног и кинулся к спасительному выходу, оставив скорченного неприятеля на полу. Это ж надо! Крови он моей захотел! Щас-с! Спешу и падаю!

Там в коридоре должен висеть огнетушитель. Говорят, ими нельзя тушить людей, ибо отмерзнут все конечности! Самое время проверить! Главный пришел в себя на удивление быстро. И почему у всех злодеев такая прочная шкура?! Активизировав баллон, я направил его на приближающегося патрона, подпустил гада чуть ближе и опустошил почти все содержимое огнетушителя. На миг мир скрылся в белой пене.

— Ни фига! — прошипел начальник, стряхивая с себя пену. — Это порошковый огнетушитель! Им можно на людей!

Ах так? Тогда получи! Я перехватил баллон и таранным движением врезал чудовищу в солнечное сплетение. Гад отлетел на пару метров и удивленно замер. Что, не нравится? Опустошенный баллон понесся вслед. На этот раз противник увернулся и кинулся вперед.

И почему, дурак, понадеялся на баллон?! Сзади-то тупик! К выходу надо было драпать! Ну да поздно жалеть! И тут мозг озарила мысль! Почему боссу можно во всяких гамадрил превращаться, а мне нет? Это же МОЙ СОН! Но как ни тужился, пятась от наступающего директора, ни когтей, ни клыков, ни даже хвоста не выросло! Вот засада! А может, я стены крушить могу? Силища-то вроде есть. И, решив проверить, врезал ногой в бетон.

И о чудо! Твердыня, взметнув ввысь облако каменной пыли и штукатурки, осыпалась! Шеф оторопело застыл и тихонько выдохнул:

— Офигеть!

Ага! Я схватил валяющийся у ног осколок и метнул в противника. Выручай, оружие пролетариата! Убью скотину! Будет знать, как задерживать после работы!

— Сукин сын! — прохрипел босс, увертываясь от летящих снарядов. — Так обижать пожилого человека!

— Интеллигент! — огрызнулся я, продолжая швыряться булыжниками. — А так ругаетесь!

Внезапно в глаза ударил белый свет, и мир померк...

Компьютер противно запищал. Фу! Приснитесь же такое!

Вдруг дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился злоющий как пантера и красный как рак шеф.

— Ты уволен! — рявкнул с порога он.

Что? Почему? За что? Ах, как жаль, что я ему только в кошмаре чайник начистил!

— И не думай, что это был сон! — взревел шеф, сотрясая кулаками. — Это было на самом деле! РЕАЛЬНО! Понял ты меня?! Зараза ты этакая?! Откуда только свалился на мою голову?! Что же ты за тварь такая?!

— Аналогичного мнения, — буркнул я, собирая свои немногочисленные уцелевшие вещи. — Положительное резюме-то хоть напишете?